

ISSN 0206-868

Олег Меньшиков
в фильме
Никиты Михалкова
«Утомленные солнцем»

КИНО СЦЕНАРИИ №4

АЭРОФЛОТ

Мощность

Российские

Рената Литвинова —

дебют талантливой сценаристки
в роли медсестры в фильме
Киры Муратовой “Увлеченья”

Читайте в следующем номере

№4 КИНО СЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
Комитет кинематографии при
правительстве Российской
Федерации
Конфедерация Союзов
кинематографистов

Журнал издается с 1973 года

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ

УТОМЛЕННЫЕ

Никита МИХАЛКОВ

3

СОЛНЦЕМ

оскар – 92

ТЕЛЬМА И

Кэлли ХУРИ

54

ЛУИЗА

Наталья РЯЗАНЦЕВА

87

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УЕЗЖАТЬ

Валерий ЗАЛОТУХА

НА СЪЕМКАХ

94

”МУСУЛЬМАНИНА”

Кинодраматургия

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА

80 лет назад

98

“ПЕГАС”

Борис НОСИК

123

НАБОКОВ, ПЛЕВИЦКАЯ, КИНО:
ДОПОЛНЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Валентин ЧЕРНЫХ

127

РАССКАЗ “ПИЗДРИК”

Марлен ДИТРИХ

183

АЗБУКА МОЕЙ ЖИЗНИ

Р. Ибрагимбеков
Н. Михалков

УТОМЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ

(БЕЗУСЛОВНЫЙ ЭФФЕКТ ШАРОВОЙ МОЛНИИ)

Сценарий иллюстрирован фотографиями Николая Гнисюка, сделанными во время съемок фильма.

В ролях: Дмитрий – Олег Меньшиков
Сергей – Никита Михалков
Маруся – Ингеборга Дапкунайте
Надя – Надежда Михалкова
Всеволод Константинович – Вячеслав Тихонов
Кирик – Владимир Ильин
Мохова – Светлана Крючкова
Шофер грузовика – Авангард Леонтьев

Улица Москвы. Ночь.

Лето 1936 года. В предрассветной дымке поблескивают купола кремлевских церквей.

К подъезду многоэтажного дома на набережной Москвы-реки подъезжает черный лимузин. Мужчина в белом льняном костюме, выйдя из автомобиля и махнув рукой, отпускает водителя, входит в подъезд с тяжелыми высокими дверями.

Кабина лифта. Старый, с матовыми стенками лифт медленно поднимает мужчину на седьмой этаж.

Мужчина, насвистывая, думая о чем-то своём, разглядывает себя в зеркале. Он хорош собой: темные блестящие глаза, красивый излом бровей, длинные, гладко зачесанные назад волосы, на загорелом лице от брови к виску тонкий шрам.

Лестничная площадка. Ночь.

Выйдя на седьмом этаже, мужчина достает из пиджака связку ключей, но дверь, перед которой он останавливается, открывается сама. На пороге возникает грузный старик в потертой бархатной пижаме дореволюционного образца.

Филипп (по-французски, в нос). Дмитрий Андреевич! Это называется, сегодня буду рано?

Филипп, отступив в сторону, впускает в квартиру мужчину в белом костюме.

В глубине квартиры бьют часы. Старик считает удары.

Филипп (по-французски). Три, четыре... действительно, не поздно.

Усмехнувшись, он пытается помочь раздеться Дмитрию.

Дмитрий (по-русски). Сколько можно твердить, говори по-русски, Филипп.

Скинув на руки Филиппу пиджак, Дмитрий проходит в ванную.

Через приоткрытое окно ванной комнаты видны вдали купола Кремля.

Пустив воду, Дмитрий начинает медленно расстегивать рубашку. Сюда доносится ворчливый голос старого гувернера.

Филипп. Вы еще не родились, а я уже по-французски говорил... В девятьсот первом, года вам еще не было, ваш батюшка мне за это жалованье прибавил. А вы запрещаете.

Дмитрий. Жизнь тебе спасаю, дурак.

Филипп. А что такого, ну, жил во Франции несколько лет. Так Ленин тоже там жил... и другие жили, кто из них пообразованней.

Дмитрий. Ну ты же видишь, чем они кончили. Сам мне газеты читаешь.

Филипп топчется у двери в ванную. Слышен телефонный звонок. Филипп смотрит на часы. Звонок повторяется.

Филипп (возмущенно, по-французски). Четыре утра, Господи! Вот люди пошли!

В ночной тишине звонок звучит так громко, так настойчиво, что хорошо слышен и в ванной.

Дмитрий, раздумывая, тщательно вытирает руки полотенцем.

Дмитрий. Он много раз звонил?

Дмитрий выходит из ванной. Отдает полотенце Филиппу.

Филипп. Весь день. Но я не брал, как вы велели. Ни разу, клянусь вам... Можно, я

сейчас возьму?

Дмитрий. Нет.

Стягивая на ходу рубашку, он идет в комнату.

Бросив рубашку двигающемуся следом за ним Филиппу, Дмитрий Андреевич проходит мимо звонящего телефона к тумбе с патефоном, заводит его.

На спине, под лопаткой, рядом с полоской подтяжки виден глубокий шрам.

Дмитрий ставит пластинку. Звучит музыка из "Мадам Баттерфляй" Пуччини, сквозь которую настойчиво прорываются звонки телефона.

Голый по пояс, Дмитрий садится в кресло у телефона, достает портсигар, вынимает папиросу, ловко бросает ее в рот и снимает наконец трубку.

Дмитрий (нарочито хрипло). Да... Спал, конечно... да, разбудили. Слушаю вас.

Молча, слушая голос в трубке, пытается одной рукой прикурить папиросу.

Филипп подносит зажженную спичку, Дмитрий прикуривает, глубоко и прерывисто затягивается. Филипп тем временем снимает с него туфли.

Дмитрий. А что я могу сказать? Я могу только в шестой раз спросить: почему именно я? Но я не спрашиваю, потому что знаю ответ. Хорошо, я вам перезвоню завтра. Хорошо, через 10 минут.

Дмитрий откидывается в кресле, долго сидит неподвижно, с закрытыми глазами. Из телефонной трубки, которую он продолжает держать в руке, слышны короткие гудки...

Филипп приносит плечики, вешает на них пиджак Дмитрия, предварительно вытащив из внутреннего кармана револьвер. Положив его на стол рядом с телефоном, он направляется назад к шкафу.

Филипп. В газетах опять черт знает что пишут...

Из телефонной трубки, лежащей на подлокотнике кресла, продолжают доноситься гудки. Дмитрий машинально берет со стола револьвер, вынимает из барабана пять патронов, аккуратно выстраивает их в ряд на столе. Филипп возвращается к столу со стопкой газет.

Филипп (просительным тоном). Можно почтаю вам?

Дмитрий кивком головы разрешает.

Филипп перебирает газеты, ищет место, с которого начать чтение.

Филипп (нервно). Где же это? Так... Нет, не то. А, вот...

"Обвинительное заключение по делу антисоветского, объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра..."

Читая газету, он время от времени бросает взгляд на Дмитрия Андреевича.

Филипп. "...который был организован и действовал по прямым указаниям находящегося в эмиграции Троцкого. Свою преступную деятельность объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр наиболее активно развернул..."

Дмитрий коротким движением головы дает понять, что судьба объединенного центра его не интересует.

Филипп (с готовностью). Неинтересно? Пожалуйста, пожалуйста...

Есть другое, вот: "Революция и интеллигенция". Великая Октябрьская социалистическая революция, покончив с вековой классовой несправедливостью царизма и утвердив на территории бывшей Российской империи строй, защищающий интересы пролетариата и трудового крестьянства, поставила исторический вопрос: "С кем вы, российская интеллигенция?"

Дмитрий снова прерывает его.

Филипп. И это не хотите? Хорошо, тогда вот это: "Поражение твердолобой реакции..." Но и эта информация не интересует Дмитрия.

Филипп. Дмитрий Андреевич, побойтесь Бога. "О чистке Соваппарата" – это же интересно!.. Нет?! Но мне это интересно... Разрешите хоть раз прочитать то, что мне интересно!..

Почувствовав, что сломал сопротивление хозяина, он возвращается к информации о чистке.

Филипп (читает). "Постановление ЦИК СНК СССР о чистке аппарата надо поставить сразу на верные рельсы..."

Дмитрий тем временем раскручивает барабан револьвера.

Филипп (продолжая). "...Никакой спешки! – первое основное правило чистки. Товарищ Сталин неоднократно указывал на всю вредность спешки, торопливости в деле улучшения госаппарата..." (Он замолкает.) ...Да, пожалуй, вы правы, Дмитрий Андреевич... Неинтересно... А, вот, нашел... Это нечто совершенно изумительное, как говорила, Царствие ей Небесное, ваша маман...

Он переворачивает лист газеты.

Филипп. "Непрошенные гости... За

последние две недели в Подмоскowie зарегистрировано несколько случаев внезапного появления шаровых молний...”

Дмитрий еще раз вращает барабан револьвера.

Филипп (продолжая читать). “Непрошенные гости исчезают так же неожиданно, как и появляются, нанося большой ущерб народному хозяйству, здоровью и даже жизни трудящихся...”

Дмитрий медленно подносит револьвер к виску.

Филипп (читает). “Очевидцы наблюдали странную закономерность...”

Палец Дмитрия медленно давит на спусковой крючок.

Филипп (читает). “Направление движения огненных шаров находится в прямой зависимости от активности расположенных вблизи предметов...”

Боек револьвера медленно отходит. Плавно вращается барабан.

Филипп (читает). “Именно тех, кто пытается бежать или предпринять что либо иное, чтобы избежать сближения с шаровой молнией, она чаще всего и поражает.

Существует мнение, что явление это не что иное, как часть хорошо продуманной диверсии, подготовленной...”

Раздается резкий щелчок. Филипп

перестает читать, прислушивается.

Филипп (кивая головой в сторону кухни). Мышеловка... Бьет без осечки. Трех мышей уже прихлопнула... А молния – пять!..

Дмитрий. Мышей?

Филипп. Человек!.. До обугливания!..

Дмитрий все еще держит невыстреливший револьвер в руке. Лицо его бледно, на лбу, на верхней губе и подбородке капельки пота.

Дмитрий. Подал бы лучше чаю, чем глупости читать, голубчик!..

Из трубки все еще слышны короткие гудки. Митя нажимает на рычажок телефона, дожидается длинного гудка и набирает номер.

Трубку сняли сразу.

Дмитрий. Это я. Я согласен!.. Но теперь уж действительно, это последнее.

Осенний туманный парк...

Все скамейки пусты, и только на одной из них сидит маленькая девочка. В такт музыке она болтает не достающими до земли ногами. На эстраде трио: гитарист, скрипка и певец. Все в белых рубашках, белых брюках и парусиновых башмаках. Певец самозабвенно поет знаменитое танго: “Утомленное солнце нежно с морем

прощалось...”

Возникают титры фильма.

Баня в деревне. Раннее утро. Солнце.

Маленькая баня находится среди зарослей крапивы у самой околицы. Из бани доносится детский смех.

Сквозь маленькие окошечки проникает солнечный свет. Его острый луч тонет в густом пару. На полке лежит мокрый Сергей. Маленькая Надя, хохоча, колотит его веником, усевшись верхом на его широкую спину.

В крошечном соседнем помещении Маруся полощет детские вещи. Сергею видны ее острые плечи, мокрые волосы, прилипшие к тонкой шее.

Надя с наслаждением лупит веником по спине отца, а тот притворно вскрикивает. Надя заливается звонким хохотом.

Маруся то и дело оглядывается на них и улыбается.

Издали доносится ровный гул, на который никто в бане не обратил внимания.

Хлебное поле у деревни. Утро.

По пыльной дороге движется колонна танков. Останавливается у края деревни перед большим хлебным полем. От деревни к танкам бегут люди, размахивая руками, в

чем-то возбужденно убеждают танкистов. Подскакавший к ним всадник что-то крикнул и погнал неоседланную лошадь по пыльной дороге к дачному поселку.

Печет солнце. Всадник мчится по дороге навстречу старенькому грузовичку, груженному дачным барахлом; в кузове все как всегда: кровати, матрацы, коляски и т.д.

Грузовичок останавливается. Шофер вылезает на подножку, машет всаднику. Тот осаживает коня.

Шофер. Браток, где здесь Згорянка или Загорянка? Чего-то я заплутал...

Усатый мужик. Может, Згоренка? Так это совсем наоборот, в другую сторону.

Показывает направление, противоположное тому, куда катил грузовичок.

Шофер. Ты понимаешь, у меня адрес в рубашке был, а жена рубашку постирала...

Усатый мужик (перебивая). Спешу я. Вон туда езжай.

Ударяет ногами коня. Скачет дальше. Грузовичок начинает разворачиваться.

Улица поселка ХЛАМ. Утро. Солнце.

По спящему еще поселку несется всадник. Из лесочка доносится звук пионерского горна, играющего побудку.

Сад. Дача Головиных. Утро. Солнце.

Усатый мужик чуть не на ходу слетает с коня и бежит по участку. В доме все еще спят. На террасе – оставленные еще с вечера чайные чашки.

Мужик стучит в окошко. Из-за занавески появляется испуганное лицо домработницы Кати Моховой.

Мохова. Что? Что случилось?

Усатый мужик. Товарища Котова надо! Товарища Котова Сергея Петровича надо срочно!

На втором этаже открывается балконная дверь. Появляется Марусина мама, Ольга Николаевна, в халате.

Ольга Николаевна. Катя! Что случилось?

Колхозник отступает от дома, чтобы видеть Ольгу Николаевну.

Усатый мужик. Товарища Котова надо срочно!

В окнах появляются еще лица: бабушка Лидия Степановна, ее подруга детства Елена Михайловна, заспанный Кирик – сорокалетний сын Елены Михайловны. В доме ударили часы.

Ольга Николаевна (строго). Ты слышишь который час?

Усатый мужик. Надо очень! Как же иначе. Никогда бы... Там танки! Нас не

слушают! Все погубят! Сергей Петрович может спасти. Нас не слушают. Весь хлеб подавят.

Каморка Моховой в доме Головиных. Утро. Солнце.

Катя Мохова, услышав бой часов, достает из огромной коробки какое-то лекарство, с наслаждением кладет таблетку в рот и запивает из графина, специально тут находящегося.

Баня. Утро. Солнце.

Шестилетняя Надя сидит в огромной шайке. Отец намыливает ей спину, щекочет; Надя смеется, брызгается. В ответ отец обрушивает на нее целый ушат теплой воды. Надя фыркает, затыкает нос и уши... Маруся, взяв у мужа мыло, начинает мылить Наде голову. Надя верещит, вертит головой.

Надя. Ой, глаза... глаза щиплет... осторожно.

Сергей сидит по другую от Маруси сторону шайки. Через Надину голову смотрит на Марусю. Маруся ловит его взгляд, опускает глаза.

Маруся. Не смотри на меня так.

Сергей улыбается, не сводя с нее глаз, полных желанья.

Маруся. Не смотри, пожалуйста. Я

прошу.

Но Сергей не способен сейчас выполнить просьбу жены. Видно, как Маруся старается не встретиться взглядом с Сергеем.

Сергей (шепотом). Маруся...

Руки Маруси, вдруг обессилев, опускаются, хватаются за края шайки. Надя, с намыленной головой и зажмурившись, пытается понять, что происходит.

Сергей кладет свою руку на Марусину, продолжая неотрывно смотреть на нее. Он все так же напряженно улыбается.

Сергей (шепотом). Маруся.

Маруся (шепотом). Не надо!.. Умоляю. Ребенок здесь.

Сергей (шепотом). Иди сюда! Иди... Ну!

Он медленно сжимает Марусино запястье. Маруся закрывает глаза, пытается сдержаться. Видно, как напрягается все ее тело, запрокинутая назад голова...

И тут раздается истошный визг Нади, в глаза которой попало мыло...

Хлебное поле у деревни. Утро. Солнце.

Танковая колонна медленно разворачивается в боевой порядок. Пыль, гарь, лязг гусениц. Какая-то старуха колотит своей палкой по танковой броне. Из люка появляется разъяренный механик.

Механик (орет). Ну что ты ко мне

пристала, бабка? Я тут при чем? Уйди! Приказ у нас! Уйди, задавлю!

Старуха (пытаясь достать механика палкой). Меня дави! Хлеб не дам!

Танкист пытается увернуться от бабкиной палки, но та достает его.

Баня в деревне. Утро. Солнце.

На ходу натягивая на мокрое тело штаны, Сергей выскакивает из бани. Бежит через высокую крапиву. Усатый мужик несется следом.

Усатый мужик. Слушать не хотят. Давят прямо на поле!

Сергей. А председатель-то ваш где? Едри его мать!

Усатый мужик. На держабеле! Где же еще? День и ночь там! Орет, плачет! Теперь не знают, взлетит ли? Из районного НКВД приехали.

Через крапиву они добегают до забора. За ним стоит лошадь. Усатый мужик помогает Сергею влезть на нее.

Усатый мужик. Я так добегу... Вам бы успеть... Без седла совладеете, товарищ Котов?

Сергей разбирает веревки, заменяющие повод.

Сергей. Ладно, догоняй!

Сергей ударяет ногами коня, и тот с

места поднимается в галоп. Усатый мужик бежит следом. Из банки выбегают наспех одетые Маруся и Надя. Тоже бегут за скрывшимся в пыли Сергеем.

Хлебное поле у деревни. Утро. Солнце.

Развернувшиеся в ряд у края поля танки готовы к началу атаки: режут двигатели, в смраде выхлопных газов дрожит поднявшееся над лесом солнце. Командир смотрит в бинокль туда, где за полем, на горе, замер сигнальщик с поднятым флажком. Столпившись у головного танка, что-то кричат колхозники. Машины вот-вот должны рвануть с места. И тут перед ними вырастает всадник. Он мчится между танками, вздыбливает коня, что-то кричит...

Сергей (кричит, стараясь перекрыть рев танков). Под трибунал все как один пойдете! Война что ли?! Люди этот хлеб сажали! Растили. Это колхозный хлеб. Ты понимаешь это?

Молодой танкист испуганно моргает глазами.

Сергей. Чего вылупился, поворачивай, говорю тебе!

Танкист. А я при чем? Приказ. У меня командир есть!

Сергей. Где он, где он, твой командир? Но к Сергею уже бежит, матюкаясь, выскочивший из машины офицер.

Офицер. Ты что, сдурел?! Баран! Вали отсюда, пока я тебя не пристрелил!

Сергей. Что-о-о?

Он сваливается с лошади почти на офицера.

Сергей. Как разговариваешь! Смирно! Офицер хватается за кобуру.

Сергей. Ты что, меня не знаешь? Не узнал?..

Сергей срывает фуражку с головы подбежавшего адъютанта, нахлобучивает себе на голову, поворачивается в профиль.

Сергей. А теперь узнаешь?

Офицер даже попятился. В этом полуголом, босом мужике с бешено сверкающими глазами он узнает легендарного комдива.

Офицер. Товарищ Котов?! Неужели вы?

Сергей. Это кто такое выдумал?! Хлеб в мирное время губить!

Офицер. Полковые учения, товарищ комдив!

Сергей. Кто командует?

Офицер. Комбриг, товарищ Лапин.

Сергей. Михаил?

Офицер. Так точно! Товарищ Лапин Михаил Ильич.

Сергей. Где связь?

На горизонте появились самолеты.

Офицер. Уже авиация пошла, товарищ Котов.

Сергей. Так она по воздуху летает... полей не губит!

Вместе они бегут к машине связи. В радиии слышен разъяренный голос Лапина.

Лапин. Почему стоите? Где танки? Танки где?

Сергей (берет трубку). Я бы сказал тебе, Миша, где твои танки!

Лапин. Что?! Кто? Кто это?

Сергей. Это я, Миша! Сергей Котов.

Лапин (после паузы). Котов? Товарищ комдив? Что вы там делаете?

Сергей. Столбы, Миша, валяю и к стенке приставляю! Это ты выдумал хлеб народный танками давить?

Лапин. Так ведь...

Сергей (перебивает). Отставить! Ты, может, еще и пленных брать будешь? Или города бомбить?

Лапин. Но, товарищ комдив...

Сергей. Отставить! Миша, ты меня хорошо помнишь?

Лапин (после паузы). Хорошо, товарищ комдив.

Сергей. Молодец! Поворачивай машины и найди другое решение своим маневрам.

Лапин. Есть, товарищ комдив.

Сергей надевает фуражку на голову перепуганному адъютанту и, лучезарно улыбаясь, шагает к стоящим в поле перепуганным Марусе и Наде. Танки начали перестраиваться.

Веранда дома Головиных. Утро. Солнце.

Идут последние приготовления к завтраку. Вьетса парок над носиком белого кофейника. Дымятся поджаренные тосты. Поблескивают кусочки сахара в сахарнице. Выстроены в ряд на голубой скатерти белые чашки. Стопка блюдец рядом. Желтеет мед в голубом блюде с кусочками сотов в нем.

Ольга Николаевна тонко нарезает сыр. Седой почтенный мужчина, с добрым, чуть опухшим лицом, читает газету. Это брат покойного мужа Ольги Николаевны Всеволод Константинович.

В нескольких шагах от веранды Маруся поливает из большого белого кувшина голого по пояс Сергея; он плещет пригоршни воды в лицо, трет сильную шею, плечи, смывая с них пыль, трет мускулистые руки.

Сергей. Называется в баню сходил!.. Раз в неделю себе позволяю: нет, и там достали... Зачем вы сказали им, где я?.. Кто вас за язык тянул?..

Ольга Николаевна. Он был такой возбужденный, так кричал... Хлеб!.. Поле!..

Сергей энергично вытирается полотенцем, которое он снял с плеча жены.

Сергей. Ну и хрен с ним, с этим полем. Я что, Мичурин? Есть приказ – надо выполнять. Атаку сорвали!.. Я еще им врежу за то, что послушались меня... И мне еще арбуз вставят...

Сергей надевает халат, поданный ему Марусей, подозрительно принохивается к воротнику.

Сергей. Черт... Одеколоном несет... Опять Кирик халат мой надевал?!

Маруся смеется.

Ольга Николаевна (делая вид, что не слышит вопроса Сергея). А я вообще не понимаю, зачем надо ходить в грязную деревенскую баню, когда есть чудная, чистая ванная... Знаю, знаю... И Суворов, и Кутузов, и Пушкин – все в бане мылись... А ребенку

там делать нечего... Скажите, Всеволод... (Взрывается.) Ну что вы вечно... Вы, как Швейцария, сыты и безразличны.

Всеволод Константинович. Ничего подобного. Я голоден и страстен, как цыган...

Сад дома Головиных. Утро. Солнце.

Надя, напевая под нос мотивчик “Утомленного солнца”, движется с вообразимым партнером в танце, выставив вперед полусогнутые руки. Застывает на месте, увидев две женские фигуры, проворнодвигающиеся среди сосен к дымящейся у забора куче прошлогодних листьев.

Высокая, статная Елена Михайловна держит в руках большую коробку – аптечку домработницы Моховой. Семенящая следом прабабушка Нади Лидия Степановна пытается поддерживать коробку, но, отставая, то и дело ее опускает. Надя поражена увиденным.

Надя. Бабушки, вы что там делаете?

Дамы испуганно оборачиваются на голос, прижимают пальцы к губам, призывая Надю к молчанию.

Елена Михайловна. Т-с-с...

Дамы бросают коробку в костер горящих листьев. Надя укоризненно качает головой,

предчувствуя беду...

Улица поселка ХЛАМ. Утро. Солнце.

С идущей по обочине Любой, некрасивой, странно одетой тридцатилетней сотрудницей кафедры римского права, поровнялся грузовичок.

Шофер (приоткрыв дверь кабины). Это не Загорянка?

Люба (испуганно). Как Загорянка?!

Люба беспомощно оглядывается, видит проезжающего мимо велосипедиста. Это Кирик.

Люба. Простите, это не ХЛАМ?

Кирик (не замедляя хода). ХЛАМ, ХЛАМ. Еще какой ХЛАМ!..

Шофер (недовольно). Какой еще хлам?

Люба (радостно). Поселок художников, литераторов, артистов, музыкантов – ХЛАМ...

Шофер, чертыхнувшись, хлопает дверцей кабины.

Грузовичок поворачивает назад...

Веранда дачи Головиных. Утро. Солнце.

Всеволод Константинович продолжает читать газету, отпивая кофе; Сергей просматривает почту. Лидия Степановна, нервно подергивающая головой, застыла как бы в ожидании чего-то опасного; Ольга Николаевна делает себе бутерброд с

маслом. Из дома выходит Маруся, причесанная, в нарядном сарафане.

Ольга Николаевна (кричит в дом). Леля! Сколько можно ждать?!

Маруся. Сейчас идет... Примеряет...

Прежде чем сесть за стол, она задерживается около Сергея. Шепчет ему на ухо.

Маруся. Бабушка строит пальто Елене Михайловне... На века... Только ты не смейся, прошу тебя, обида будет смертельная!

Всеволод Константинович (из-за газеты). Признание – мать правосудия. Придумать же надо такое!

Сергей как-бы не слышит. Продолжает заниматься письмами.

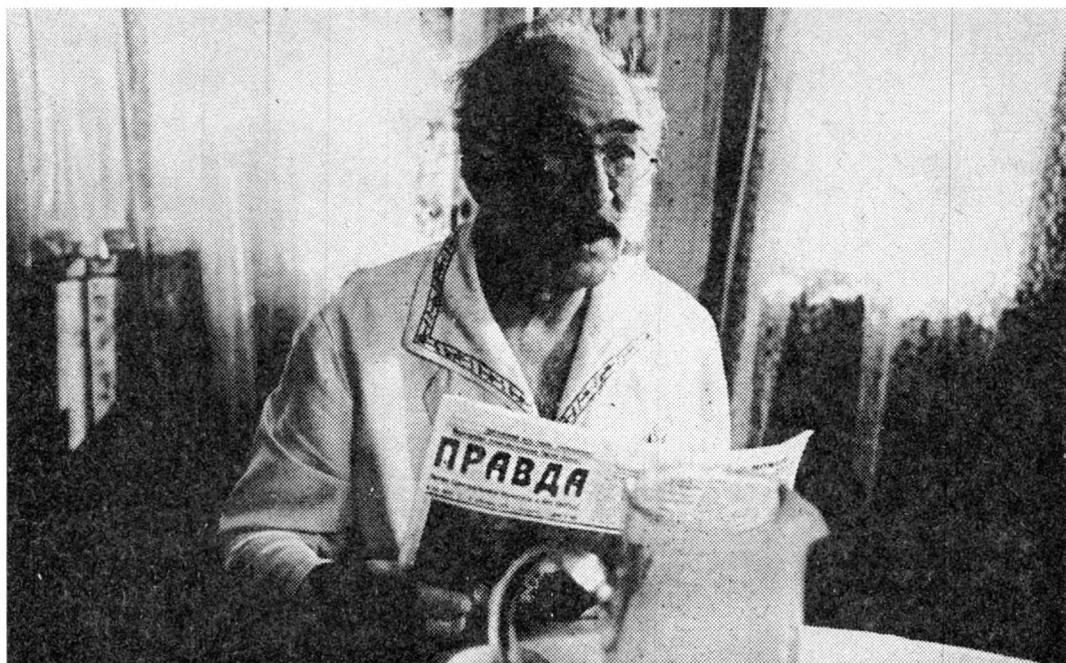
Ольга Николаевна. Нельзя ли без комментариев, Всеволод?

Язык тебя погубит рано или поздно...

Всеволод Константинович. Если вас интересует моя точка зрения по этому поводу, то – пожалуйста... Я всегда считал и считаю, что презумпция невиновности – основа всякого права, включая римское, которое я имею честь преподавать.

А тезис Вышинского – “признание – мать правосудия” – по моему глубокому убеждению, антинаучная чушь.

Вы бы посмотрели на их перепуганные

лица. А я улыбаюсь: это моя точка зрения, говорю, которую я от всех скрываю, но с вами охотно делюсь в надежде на взаимопонимание. Они как начали орать: "Идите отсюда, ничего мы не слышали, вы нам ничего не говорили!" Пришлось уйти.

Сергей неодобрительно качает головой, чувствуется, что рассказ Всеволода Константиновича его тревожит.

Всеволод Константинович (улыбаясь). А какова ваша точка зрения на эти вопросы, Сергей Петрович?

Ольга Николаевна. Прекратите, Всеволод! Шутовство какое-то...

Всеволод Константинович. Да, я шут, но я из тех шутов, которые танцуют под свою дуду, а не под чужую... У нас опять чистка была. Половина кафедры выгнана за недостаточное знание первоисточников марксизма-ленинизма. А меня не тронули. (Сергею.) Спросите, почему? Ну, спросите!

Сергей (не глядя на него). Почему?

Всеволод Константинович. Отвечаю. Они мне: "Читали ли вы работу товарища Ленина "Три источника, три составных части марксизма?" А я им в ответ: "Нет, не читал!" Они переглядываются. Мол, с этим все ясно. Можете идти, говорят. А я их прошу: "Вы бы спросили у меня, почему я не читал такую важную работу товарища Ленина? И многие

другие не читал, ни Маркса, ни Энгельса."

Кстати, а вас, Сергей, не интересует, почему я не читал и не читаю классиков марксизма-ленинизма?

Сергей (сухо). Нет, не интересует.

Всеволод Константинович. Даже вы испуганы, прославленный комдив. Боже, что творится! Я ничего не имею против коммунистических идей, но как можно злодейство и страх сделать повседневностью?

Маруся выразительно смотрит на мать, как бы требуя вмешательства.

Ольга Николаевна. Всеволод!

Всеволод Константинович. А причина в одном! Политика требует ужесточения, но не хватает компетенции... Да, так вот, я им говорю: "Не читал я товарища Ленина и других классиков марксизма, потому что прочитал работу товарища Сталина "Вопросы ленинизма" и считаю, что этого вполне достаточно! А вы так не считаете?" Посмотрели бы вы на их испуганные физиономии.

Кстати, Сергей Петрович, очень интересно Ваше мнение по этому вопросу.

Сергей смотрит на Всеволода Константиновича с плохо скрытой настороженностью. Но, встретившись с ним взглядом, не выдерживает и начинает

смеяться. Но тут же прерывает смех – в дверях дома появляется Елена Михайловна в длинном, до полу, пальто, напоминающем по покрою кавказскую бурку.

Ольга Николаевна. Наконец-то...

Все молча рассматривают пальто на Елене Михайловне, которая медленно разворачивается вправо и влево, как заправская манекенщица. Никто не решается первым нарушить молчание.

Не выдержав, прыснула смехом Маруся – очень шумно, именно из-за тщетной попытки сохранить серьезность.

Сергей Петрович смотрит на нее осуждающе.

Сергей. Очень хорошее пальто... Сносу не будет.

Лидия Степановна (радостно). Правда? Ангел мой! Первый раз! Первый раз Сергей Петрович одобрил мою работу.

Сергей придвигает Марусе один из лежащих на столе конвертов.

Сергей. Тебе письмо.

Из окна второго этажа доносится вопль Моховой.

Ольга Николаевна. Началось.

Маруся распечатывает конверт, начинает читать письмо.

Всеволод Константинович. Лидия Степановна, вы играете с огнем –

разъяренная девственница страшнее тигра.

Лидия Степановна. А что делать?.. Что делать?.. Она глотает все подряд...

Ольга Николаевна. В одно прекрасное утро мы нашли бы труп. Я не хочу иметь у себя в доме отравленный труп...

Вопли Моховой стихают, переходя в монотонные рыдания.

Маруся встает из-за стола, идет в дом, унося с собой письмо. Отворяется калитка, и, катя рядом велосипед, к веранде приближается Кирик.

Кирик. Доброе утро всем и с праздником, господа!.. То есть, пардон, товарищи... Сегодня такое готовится – праздник Сталинского дирижаблестроения...

Он подходит к столу, делая какие-то замысловатые движения.

Ольга Николаевна. Что с вами, Кирилл Георгиевич?..

Кирик. Ничего-с!.. Это танец птички, похожей на дирижабль!..

Кирик садится за стол.

Кирик (Ольге Николаевне). Позвольте сухарики... Прелестница наша!.. Какое интересное слово... Как богат русский язык!.. Прелестница – лестница – чудесница!.. Как Вы считаете, Сергей Петрович?..

Сергей, разворачивая газету, мельком глянул на Кирика, вскинул брови, посмотрел

на часы.

Сергей. О-о-о!

Кирик. Что "о"? Что "о"? Маман! Вы слышите!.. Скажите ему... Что он придирается...

Елена Михайловна. Право, вы несправедливы, Сергей Петрович. Кирик в рот не берет спиртного. Сегодня праздник все же... И жарко. Я помню, в детстве его качал Великий князь Дмитрий Павлович...

Всеволод Константинович. Качал, качал и... накачал с утра...

Кирик. Почему так жарко?.. Может потому, что температура высокая? Всеволод Константинович, а вы как Петя Трофимов. Помните, у Чехова был такой вечный студент? А вы – вечный доцент... Ваши друзья уже давно академики.

Всеволод Константинович. О нет, это не мои друзья... А мои... Иных уж нет, а те далече...

Из дома выходит заплаканная Мохова.

Ольга Николаевна. Что случилось, Катенька? Ты почему плачешь?

Мохова (сквозь слезы). Лекарства... Я не нашла своей коробки. Пропала моя аптечка.

Надя осуждающе смотрит на Елену Михайловну и Лидию Степановну.

Мохова. Мне глотать пора шишковое

масло...

Спальня Маруси и Сергея в доме Головиных. Утро. Солнце.

Маруся горячо молится, закрыв глаза и прижав к груди раскрытое письмо.

В двери спальни появляется Сергей. Он так поражен увиденным, что не сразу обретает способность говорить.

Сергей. Маруся... Что с тобой? Что ты делаешь? Да вы что, с ума сошли? Вы что? Вы что, погубить меня хотите?!

Вам что, жить надоело?! Потерять все хотите?..

Ладно, дядя твой полоумный чушь всякую контрреволюционную несет. Он свое отжил. Но ты! Ты, Маруся, еще в церковь пойди. И Надю с собой возьми...

На последней фразе рядом с Сергеем возникает Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна. Что случилось?

Не ответив ей, Сергей снимает с полки какую-то книгу и идет по лестнице вниз. Ольга Николаевна входит в спальню.

Ольга Николаевна. Маруся, что произошло? Почему он так взволнован?

Маруся протягивает матери исписанный лист бумаги. Ольга Николаевна пробегает глазами первые строчки.

Ольга Николаевна. Митя? Как он смеет

после всего? Боже мой!

Значит, он жив?.. Столько лет молчания...

Веранда дома Головиных. Утро. Солнце.

Люба, ассистентка Всеволода Константиновича, сидит рядом с ним за столом.

Кирик. Что же вы не сказали, что к нам... Хо-хо...

Я бы вас на раме довез...

Всеволод Константинович (насмешливо). У вас же велосипед дамский, без рамы.

Кирик. Ну и что?..

Игриво хохотнув, смотрит пристально на Любу. Та густо краснеет.

Люба (растерянно). Я не знаю, я никогда без рамы не пробовала...

Всеволод Константинович открывает привезенный Любой реферат. Кирик его раздражает. Из дома выходит Сергей.

Люба. Ой, не может быть... товарищ Котов... У нас на кафедре ваш портрет.

Кирик. На коне?

Люба. По пояс.

Кирик. А везде скульптуры.

Комната прабабушек в доме Головиных.

Утро. Солнце.

В комнате второго этажа у окна Лидия Степановна примеряет пальто на Елене

Михайловне.

Лидия Степановна. Нет, Леля, Рахманинову сейчас максимум шестьдесят пять. Когда он к нам приходил, то очень обижался, что я его юношей называла. Сядь, а то мы сейчас обе упадем.

Старушки садятся, продолжая примерку.

Елена Михайловна. Нет, Лидя, подожди. Шаляпин какого года рождения?..

Лидия Степановна. Правильно. Так они с Федей семьдесят третьего года оба. Еще помню, спорили тут на даче у нас, кто на сколько месяцев старше. Боречка мой их разнимал. Боже, как тогда Федя наклюкался! Слушай, давай ляжем. Что-то голова кружится.

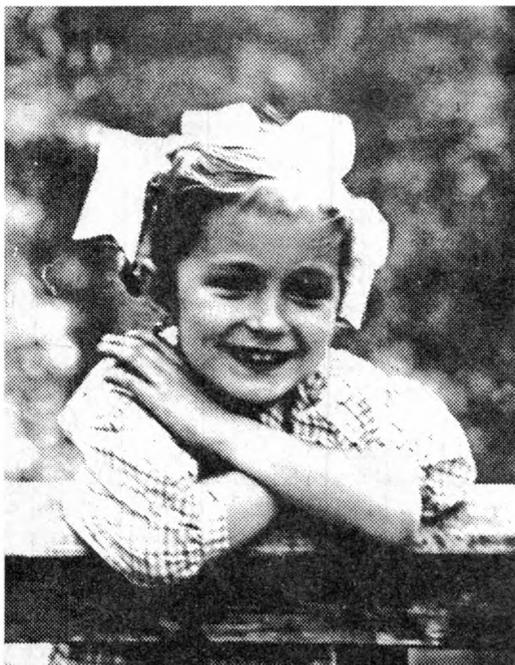
Старушки ложатся, продолжая примерку. Слышен стук теннисного мяча с корта. Смех и крики. Из-за забора доносятся звуки пионерского оркестра.

Елена Михайловна. А что за праздник сегодня?

Лидия Степановна. Леля, я в них не понимаю. Знаю, что день чего-то очень большого и советского. Это Надя у нас все их праздники знает.

Сад дома Головиных. Утро. Солнце.

Над и рыдающая, измазанная сажей и пеплом Мохова пытаются спасти от огня хоть

какие-то лекарства.

Надя. Не плачь, Мохова. Я попрошу папочку, он тебе новые привезет, из Кремлевской аптеки.

Выудив из костра какую-то еще не сгоревшую коробочку, Мохова проворно ее затапывает, чтобы спасти от огня.

Надя. Молодец, Мохова. Это от чего?

Мохова. Это не помню. От головы, кажется. И еще когда зубы болят.

Она любовно укладывает спасенные лекарства в шкатулочку. Надя находит еще пачечку лекарств.

Надя. Вот еще.

Мохова. Это то, что мне очень нужно.

Услышав призывный звук пионерского горна, барабанную дробь, Надя отшвыривает в сторону палку, которой она ковыряла в костре, и, на ходу хлопнув Мохову по заду ладошкой, бежит к забору.

Улица поселка ХЛАМ. Утро. Солнце.

По пыльной улице поселка ХЛАМ несколько запряженных гуртом лошадей тащат поезд из сцепленных одна с другой подвод.

На этих подводах лежит что-то очень длинное, свернутое, похожее на рулон серой рожи.

Перед первой подводой идет пионер с красным знаменем. По обе стороны подвод

идут военные, держа руку под козырек. Пионерский оркестр играет "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью". Над оркестром транспарант "С днем Сталинского дирижабле-строения! Товарищи!"

Сад дома Головиных. Утро. Солнце.

Надя подтаскивает к забору скамеечку и взбирается на нее.

Улица поселка ХЛАМ. Утро. Солнце.

Счастливое лицо Нади появляется над забором. Колонна шагает мимо. Не очень стройно, но громко играет оркестр. А какой-то странный дед, с бородой и в темных очках, которого ведут под руки два пионера, лихо отстукивает на пионерском барабане дробь и одновременно поет: "Все выше, и выше, и выше..."

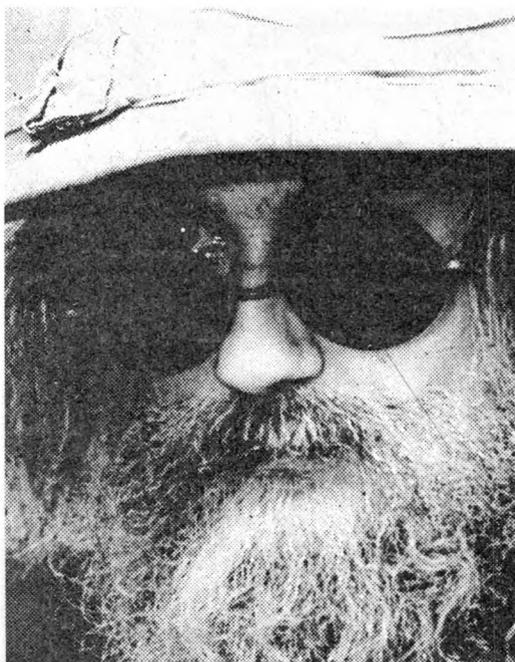
Надя с застывшим на лице восторгом смотрит на это красочное и веселое шествие.

Поровнявшись с Надей, странный дед отдает пионерам барабан, забирает у них свою палку и выходит из колонны.

Надя с интересом наблюдает за слепцом, ощупывающим палкой обочину дороги.

Дойдя до забора, он неожиданно замирает и прислушивается.

Дед. Кто здесь?

Надя даже оглянулась, потому что никого, кроме нее, рядом нет. А она не издала ни звука и даже не шевельнулась.

Дед. О Боже! Чей запах я слышу? Неужели это будущая пионерка и отличница, девочка Надя?

Надя так изумилась, что даже понюхала воротник своего платья и руки.

Дед. Так это действительно девочка Надя?

Надя. Да, это Надя. Откуда вы меня знаете?

Дед. Как же я могу тебя не знать, о будущая отличница из отличниц.

Надя. Вы что, летний Дед Мороз?

Дед. Да, Надя, я волшебник из Магриба. Приказывай, и я исполню любое твое желание, хотя я слеп и стар.

Надя. А что такое Магриб?

Дед. Это страна летних Дедов Морозов.

Надя. Советская?

Дед. Конечно. Все настоящие летние Деды Морозы живут только в советской стране.

Надя. А зимние?

Дед. И зимние тоже.

Надя. А может быть, вы доктор?

Дед. Вполне. А что?

Надя. Моховой доктор нужен.

Дед. Она что, жива еще?

Надя. Жива. Только бабушка и Леля ее лекарства сожгли.

Дед (изумленно). А они что, тоже живы?

Надя. Еще как!

Дед. Ну, тогда веди меня, лучшая из лучших.

Веранда дома Головиных. Утро. Солнце.

Мохова застыла с вытаращенными глазами. Старик дрожащей рукой проводит по ее лицу и вдруг грозно приказывает:

– Прочь с дороги, девственница!..

С этими словами он цепко хватается домработницу за грудь. Мохова орет благим матом.

Гостиная дома Головиных. Утро. Солнце.

Ольга Николаевна и следом Маруся сбегает по лестнице в гостиную. Старик, стуча палкой, идет по дому. Наткнувшись на Ольгу Николаевну, он приостанавливается.

Дед. Аттандэ, Ольгуся. Маруське пильки-миськи мыть!..

Услышав это, Ольга Николаевна всплескивает руками, отшатывается. Появляется запыхавшийся Всеволод Константинович с ракеткой в руках. За ним Люба, Кирик и Сергей Петрович.

Всеволод Константинович. Это еще что за явление такое?.. Нам что, своих сумасшедших мало?! Откуда он взялся?

Дед (оборачиваясь на голос). Молчите, многоженец!..

Всеволод Константинович опешил и быстро взглянул на Любу. Кирик захихикал.

Дед. И ты здесь, очаровательный мой. Любитель сладких вин и некапризных женщин.

Кирик закрывает рукой рот. Слепец проходит мимо оцепеневшей Маруси, водит носом, вдыхает воздух и произносит:

– Бултых!

Неожиданно он, как фехтовальщик, делает вперед выпад и упирает конец своей палки в грудь Сергею Петровичу.

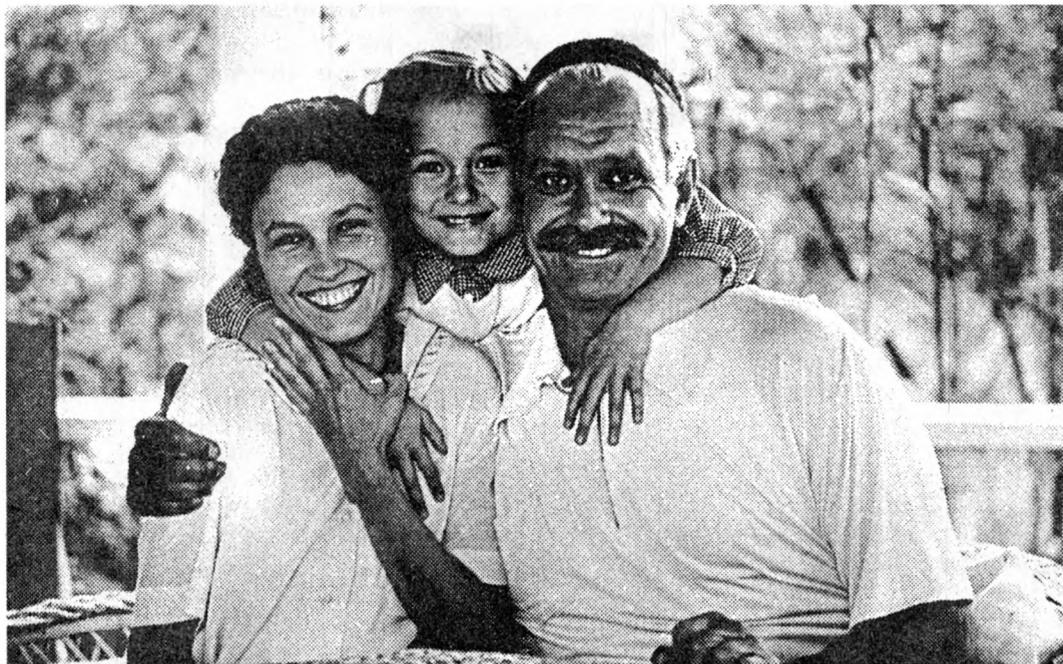
Дед. 2-17-36, дополнительный 13...

В дверях возникают Лидия Степановна с Еленой Михайловной.

Лидия Степановна. Что?.. Что он сказал?..

Сергей Петрович (удивленно). Мой служебный телефон... на старой работе.

Сергей Петрович внимательно смотрит на старика, который тем временем, стуча

палкой, довольно уверенно ходит по дому, кланяется остолбеневшим старушкам, все еще стоящим в дверях.

Дед. С праздником вас Сталинского дирижаблестроения, доблестные прабабушки!

Елена Михайловна. Какая я – вам прабабушка?.. Я даже еще и не бабушка...

Дед. Простите, девушка!.. Это я сослепу!..

Старик неожиданно открывает крышку фортепьяно, легко садится на вертящийся стул, ударяет по клавишам и начинает петь по-итальянски.

Ольга Николаевна. Митя?!

Старик ловким движением сбрасывает с себя шляпу, к которой подшиты седые космы, и широким жестом пускает ее через всю гостиную на диван. Увидев летящую со скальпом шляпу, Мохова теряет сознание.

Митя, чисто и наполненно аккомпанирует себе, имитирует итальянский тенор.

Ольга Николаевна. Митя, Митенька... родной мой! Это Боренька мне всегда-всегда говорил, когда Маруся маленькой была: "Маруське письки-миськи мыть" ...Боже мой!..

Всеволод Константинович, решительно набрав в легкие воздух, делает шаг вперед.

Всеволод Константинович. Я считаю...

Дмитрий!.. Вы...

Все пугаются, понимая, что сейчас Всеволод Константинович скажет такое...

Маруся перебивает дядю.

Маруся (подходя к Мите). Митя... Митюль, с приездом! (Они трижды целуются.)

Митя, что ты будешь пить: чай, кофе?.. Мы только что завтракали... Пойдем...

Всеволод Константинович удивлен поведением Маруси. Счастливый Кирик бросается к Мите.

Кирик (радостно вопит). Митя! Е-мое!.. Ты откуда?! Ну, наконец...

Маруся. Кирик, погоди... Митя, познакомься: это Сергей – мой муж!..

Кирик. Да-да!.. Уже семь лет!..

Маруся (Сергею). А это – Митя, друг нашего дома, моего детства и любимый ученик моего отца... Моя первая любовь, между прочим...

Кирик (вопит). Да, да!

Всеволод Константинович. Ага... Значит так... Ну, что поделаешь. (Разводит руками.) Кирик, закройте рот.

Всеволод Константинович решительно выходит. Люба следует за ним.

Митя (жмет руку Сергею). Очень приятно... Впрочем, мы же знакомы...

Сергей. Как же, помню...

Маруся удивлена.

Маруся. Вы знакомы?!

Митя. О, это было давно, в другой жизни и мимолетно...

Маруся (Мите). Моя дочка Надя!

Митя подает руку Наде.

Митя. Можешь звать меня дядя Митяй.

Надя. Надя.

Маруся. Все на веранду, пить чай!..

Обитатели дома направляются к веранде.

Маруся и Митя чуть отстали.

Маруся (негромко). Ну, как ты живешь?..

Митя. Да так... ничего.

Маруся. Как Филипп?.. С тобой?..

Митя. Со мной...

Маруся. Старый небось стал?..

Митя. А я его молодым и не видел...

Маруся. Женат?

Митя (не очень уверенно). Да...

Маруся. Дети есть?..

Митя. Есть: побольше, нежели у вас. Трое!..

Маруся. Чем занимаешься?

Митя. Работаю...

Маруся. По специальности?..

Митя. В какой-то степени...

Маруся. Играешь?..

Митя (смеется). Да... На людях... Помнишь, у Шекспира (произносит по-английски): "Назовите меня каким угодно инструментом – вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне вы не можете..."

Маруся. Не хочешь – не говори!.. Господи, все такой же!.. Ненавижу эту твою манеру не договаривать и кривляться...

Митя (иронично). Да и вы все такие же. Ничего вас не берет. Как будто не уезжал. Удивительно!..

Сердито тряхнув головой, Маруся направляется на веранду.

Митя задерживается у дверного косяка с отметками роста: Муся – 6 лет, Митюль – 16, 1916 год. Муся – 7 лет, Митюль – 17, 1917 год. Рядом на стене фотографии в рамках: Ольга Николаевна, отец Маруси – Борис Константинович, Муся и Митюль... В центре – большая фотография: Сергей Котов жмет руку товарищу Сталину...

Поляна у реки. День. Солнце.

Длинный рулон, который сопровождали пионеры, теперь лежит под конструкцией. На ней покоится гигантский предмет, похожий на спущенный шар. Сверху свисают

веревки, трубки, из которых клубится пар. Вокруг довольно много военных в форме НКВД. Идет какая-то спешная работа.

Веранда дома Головиных. Утро. Солнце. Играет патефон. Под мелодию "Утомленное солнце" Митя танцует с Надей танго. Кроме Всеволода Константиновича и Любы, все сидят за столом. Ольга Николаевна наливает чай из самовара.

Митя. Вот точно такая же и ты была... (К Наде.) Сколько тебе лет?

Надя. Шесть...

Митя. Гениальная девочка... Ольга Николаевна, помните, Мусе было столько же... Мы пошли на "Лакме". Дирижировал Борис Константинович... Вы меня отправили с Мусей... Ей было шесть, а мне – соответственно шестнадцать. Начинается действие... Мы сидим... Идет увертюра... Она говорит: "Я писать хочу!.." Я говорю: "А что я могу сделать, терпи!.." Она: "А я хочу писать!" Я говорю: "У меня горшка с собой нет, терпи!" Она: "А я хочу писать!" На нас шикают. Я говорю: "Ну, ладно!" Сам же не знаю, что делать, куда ее вести?.. Она говорит: "Я одна в туалет не пойду." А мне же в женский туалет нельзя! Ташу ее в мужской... Оттуда выходит Рахманинов и спрашивает: "Это чей же ребенок?" А я отвечаю: "Бориса Константиновича". Он говорит: "Какой хороший мальчик, скажу Борису, чтобы ему брюки купил!" И мы рассмеялись...

Все смеются, Сергей громче всех. Маруся выходит из-за стола, идет в дом. Но в общем веселье ощущается какая-то тревожная напряженность.

Кухня в доме Головиных. Утро. Солнце. Маруся на кухне стоит у раковины, машинально моет чашку.

Глаза полны слез. Бесшумно подходит Митя, почти касается Марусиных волос, тянет носом воздух.

Митя. А запах тот же!..

Маруся резко поворачивается и сильно бьет его мыльной рукой по щеке... Митя улыбается, притрагивается к месту удара.

Митя. И рука та же!..

Маруся (с улыбкой). Ну, вот и все...

Митя. Что все?..

Маруся. Я восемь лет этого момента ждала...

Митя. А теперь?

Маруся. А теперь: дождалась и все!..
Успокоились!..

Берег реки. День. Солнце.

Нагруженное складными стульями, зонтами от солнца и прочими пляжными принадлежностями, семейство Головиных-Котовых приближается к реке. Впереди всех – Надя и Сергей, за ними Ольга Николаевна и нагруженная вещами Мохова, а затем, чуть отстав, Маруся и Митя... А еще дальше – Кирик и Люба. Преодолевая неуверенное сопротивление, он тянет ее за собой. На самом берегу звучит свисток, и выстроенный в линию отряд пионеров бросается в реку.

Надя (громко). Как я хочу быть пионеркой!

Митя. Почему?!

Надя (мечтательно). Как хорошо!.. По горну – вставать, по свистку – купаться.

Сергей с улыбкой слушает дочь и отходит в сторону, чтобы раздеться.

Митя (в тон Наде). Под оркестр в гробу лежать!..

Маруся вскидывает брови: ей не нравится Митина шутка.

Надя. Почему?..

Митя. Как почему?.. По горну встаешь, по свистку купаешься, под барабан шагаешь,

под баян обедаешь, и если хорошо все это делаешь, то в гробу лежишь под оркестр... Вот жизнь!

Надя растерянно смотрит на мать.

Маруся. Дядя Митя шутит... И не лезь ты к взрослым! Иди, поиграй сама.

Зонты уже вбиты в песок, Мохова расставляет шезлонг. Обиженная Надя подходит к отцу.

Сергей. Что это у тебя глаза на мокром месте?

Надя. Мама меня прогнала...

Сергей. Ну и скажешь тоже: "Прогнала!" Попросила, чтобы ты не мешала ей разговаривать... Правильно?

Надя. Да...

Сергей. И нечего обижаться: они же давно не виделись. Им поговорить надо... А мы с тобой поплывем на тот берег, хочешь?!

Надя (с восторгом). Ура!..

Они входят в воду. Надя влезает на спину отца, обнимает за шею. Маруся замечает их приготовления.

Маруся (кричит). Сергей, Сергей! Ты же знаешь, я этого не люблю. Пускай здесь купается!

Сергей. Не волнуйся!.. Мы разберемся сами...

Надя. Видишь, папочка... То прогоняла: "Не мешай взрослым!" А теперь: "Не люблю!"

Ну, почему люди такие, а, пап?..

Маруся, недовольно качая головой, ложится на песок.

Митя. Мощные бронзовые плечи... Я понимаю... Белоснежная улыбка... Портреты в учреждениях, и как все это рушится – одним щелчком!..

Река. День. Солнце.

Сергей уже оттолкнулся от дна и плывет через реку. Надя крепко держится за шею отца, но весь он так надежен и прочен, что Надя не может не продолжить разговор, начатый там, где был берег, мама и не было глубины и страха.

Надя. Почему все всех обманывают?..

Сергей. Кто?..

Надя. Ну все... Прабабушки лекарства Моховой выкинули, а ей не говорят... Даже Дед Мороз обманул, причем дважды: сначала, что он летний, сказал, потом что он волшебник из Магриба, а оказался просто мамин друг, дядя Митя. Только ты не врешь!..

Сергей. Тебе не вру...

Надя. А я тебе...

Сергей. Ты выносливая, Надежда?..

Надя (сомневаясь). Да...

Сергей ныряет, девочка неожиданно оказывается под водой, а когда ее голова оказывается над водой, Надя долго и

недовольно фыркает.

Сергей. Хочешь еще?..

Надя. Да...

Сергей. Врешь?..

Надя (хитровато). А ты разве никогда не врешь?..

Сергей. Ты к чему все клонишь, я понятия не могу...

Надя. Ты обещал мне завтра в зоопарк! Пойдем?..

Сергей. Обещал...

Надя. Значит пойдём... Раз ты сказал, значит обязательно сделаешь!..

Сергей смеется.

Надя. Ты же знаешь: я летом никогда в зоопарке не была, потому что мы на даче всегда... А зимой три раза, потому что в Москве. Мне белые медведи и моржи совсем надоели...

Но тут уже они приплывают к другому берегу, начинают подниматься по его крутому склону. Сергей оглядывается на ту сторону. Отсюда пляж, как на ладони: вон пионеры в волейбол играют, вон их зонт, под ним – Ольга Николаевна, Мохова в сарафане, рядом на песке лежат Маруся и Митя.

Берег реки. День. Солнце.

Маруся лежит на спине, прикрыв глаза

рукой. Митя устроился рядом. Совсем близко он видит ее лицо, завиток волос над ухом. Из висящего на столбе репродуктора звучит бодрая музыка.

Митя что-то чертит на песке пальцем за Марусиной головой, потом осторожно вкладывает палец в полусжатую ладонь Марусиной руки. Она вздрагивает и рефлекторно сжимает палец.

Митя (смеется). Точно так же!.. Это было... тебе было два месяца, а мне десять лет. Меня Ольга Николаевна подвела к твоей колыбельке и говорит: "Вот она, Мусенька, познакомься." Я отчего-то протянул палец к твоей ладошке, а ты его схватила и сказала: "Мое!.."

Маруся. Опять все врешь... Как это я могла в два месяца что-то сказать?..

Митя. Сказала, сказала... А если и не сказала, то подумала...

Маруся, приоткрыв глаза, насмешливо посмотрела на Митю, заметила большой шрам под лопаткой.

Маруся. Что это?.. Раньше этого не было...

Митя (усмехнувшись). А-а!.. Крышкой задело...

Маруся. Какой крышкой?..

Митя. Гроба...

Поле на другом берегу. День. Солнце.

Перед Надей и Сергеем открывается широкое поле с темнеющим в дальнем солнечном мареве лесом. Там, совсем далеко, идут военные учения: вздымается земля от взрывов снарядов, бегут с винтовками в руках красноармейцы, поднимают столбы пыли быстрые танки, летят краснозвездные самолеты.

Сергей. Какая красота!.. Ты видишь, Надя, какая у нас армия!.. Красная Армия!.. Всех победим, Надежда!.. Весь мир освободим, все человечество!.. Помнишь, мы с тобой читали писателя Гайдара: "Так же, как громы, загремели и боевые орудия. Так же, как молнии, засверкали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронесли Красные знамена. Это так наступала Красная Армия... И в страхе бежал Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной..."

Надя (подхватывая).

"Плывут пароходы – Привет Мальчишу! Пролетают летчики – привет Мальчишу! Пробегают паровозы – привет Мальчишу! А пройдут пионеры – салют Мальчишу!.. Вот вам, ребята, и вся сказка..."
На берегу реки. День. Солнце.

Митя и Маруся лежат рядом на песке. Она прикрыла глаза от яркого солнца, а Митя рассматривает ее лицо, шею, спину. Сухой травинкой проводит по ее плечу. Маруся, не поворачивая головы, сдувает невидимую мошку.

Митя (тихо). Маруся...

Маруся. М-м?!

Митя. Ты отчего молчишь?..

Маруся. Загораю...

Митя. А отчего ты не спросишь у меня ничего?!

Маруся. Оттого, что я не хочу ничего больше знать...

Митя. Что значит "больше"?

Маруся. Больше того, что я знаю...

Митя. И что же ты знаешь?..

Маруся молчит. Митя травинкой проводит по руке Маруси, видит белую полоску шрама на ее запястье.

Митя. Что это?! Когда ты это сделала?!

Маруся. Тогда...

Митя. Зачем?..

Маруся. А для этого немного надо. Мне, по крайней мере.

Достаточно, чтобы человек, которого ты любишь больше жизни, твой первый мужчина, почти твой муж, в один прекрасный день забрал свой чемодан, сказав, что едет к тетке на несколько дней, и... исчез навсегда...

Митя. Понятно... подлец какой!..

Маруся. Кто?..

Митя. Ну, этот... который с чемоданом к тетке поехал... Любимый!.. Ну, а что потом?..

Маруся. Спасли... Я же не знала, что это в воде надо делать...

Митя. Что?..

Маруся. Ну чтоб кровь не свертывалась...

Митя. Так... И что дальше?..

Маруся. Ничего... Больница, милиция... Мама к Калинин у ходила. Все любимого искали...

Митя. И что, нашли?..

Маруся. Нашли... Он, оказывается, заявление написал – за границу попросился... и уехал.

Митя. Ну вот, видишь... Значит, ты все знаешь... Я взял и ни с того ни с сего попросился за границу, и меня, дворянина, музыканта-недоучку, с моим прошлым, участника белого движения, прожившего восемь лет в эмиграции, по собственному желанию тут же выпустили в Париж... Чтобы я имел возможность заниматься музыкальной деятельностью... Правильно?... И ты поверила?..

Маруся. Я не поверила, я себе вены вскрыла. Потому что прочла это собственными глазами. Разве ты этого не писал?..

Митя. Писал, Маруся, писал...

Их разговор прерывается.

Ольга Николаевна (громким шепотом).
Муся!.. Муся!.. Митюль!..

Маруся оглядывается. На том месте, где сидели мама и Мохова, никого нет. Сквозь раздвинутые кусты появляется лицо Ольги Николаевны и испуганная Мохова. Ольга Николаевна делает страшные глаза и показывает ими куда-то в сторону.

Маруся. Что случилось, мамочка?..

Мохова. "Гроб"...

Митя. Что?..

Мохова. "Гроб"!..

Ольга Николаевна. Это сокращенно – гражданская оборона! Гроб!

Опять учения проводят... Уходите!.. Заберут...

Маруся смотрит туда, куда указывает Ольга Николаевна. Довольно далеко от них на берегу происходит какая-то суета.

Маруся. Да они еще далеко, мамочка, успокойся...

Поле на другом берегу. День. Солнце.

Сергей и Надя лежат в пахучей траве, он гладит ее пятку.

Сергей. Какие у тебя пяточки нежные, красивые, круглые...

А у меня видишь какие: твердые, стертые, как подошвы.

Надя. А отчего?.. Ты ходил много?..

Сергей. И ходил, и бегал...

Надя. Куда ты бегал?..

Сергей. То за ними, то от них... То за ними, то от них.

А у тебя пяточки всегда будут круглые...

Надя. Почему?..

Сергей. Потому, что будут автомобили, трамваи, троллейбусы... Дороги будут ровные, туфли удобные, носочки мягкие. И бегать тебе ни от кого не придется!.. И когда ты даже состаришься – пятки будут такие же. Теперь, при Советской власти, у всех людей пятки будут круглые. Для того мы ее и строим! Отчего теперь пяткам стираться:

иди себе и иди всю жизнь, только учись хорошо, родителей почитай и люби свою Советскую Родину... Ты кем хочешь быть, когда вырастешь?..

Надя. Любовью Орловой!..

Сергей. Артисткой что ли?..

Надя. Нет. Машину рулить, как она в том фильме, помнишь?

Мостки у реки. День. Солнце.

Маруся. Жарко!.. Пошли купаться!..

Она встает и идет по раскаленному песку к воде. Маруся почти доходит до купальных мостков, когда мимо нее с криком проносится Митя. Он взбегаёт на горячие и гнущиеся доски и, упруго оттолкнувшись, кубарем летит в воду, поднимая фонтан брызг.

Маруся (пряча улыбку). Вот дурак!..

Машинально она смотрит в то место реки, где должен появиться Митя. Но его нет. Маруся обеспокоенно оглядывается по сторонам. Входит в воду и идет вдоль пляжа, смотря туда, где уже должен вынырнуть Митя. Мимо и вокруг нее с визгом пробегают купаться пионеры.

Маруся (кричит). Митя!..

Но его по-прежнему не видно.

Маруся. Митюль!.. Митюля!..

Она ныряет, в тревоге плывет, то и дело

оглядываясь по сторонам, затем поворачивает обратно. Доплыв до мостков, она хватается за перила, но тут некая невидимая сила затягивает ее под доски.

Маруся выныривает уже под мостки и видит смеющегося Митю.

Митя (тихо). Помнишь это место?!

Маруся. Дурак!..

Митя. Испугалась?!

Маруся. Дурак!..

Митя. Ну, испугалась?!

Маруся. Пусть за тебя жена твоя пугается... Мне что?..

Пусти!

Митя крепко держит ее за руки. Над ними опять по доскам побежали купаться пионеры.

Митя (по-английски).

"Еще и соль ее бесцельных слез на покрасневших веках не исчезла..." Помнишь?..

Маруся молчит.

Митя. Эх, ты! Все забыла... Через месяц после смерти Бориса Константиновича ты застала маму с Кириком. И я нашел тебя здесь.

Маруся вырывается из рук Мити, отворачивается, но не уходит...

Митя. Было холодно – шел дождь. Я просил тебя выйти, но ты не шла. Тогда я разделся и залез к тебе. А ночь мы провели

в сарае у бакенщицы. Нашу первую ночь... Это тоже не помнишь?.. У меня с собой был томик Шекспира. "Гамлет"... Мы читали, и ты плакала.

"Еще и соль ее бесчестных слез на покрасневших веках не исчезла."

...Помнишь?!

Маруся. Зачем ты все это мне говоришь?..

Митя. Не знаю, Маруся, зачем... Я думал: раз для меня той жизни нет, значит, ни для кого ее нет и никого из той жизни не осталось... А вы, оказывается, все есть! И все у вас, как прежде, только без меня!

Вычеркнули?.. Ластиком стерли?..

Маруся. Не знаю...

Полными слез глазами Маруся смотрит на пляж, по которому, проводя учения, носятся бойцы "Гражданской обороны". Они ловят отдыхающих и с криком: "Газовая атака!.. Вы ранены!.." – надевают на них противогазы и укладывают на носилки. Маруся ныряет в воду и плывет к берегу...

На берегу реки. День. Солнце.

На берегу командир "Гражданской обороны", сорвав с лица противогаз, убеждает сопротивляющегося отдыхающего.

Командир. Товарищ, это две минуты!.. Нам только вас на компункт представить!.. Вы ранены, а мы вас спасаем!..

Две минуты!..

Но отдыхающий не соглашается.

Отдыхающий. Не надо меня спасать!.. У меня поезд... Я опоздаю из-за вас...

Маруся выходит из воды, идет к командиру.

Маруся. Товарищ командир!.. Я ранена... Унесите меня.

К ней бросаются бойцы. Быстро натягивают на голову противогаз, и укладывают на носилки, и несут от берега.

Митя выплывает из-под мостков и бежит следом.

Митя. Эй, товарищи!.. А я?..

Командир. Вы тоже ранены?..

Митя. Я?.. Я убит!..

Командир. Убитых мы не спасаем!.. Отойдите...

Митя. Ну, черт с вами, ранен!.. Несите... Его укладывают на носилки рядом с Марусей и вместе их несут на компункт...

...Когда Сергей и Надя приплывают обратно, то Надя, выйдя на берег,

оглядывается вокруг, ища то место, где был их зонт.

Надя. А где же наши?..

Сергей не отвечает, о чем-то думая. Надя поднимает шапочку и книгу.

Надя. И все оставили. Смотри, мамина книга. А сама меня всегда за мои книжки ругает...

Надя поднимает забытые Марусей шапочку и книги. Сергей забирает оставленное полотенце. Они идут по тропинке вверх к дому. Сергей невольно ускоряет шаг.

Надя. Ты отчего так бежишь?.. Я не успеваю...

Сергей (растерявшись). Я не бегу...

Веранда дома Головиных. День. Солнце.

Сергей отдает Наде полотенце.

Сергей. Повесь, пожалуйста...

А сам устремляется в дом.

Коридор и лестница в доме Головиных. День. Солнце.

Сергей тем же скорым шагом поднимается по скрипучей лестнице, идет по коридору, останавливается, слыша странный шум за дверью, чье-то тяжелое дыхание и сдавленный мужской голос.

Комната для гостей дома Головиных. День. Солнце.

Кирик отжимается от пола, демонстрируя свои возможности Любе.

Люба. Пятьдесят шесть... Пятьдесят семь... Нет, Вы не честно!.. Надо до конца...

У Вас руки полусогнутые...

Снизу раздаются звуки фортепьяно и голос Мити.

Гостиная в доме Головиных. День. Солнце.

В гостиную вбегает Надя. Все громко смеются, так как Маруся и Митя в противогазах сидят за роялем и в четыре руки играют нечто серьезное. Неожиданно Митя начинает в той же тональности импровизировать, и звучит канкан.

Маруся (поднимая противогаз). Так все и было. Мамочка решила дать подработать бедному студенту, взяла его мне в репетиторы...

Ольга Николаевна. Муся... Это нечестно...

Маруся. Да, да!.. Так этот репетитор при маме... (Передразнивает.) "Барышня, будьте внимательны, тут бекар... следите за аппликатурой". Только мама в дверь... Тут же нога на ногу, папироска!.. Затем подсаживается к роялю и одним пальчиком что-то импровизирует, эдакое, канканистое... Представляете, картинка. Репетитор играет на рояле канкан, а ученица, умирая от счастья, канканирует до упаду... Ежели бы, мамочка, ты это видела... Наденька, представляешь?.. Я как раз такая, как ты, была...

Митя, не снимая противогаза, продолжает играть канкан все громче и громче. Маруся завершает рассказ танцевальным этюдом – очень смешно выкидывает вверх ноги. Надя бьет кулачками по клавишам рояля: очень уж завлекательна игра дяди Митяя.

Входит Сергей, останавливается в дверях. Его никто не замечает. Темп и энергия канкана нарастают, к Марусе присоединяются прабабушки. Сквозь запотелые стекла маски Митя смотрит на танцующих, на фотографию, висящую на стене.

Ольга Николаевна (по-французски). Боренька тоже так любил канкан!..

Маруся (по-французски). Мамочка, а как

ты его отплясывала, помнишь?!

Надя (по-французски). Научите меня, пожалуйста!..

Сергей поворачивается и молча выходит из гостиной.

Веранда дома Головиных. День. Солнце. Сергей один за накрытым к обеду столом. Наливает суп в тарелку из пузатой супницы. Выпивает рюмку и с аппетитом ест.

Гостиная в доме Головиных. День. Солнце.

В дверях появляется Мохова и прерывает разговор по-французски.

Мохова. Кушать подано. Прошу к столу... Услышав, что все говорят по-французски, Мохова повторяет приглашение на французском языке.

Маруся (перестав танцевать). А где Сергей Петрович?..

Мохова. А они уже там... Кушают... Старушки поспешно направляются на веранду.

Маруся (Мите). Антракт!..

Но Митя продолжает бешено, как заведенный, стучать по клавишам. Маруся, подойдя к нему сзади, пытается шутя оторвать его от стула. Митя резко поворачивается и обнимает Марусю, но она

ловко высказывает.

Веранда дома Головиных. День. Солнце. Сергей ест суп, одновременно просматривая газету.

Маруся. Что это ты один – без нас, без гостей?.. Позвал бы...

Сергей. Я и хотел вас позвать, но я же по-французски не говорю...

Поляна у реки. День. Солнце.

На поляне около таинственного сооружения все так же суетятся люди, раздаются команды, слышен стук молотков. Из леса выезжает знакомый уже грузовик с мебелью. Он подкатывает к конструкции. Шофер вылезает на подножку.

Шофер. Мужики!.. Тут где-то деревня Загорянка... или Загорино... Адрес смылся...

К водителю подходит военный в форме НКВД.

Военный (строго). А ну, давай кати отсюда!.. Видишь – тут объект!..

Шофер. Да я уже с утра...

Военный (захлопывая дверь кабины). Пошел!..

Грузовичок трогается с места...

Веранда дома Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Близится к концу обед. Все сидят за столом. Звучит ария Мадам Баттерфляй в исполнении Елены Михайловны. Кирик сидит напротив Любы, бросая на нее победоносные взгляды и шумно аплодирует, когда мать заканчивает пение. Сергей по-прежнему держится отстраненно, углубившись в газету.

Ольга Николаевна. Как хорошо!.. Как чудно!.. Прямо как при Бореньке!..

Лидия Степановна. Боже, я вспоминаю, как ты пела это со сцены!..

(Любе.) Сюда каждый сезон труппа приезжала... Давали спектакли музыкальные, драматические... Какое время было!..

Кирик (перебивая). А мороженое?! Вы помните, какое мороженое дачникам готовили?.. Ваниль, шоколад, ореховое... Причем прямо тут, в деревне...

Ольга Николаевна. И каждое утро молоко, творог прямо на дачу привозили...

Кирик. Вот такие яйца! (Показывает.) Ей богу!.. Громадные и белые!

Сергей (из-за газеты). Чьи?..

Кирик. Что вы имеете в виду?..

Сергей. Такие большие яйца бывают только у страуса!..

Митя пересаживается на висящий у веранды гамак.

Кирик. Это были куриные яйца... Ну в

крайнем случае – гусиные...

Ольга Николаевна. А гуси какие были...

Митя (про себя). Поезда с гусями...

Ольга Николаевна. Что?..

Митя делает знак, мол, ничего.

Всеволод Константинович. Гуси и сейчас попадают неплохие... А вот общий аромат, запах жизни – это ушло... безвозвратно...

Сергей (откладывает газету). Вас вот послушаешь: ну какая жизнь у вас была хорошая!.. Но если вам было так хорошо, почему же вы себя не защитили?..

Всеволод Константинович. То есть как!.. Мы защищались...

Сергей (почти кричит). Как вы защищались?.. И от чего же вы бежали?..

Вы, офицеры, обученные, вооруженные и одетые, Антантой поддержанные... А вы бежали от нас, грязных, полуголых и нищих!.. Я нигде не учился военному делу, между прочим, а гнал вас повсюду – и на Урале, и в степи, и в тайге! Как же так получилось?!

Всеволод Константинович. Ленин землю обещал, мужик и пошел за ним...

Сергей. Ну, обещал...

Всеволод Константинович. И не дал...

Сергей. При чем тут это?.. Разве мужик, которому дали обещание, сильнее обученного с детских лет военному делу офицера, гордого и преданного Царю и Отечеству?.. Да просто вы ничего не могли предложить, кроме того, чтобы “было, как было”! Вот и все... И сейчас, кроме пустых разговоров, вы ничего не можете!.. (Передразнивает.) “Как хорошо жилось!.. Какой аромат!..” Воспоминатели!.. Вы вообще не можете жить сегодняшним днем... Те, кто поумнее и половчее (он мельком посмотрел на Митю), те пошли служить Революции, причем добровольно, по собственному желанию. И служат не за страх, а за совесть!..

Митя, крикнув, вылезает из гамака и направляется к столу.

Митя (беря сушку). Что вы все спорите, товарищи дорогие...

Он садится в шезлонг, берет гитару, начинает ее настраивать.

Митя. Надя, вот ты знаешь, что во Франции тебя бы называли Надин?

Надя. Нет, Надья!..

Митя. Боже, и ты тоже спорщица, оказывается?!

Ну, иди сюда, я тебе сказку расскажу...

Надя подходит и присаживается рядом.

Митя. В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве жил-был мальчик, и звали его Ятим. Он замечательно пел, играл на разных инструментах и любил стихи. Родители его дружили с одним добрым волшебником по имени Сироб.

И хотя Митя как бы рассказывает сказку Наде, слушают ее все. Митя дотягивается до стоящей на краю рюмки и залпом опрокидывает ее.

Митя (продолжает). Так вот, этому Сиробу очень нравился маленький Ятим, и взял Сироб его в свой дом на воспитание и стал учить волшебной музыке. И полюбили они друг друга, как отец сына и сын отца. Скоро у Сироба родилась дочь, которую назвали Ясум...

Надя. Какое смешное имя, Ясум!..

Митя. Ясум росла быстро, не по дням, а по часам.

Лидия Степановна дрожащей рукой пытается налить в бокал воды. Люба ей помогает.

Митя (продолжает). Дом Сироба был большой, веселый, шумный и, конечно, счастливый. Но однажды все это кончилось: и кофе на веранде вот из таких, как эти, белых чашек, и шарады, и крокет после обеда, и чтение книжек вслух под пение сверчка, и долгие зимние вечера с самоваром, и споры, и смех – все...

Надя. А отчего кончилось?!

Митя. Оттого, что пришла война!

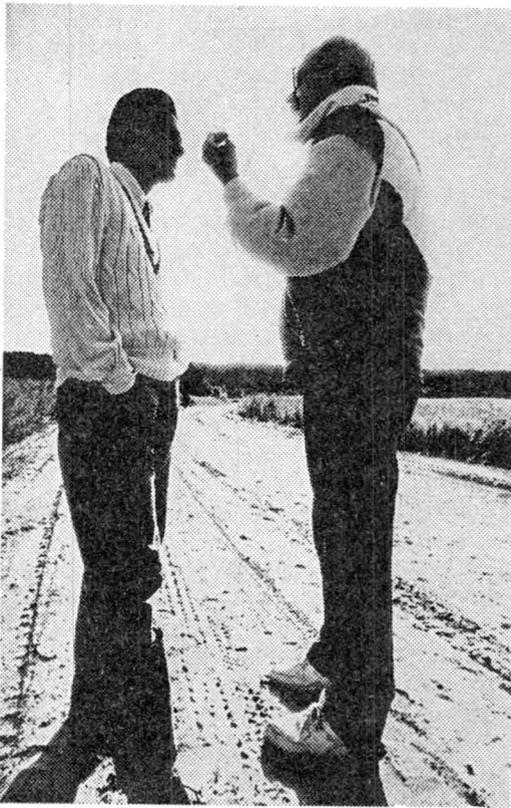
Надя. С кем, с буржуинами?!

Митя. Это не важно с кем. А важно то, что Ятим ушел на фронт. И еще важно, что все это время и в окопе, и в госпитале, и в плену, а потом и в других странах, по которым он скитался, Ятим каждый день, именно каждый день, вспоминал большой дом, и сад, и лица, и даже старого сверчка, которого так все ругали, когда он мешал читать вслух...

Надя. У нас тоже сверчок в гостиной за печкой живет...

Митя. Это, Надин, другой сверчок, – советский. Он веселые песни поет. А тот пел грустные.

Сергей наливает себе рюмку настойки. Кирик тоже наливает наливку в Митину рюмку, потом, покосившись на Сергея и маму, – в свою.

Шаровая молния в кабинете Сергея в доме Головиных.

Вторая половина дня. Облачно.

...Мы продолжаем слышать Митин голос, когда в открытое окно пустого кабинета с тихим шипом, роняя голубые искры, влетает величиной с детский мячик шаровая молния. Она, медленно покачиваясь, проплывает над письменным столом, едва не коснувшись лампы, продолжает двигаться вглубь дома.

Голос Мити. Десять лет Ятим жил далеко-далеко от этого дома. Играл в ресторанах на фортепьяно, пел на улицах, танцевал в кабаре, водил такси и даже шил тапочки. Все эти десять лет он так тосковал по всему тому, что оставил здесь... там, где жил раньше...

Шаровая молния в гостиной дома Головиных. Вторая половина дня. Облачно.

В гостиной шаровая молния уронила несколько искр на открытую клавиатуру, чуть подпалив букет из сухих трав и цветов, поплыла вдоль стены, на которой висели старые фотографии: профессор Головин с

учениками, Рахманинов, Шаляпин, Головин и Карузо, маленькая Муся с медведем, какое-то застолье, Головин за пультом в Мариинском театре, Головин в Париже, Головин в Большом... Огненный шар приостанавливается около места, где отмечен рост Муси и Митюли... Осветила его голубым светом и поплыла дальше...

Голос Мити. Но через десять лет он вернулся назад. Родители его к тому времени уже умерли. Вернее, они погибли в той войне. И Ятим прямо с поезда побегал в дом своего учителя. Была зима, и кроме снега он ничего не мог узнать в своей стране, так она переменялась. И лишь дом был тот же. Замирая сердцем, он позвонил в звонок, и через минуту дверь ему открыла девушка, девушка такой красоты, какой Ятим не видел никогда и нигде, хотя объездил множество стран...

Шаровая молния на веранде дома Головиных. Вторая половина дня. Облачно.

Митя продолжает рассказывать сказку.

Митя. Ты кто? – спросил изумленный Ятим.

– Я – Ясум! – ответила красавица.

– Неужели ты та самая Ясум, которая писала в панталоны и засыпала на коленях у своего отца, когда он учил меня музыке? – спросил Ятим.

– Да, – ответила Ясум, – я та самая... Проходи... Мы давно тебя ждем. Только папа очень болен...

Ятим же смотрел на красавицу Ясум и больше не мог вымолвить ни слова...

Надя. Такая красавица – значит принцесса!..

Митя. Ты, Надин, настоящая принцесса. И влюбились они друг в друга с первого взгляда.

Надя. Я знаю: а потом они поженились и скоро у них родился...

Митя. Нет, Надин! Они не поженились, не успели...

Надя (разочарованно). У-у... Почему?..

Митя. Оттого, милый друг, что скоро Ятима позвал к себе один человек, – все- сильный и важный человек...

Надя. Кашей Бессмертный?..

Митя. Нет, Надин, не такой важный, как Кашей...

Надя. Тогда, Леший...

Маруся напряженно смотрит на Митю.

Сергей тянет из рюмочки наливку.

Митя. Нет, Надин...

Надя. А как его звали?..

Митя мельком взглядывает на Сергея.

Митя. Не помню... Так вот, вызвал этот всемогущий и важный человек Ятима к себе в большой дом и говорит: "Поезжай-ка ты, Ятим, товарищ ненаглядный, туда, не знаю куда, и сделай ты то..."

Надя (продолжает). ...Не знаю, что!..

Митя. Именно. А Ятим в ответ: "Всемогущий мой господин, то есть товарищ, я уже и наездился, и навоевался; дома жить хочу, тихо, с семьей. И невеста у меня есть, любит она меня, и я ее люблю"... А всемогущий и важный человек отвечает: "Помещански рассуждаешь, дорогой Ятим..."

Надя. А что значит – помещански?

Митя. Плохо, значит, думаешь, Ятим, неправильно. Тебя Родина обратно пустила не для того, чтобы ты тут гнездышко свое помещанское вил. Давай-ка, браток, собирайся. Пиши, дорогой, заявльнице собственноручное... И, неделя на размышление, а не то...

Надя (грозно). Голова с плеч!..

Митя. Вот-вот. Примерно так!.. Приехал Ятим домой, пригорюнился. Походил-походил чернее тучи, потом собрался и уехал туда, не знаю куда... Так ничего никому и не сказал!..

Надя. Отчего?..

Митя. Оттого, что нечего ему было сказать, Надин...

Огненный шар молнии медленно приближается к веранде. Вот он отразился в зеркале, висящем в прихожей, вот уронил шипящие искры на Надину куклу, забытую под вешалкой.

Митя (продолжает). А еще и оттого, Надин, что много видел Ятим крови и беды и не хотел, чтобы беда и кровь пришли в большой и любимый дом. И еще оттого, что ему было всего двадцать семь лет, как твоей маме нынче, Надин, и ему очень хотелось жить...

Шар молнии медленно проплывает мимо большой Марусиной фотографии на стене.

Надя. А как же принцесса?..

Митя. Принцесса поплакала-поплакала да и замуж вышла...

Надя. За кого?

Митя. Да вот, за того самого, которого не помню как зовут. Он ведь остался, его

же никто не выгонял...

Сергей (спокойно). И не выгонят. А звали этого злодея Йегрес.

Надя. А ты знаешь эту сказку, пап?

Сергей. Да, Наденька. И мама твоя ее знает...

Надя. Отчего же вы мне ее не рассказывали?..

Ей не успевают ответить, потому что Маруся резко встает, собираясь уйти, но в это мгновение на веранду влетает шаровая молния.

Митя (резким шепотом). Сидеть! Никому не двигаться!..

Маруся оседает в плетеное кресло.

Митя (говорит негромко, одними губами). Это шаровая молния!.. Поражает тех, кто от нее бежит!

Молния, покачиваясь, висит над столом. Все замирают. Митя медленно переводит взгляд с молнии на Сергея и обратно. Молния продолжает висеть над столом. Кирик хочет спрятать в карман носовой платок, но едва он сделал движение, молния качнулась и двинулась в его сторону. Кирик застывает. Митя тихонько трогает струны. Гитара звучит странно и напряженно. Молния, как бы в раздумье, поворачивается в сторону Мити. Митя медленно встает. Шар плавно движется к нему. Митя, не сводя с нее глаз и продолжая наигрывать на гитаре, осторожно опускается на ступеньку, другую и оказывается в саду. Молния следует за ним. Они исчезают из поля зрения. Только доносится тихий звук гитары и злобное шипение и потрескивание молнии.

Как только все стихает, Маруся срывается с места и бежит в дом. Сергей берет в руки газету. Скрипит под стремительными шагами Маруси старая лестница. Все сидят в оцепенении...

Шаровая молния на улице поселка "ХЛАМ". Вторая половина дня. Облачно.

Митя выходит из калитки дома Головиных. Через какие-то мгновения появляется шипящий шар молнии. Митя, наигрывая на гитаре, движется вдоль улицы. Молния, как бы в раздумье, останавливается. Неожиданно с противоположного к Мите края поселка заиграл бравый марш духовой оркестр летчиков. "Все выше, и выше, и выше..." Бодро выводят трубы. Молния решила: она поворачивает в сторону

оркестра. Митя провожает взглядом молнию, которая низко летит над пыльным проселком, затем сворачивает в сторону...

Спальня Маруси и Сергея в доме Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Сергей, крепко сжав раскинутые руки Маруси, прижал ее к стене, смотря прямо в глаза.

Маруся (яростно). Пусти...

Сергей (жестко). Нет!.. И ничего объяснять тебе я не буду: ты моя жена!.. Кто бы я ни был, даже преступник, вор, враг народа, – ты моя жена!.. Ты поняла это? Поняла, я тебя спрашиваю?!

Маруся пытается вырваться.

Маруся. Пусти, зверь!..

Она вырывается, выскакивает в дверь и бежит по узкой лестнице, ведущей на антресоль дома. Сергей за ней.

Веранда дома Головиных. Вторая половина дня. Выходит солнце.

Митя идет от калитки, наигрывая тот же мотив, которым увел молнию. На веранде одна Надя.

Митя. Где все?..

Надя. По углам разбежались... Прабабушки порасплакались!.. Все дверями хлопают... А может, спят. У нас всегда после обеда спят...

Митя. Я помню. А ты что ж не спишь?

Надя. Так, когда они все спят, только и можно нормально пожить.

Митя. Ну, что ж, я, пожалуй, тоже спать не буду.

Надя. А после сна все в футбол будут играть на крокетной площадке...

Митя (удивленно). Да?!.

Надя. Да!..

Митя. А отчего не в крокет, как раньше?..

Надя. Потому, что это буржуазная игра. И теннис – буржуазная. Играют только двое или четверо. Зато в футбол целых 22 играют и целые тысячи смотрят. Вместо того, чтобы пить и воровать...

Так папочка говорит.

Митя. Молодец!..

Надя. Кто?..

Митя. Да, папочка твой!..

Надя. Да, и еще мы с ним завтра едем в зоопарк. Он мне обещал. Зимой я там уже три раза была. Потому, что мы зимой всегда в Москве живем, а летом всегда здесь. Но,

знаете ли, зимой, зимой же половину зверей не показывают. Они холода боятся. Одни белые медведи, моржи, а льва, например, не увидишь, и павлина тоже... Однажды к обезьянам зашли – там такой запах... прабабушки задыхаться начали, еле вынесли их... А знаете: папочка тоже в зоопарке не был...

Комната на антресолях. Вторая половина дня. Солнце.

Сергей настагает Марусю в маленькой антресольной комнате, почти под самой крышей. В ней хранились старые вещи: матрацы, плетеные стулья в дырках и прочий хлам. Сергей ловит Марусю за руку, разворачивает к себе, валит на кучу какого-то белья и одним движением распахивает блузку. Маруся упирается в грудь Сергея, стараясь вырваться от него.

Гостиная дома Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Митя бродит по гостиной, разглядывая фотографии на стенах, безделушки на буфете. Надя идет за ним. У стены, где отмечен рост маленьких Маруси и Мити, останавливаются.

Надя. Тут и я есть. Вот...

Показывает. На стене под темной чертой написано: "Надя. 13 июня 1935 год".

Митя. Смотри, ты тоже быстро растешь, Ядан!..

Надя. Что?..

Митя подмигивает, отходит. Надя остается у стены в недоумении. Затем, шевеля губами, читает: Ядан, Ятим, Ясум...

Со второго этажа спускается Кирик – усталый, довольный и растрепанный...

Кирик. А ты что, и вправду женат?..

Митя. Нет. Не женат.

Кирик. Наврал, значит...

Митя. Наврал...

Кирик. Ну, а куда пропал?.. Где служишь?..

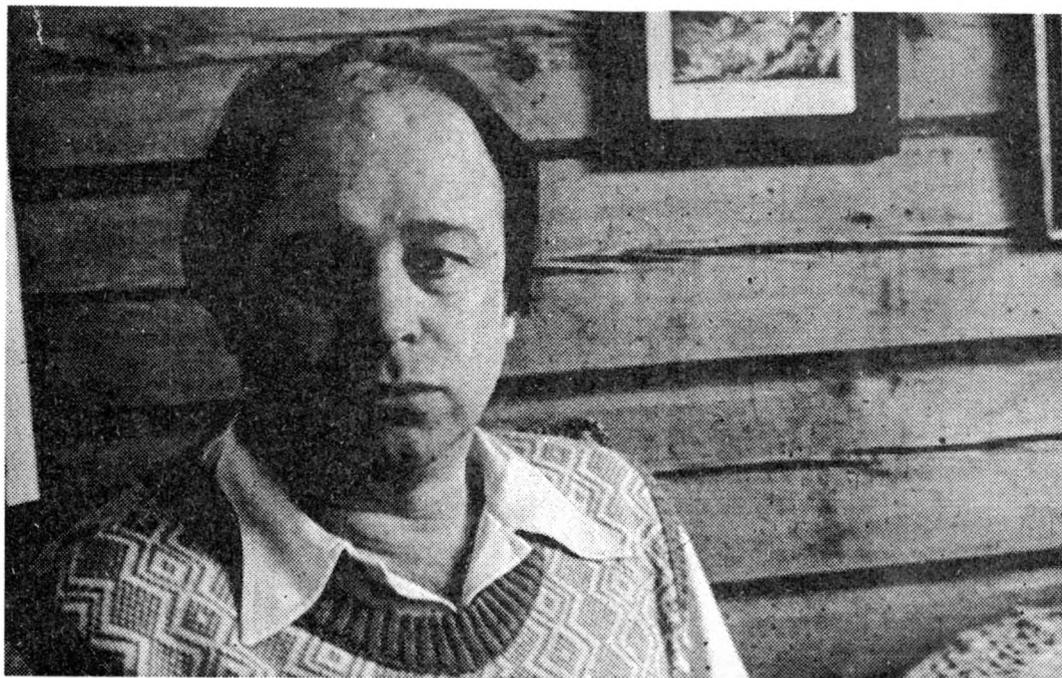
Митя. В НКВД...

Кирик (не верит). Чего ты?.. Опять врешь?.. Я же серьезно спрашиваю...

Митя. А я шучу!.. В ресторане играл не далеко от Парижа, в пригороде. Теперь тоже, под Москвой, в Подольске...

Кирик. Так бы и сказал... Когда вернулся?..

Митя. С полгода, наверное....

Кирик. Что же не объявлялся?..

Митя. Повода не было...

Кирик. Надя, пойди-ка ты на веранду, поиграй, дай поговорить...

Надя. Дядя Кирик, ты в зоопарке летом был?..

Кирик. Был-был...

Надя. А отчего сбежал?.. Плохо кормили?..

Надя, смерив Кирика презрительным взглядом, выходит из гостиной.

Кирик (Мите). Опять что ли шутишь: повод ему нужен...

Ты знаешь, что с ней было - она вены себе резала...

Больше года тебя ждала... а потом комдив этот появился... Цветы, консерватория, рестораны...

Ты что, насовсем вернулся?

Митя. Насовсем...

Кирик (шепотом). А с ней как?.. Комдиву бы рога очень подошли... (завистливо хохочет)...

Митя. Ты не меняешься, Кирик... Ну, как эта Люба?!

Кирик (обнимает Митю и говорит захлебывающимся шепотом). Дядя Сева меня убьет. Она же его обожает на почве римского права. Но мой наскок... Мой наскок был неотразим!..

Кирик пытается в шутовой борьбе схватить Митю, но тот молниеносным движением выкручивает Кирику руки.

Кирик. Ой!.. Ты что, больно же!..

Митя. Прости, Кирик... Не рассчитал...

Комната на антресолях. Вторая половина дня. Солнце.

Сергей покрывает поцелуями лицо Маруси, ее губы, щеки, шею, грудь. Маруся уже почти не сопротивляется. На лице ее возникает странная, отсутствующая улыбка...

Гостиная в доме Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Митя открывает дверь на веранду, но его окликает Лидия Степановна, спускающаяся по лестнице.

Лидия Степановна. Митя, постой-ка...

Она подходит совсем близко.

Лидия Степановна (шепотом). Митя, ты зачем приехал?.. Ведь это грех, Митя...

У них семья, ребенок...

Внезапно лицо ее морщится, она громко всхлипывает и припадает к Митиной груди.

Лидия Степановна. Куда же ты исчез?.. Я ведь все поняла: они тебя заставили... Боже мой, как все ужасно, Митенька...

Митя обнимает старушку, голос его от волнения срывается.

Митя. Лидия Степановна, милая моя... Если бы вы только знали, что со мной сделали!.. Через что я прошел!..

Лидия Степановна. Столько лет... Слава Богу, хоть живой... Жить, Митенька, это такое счастье! Я тебя так понимаю! Мне вот уже семьдесят восемь, а я каждое утро Бога благодарю, что он мне снова дал глаза открыть!..

Жить, Митенька!.. Не поверишь, – мы с Лелей вчера вечером по саду гуляли, кукушку услышали и считать стали, сколько лет жить осталось...

Досчитали до тридцати шести. Так обрадовались!

А нам ведь с ней вместе сто пятьдесят с лишком, дуры старые!.. Митя! Митенька! Митюль...

Митя. Нет его уже, Митеньки вашего, нет Митюля...

Умер... Труп...

Лидия Степановна (испуганно). Не говори так!.. Не смей... Грех это... Бог простил, и мы простим... Ты ее только не губи...

Митя (пытается шутить). Ну, как я могу, тетушка милая, у меня ведь у самого жена, дети...

В гостиной появляется Надя.

Надя (нетерпеливо). Баба Лида, опять ты

рассказываешь что-то длинное... Мамочка сколько раз тебя просила этого не делать...

Лидия Степановна. Все, все... заканчиваю. Я три слова: живи, Митенька, живи...

Митя целует тетушку в седую макушку, она украдкой крестит его.

Митя (себе). Поезда с гусями...

Комната на антресолях. Вторая половина дня. Солнце.

Добела прикусив губу, Маруся почти не шевелится. Лицо напряжено и сосредоточено. Мокрые волосы прилипли ко лбу, и в такт чуть заметному движению вырываются короткие стоны.

Сад дома Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Надя и Митя идут по дорожке к дому. Из открытого окна под самой крышей доносится какой-то глухой стук, задышающиеся стоны.

Митя. Позволь тебя спросить, Надин, а умеешь ли ты бить чечетку?..

Надя. Это как?

Митя. А вот так!..

Митя начинает бить чечетку.

Надя (восторженно). Вот это да!.. Научите!..

На веранде появляется Люба.

Люба. Наденька, ты не видела ли Кирилла Григорьевича?..

Надя. Видела-видела!.. На велосипеде уехал куда-то, к дирижаблю, наверное, они там водку пьют.

А вас дядя Сева давно ищет...

Слышен звонок в калитку, и на участок входит толстый, но очень подвижный мужчина. Еще через мгновение выясняется, что он говорлив и, судя по акценту, грузин. На веранде появляется Мохова, прислушивается к многословному грузину. Люба исчезает в доме.

Грузин. Прошу прощения, генацвале... Вот мой мандат, удостоверяющий личность. Я комиссар перехода на ходулях "Кутаиси-Мурманск". Осталось всего 30 участников... Ущерб не будет!..

Митя. Какого ущерба?.. Кому?!

Грузин. Вам... Они только пройдут оттуда – туда!..

Взмахом руки он определяет направление от калитки до второго выхода с участка на узкую дорогу между дачами.

Митя. Это у хозяев надо спросить. Я тут гость...

Грузин. Основная магистраль перекрыта: военные маневры, а там что-то строят и все оцеплено...

Приходится идти в обход!.. Все на ходулях, кроме меня!.. А где хозяева?..

Митя. Спят... Вы позже зайдите...

Грузин. Я после операции. Хотите посмотреть?..

Он широко разевает рот.

Грузин. Я засыпал на ходу, кислород не попадал в мозг: низкое небо и густая растительность в носу.

Пришлось все вырезать. Хотите посмотреть?

Пожалуйста, у меня фонарик с собой.

Протягивает фонарик, но ни Митя, ни Надя желания заглянуть в широко раскрытый рот толстяка не проявляют.

Грузин. Медики боялись, что я не буду говорить, однако я, видите, говорю вполне успешно, даже на русском...

Мохова, поспешно сойдя с веранды, идет к грузину.

Мохова. А мне можно посмотреть?..

Грузин (обрадованно). Прошу вас, генацвале!.. Вот фонарик!..

Мохова, осветив разинутый зев грузина, с интересом смотрит.

Мохова. А вы какие лекарства принимаете?..

Грузин. Не знаю, разные...

Мохова. А с собой у вас есть?.. Дайте мне...

Комната на антресолях. Вторая половина дня. Солнце.

Сергей и Маруся лежат рядом. Голова Маруси на груди мужа.

Сергей (негромко). Вот, сейчас я могу ответить на все твои вопросы, если они еще есть...

Маруся. Есть... Это ты его отправил туда?..

Сергей. Я!..

Маруся. Так это ты!.. И ты...

Сергей (перебивает). Он сам поехал!.. Сам!.. Добровольно!.. И был он не один. И у всех был выбор.

Маруся. Но его арестовали бы, если бы он отказался!..

У него не было другого пути...

Сергей. У человека всегда есть два пути, Маруся, и он сам выбирает один из них. Можно сказать и можно промолчать, можно поехать и можно остаться...

Маруся. Но отчего именно он?.. Что он там делал?

Сергей. Десять лет прошло. Не помню. Ты знаешь, сколько мы в те времена народу за границу послали?! Посольства, торгпредства, миссии, журналисты... А у него опыт был, языки знал... И потом, ты же знаешь, я там долго не служил... (Меняя тему.) ...Послушай, Маруся. Может, и правда, переедем на казенную дачу. Чистота, порядок, обслуживание!.. Чехольчики беленькие на креслах, площадка волейбольная. Никто не мешает, никто просто так не придет, охрана. Да и в Кремле на меня косо смотрят: при казенной даче в клоповнике живу. Неудобно, я ведь комдив все-таки... Мне госдача положена. А?.. Маруся, ну хочешь, старушек заберем...

Маруся (не слушая его, после паузы). Скажи мне честно: а если тебя бы так отправили?..

Ты бы тоже поехал?! Бросил бы меня, Надю?.. Да?

Сергей. Конечно, Маруся. Конечно бы поехал. Я же военный человек.

Маруся. Как же ты смеешь тогда обвинять его?..

Сергей. Я, Маруся, поехал бы потому, что Родину люблю.

А он от страха, чтобы жизнь свою спасти. Есть долг, а есть страх!.. Ты понимаешь разницу?..

Маруся некоторое время лежит неподвижно, как бы обдумывая сказанное Сергеем, потом медленно-медленно приближает лицо к лицу Сергея. Вот оно к ней все ближе, ближе: щека, нос, глаза...

Сергей (удовлетворенно улыбаясь). Ты что, Маруся?..

Маруся (шепотом). Хочется разглядеть тебя поближе...

Сергей. Зачем, Маруся?.. Что ты там хорошего увидишь?..

Маруся. У тебя в голове лампа: так глаза твои светятся?..

Однажды мы с другими женами 1 Мая на параде на трибуне у Мавзолея стояли. За мной какая-то новенькая оказалась, только откуда-то с мужем в Москву перебралась. Когда твой портрет демонстранты понесли, она наклонилась ко мне и спрашивает на ухо: "А это кто?" ...Я так растерялась, говорю: "Не знаю". А потом подумала, что я правду ей сказала, я ведь, действительно, тебя "ТОГО" не знаю...

Сергей. И не надо, Маруся. Тебе что, меня "ЭТОГО" не хватает?..

Маруся (загадочно улыбаясь). Еще как хватает!.. Я тебя иногда так чувствую...

Везде: в животе, на губах, на кончиках пальцев...

Сергей с нежной и в то же время озорной улыбкой смотрит на Марусю, подмигивает.

Сергей. Что, Маруся, любишь своего товарища Котова?

Маруся проводит пальцем по бровям Сергея.

Маруся. Теперь я рожу мальчика...

Сергей (изумленно). Чего?!.

Маруся. Я почувствовала сегодня, как он в меня влился...

Сергей недоверчиво качает головой.

Маруся. Правда, правда... Я и тогда почувствовала, как в меня Наденька вливалась, только не сказала...

Сергей прижимает к себе Марусю с такой силы страстью, что слышен хруст ее позвоночника и сдавленный вздох...

Маруся (восторженно). Ты меня переломашь когда-нибудь...

Сергей. Извини, забылся....

Маруся. Я очень люблю, когда ты забываешься. Страшно, но упоительно. Обожаю тебя бояться, когда ты в ярости!.. Сегодня утром, когда ты вскочил на коня, я чуть не заревела от счастья... Что ты у меня такой...

Сергей. Да, уж утром свалил дурака... Борюсь, борюсь с партизанщиной в себе - ничего не получается!..

Маруся. Боже мой!.. Так не хочется спускаться вниз.

С кем-то-говорить, улыбаться... Мы так редко бываем одни: вся жизнь на глазах у бдительных старушек, у Кирика... И еще вдруг этот Митюль заявился... Может, скажешь ему, чтобы уезжал?..

Сергей. Я?.. Почему я?..

Маруся. Я очень прошу тебя...

Сергей. Нет, Маруся, этого не будет. Подумай сама, в какое положение ты меняставишь...

За что я его должен выгнать?..

За то, что он любил тебя?..

Маруся. За то, что он меня предал....

Сергей. Так я-то ему за это должен только спасибо говорить. Это, Маруся, ваши дела, твое право, тебе и решать...

Маруся (после паузы). Хорошо... Я решаю...

Натягивая халат и ступая босыми ногами по полу, Маруся выходит на балкон.

Сад дома Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Маруся некоторое время смотрит с балкона на Митю и Надю, бьющих чечетку.

Маруся. Митя... Я прошу тебя...

Митя (задрал голову, смотрит на Марусю). Бултых!..

Маруся. Что?..

Митя. Твоя мама, когда укладывала тебя спать, так говорила: "Бултых!.."

Маруся. Митя, я прошу тебя... знаешь...

Митя (негромко). Знаю-знаю... Только скажи, пожалуйста, твоему Сереже, пусть спустится на пару слов...

Надя (Мите). Вы уже уезжаете?..

Митя. Если честно, Надин, то нет. Тебе я врать не могу.

Вечером за мной приедет машина, на ней я и уеду...

Надя. У-р-ра!..

Митя. Но это наш с тобой секрет, Надин...

Я бы даже сказал – военная тайна, которую знаем только мы...

К ним подходит Мохова, которая проводила грузина.

Митя. Мохова-Мохова – жемчужина ты моя несверленная, для кого ты себя бережешь?.. Для какого принца? Не пора ли начать немедленно полноценную жизнь?!

Мохова (краснея, испуганно машет руками). Что вы, что вы... Дмитрий Андреевич!

Какое здоровье нужно для этого... И лекарств нет...

Смущенная Мохова поспешно удаляется в сторону дома.

Надя. Бедная Мохова! Прабабушки грех на душу взяли – все лекарства ее сожгли.

Митя. Да, большой грех... Но, ничего – Мохова будет жить долго-долго, пока ты не станешь взрослой.

Такая уж у нее судьба.

Надя. Откуда вы знаете?

Митя. Ты, Надин, забыла... Я же волшебник из Магриба – и все про всех знаю... А вот и папочка твой... Сейчас мы с ним побеседуем...

К ним, сойдя с веранды, направляется Сергей.

Митя. Надин, а в какую игру ты играла? Кто дольше ноту протянет?..

Митя зажимает себе уши и начинает со звуком выдыхать воздух.

Митя. Делаем по очереди. Ты вдыхаешь, я считаю!

Я выдыхаю...

Надя. Я считаю!..

Митя. Молодчина!.. Кто дольше ноту протянет, тот выигрывает!

Подошедший Сергей вопросительно смотрит на Митю.

Митя. Одну минуту... (К Наде.) Ты первая!..

(Командует.) Набираешь воздух!..

Затыкаешь уши!.. Начали: раз, два, три...

Надя послушно выполняет команды, Митя для надежности поверх ее ладоней кладет свои, и девочка не слышит того, что он говорит Сергею.

Комната на антресолях. Вторая половина дня. Солнце.

Маруся лежит на кровати в расстегнутом на животе халате.

Глаза прикрыты. С трудом, как долго болевший человек, она опускает ноги на пол, тяжело поднимается, идет к балконной двери, стараясь быть незамеченной из сада, выглядывает в окно.

Она видит Митю и Сергея, между ними Надю, что-то, кажется, поющую. Сергей

внимательно слушает то, что говорит ему Митя. Маруся отходит от окна.

Сад дома Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Надя, Митя и Сергей идут к дому. Надя еще не отдышалась.

Надя. Теперь ваша очередь!..

Митя. Сейчас... Я готовлюсь...

Сергей. Когда приедет машина?

Митя. К семи...

Сергей (смотрит на часы). Понятно. Ну что ж, мы договорились?!

Никому ни слова! Для всех – ты гость, так что и веди себя соответственно. В футбол играешь?

Митя (удивленно). Играл когда-то...

Сергей. Ну и отлично!.. Значит побегаем!..

У нас по воскресеньям футбол – обязательно!..

Митя (еще больше удивляясь). Сергей Петрович... Может быть вы чего-то не поняли?..

Сергей. Да что же непонятного?! До твоей машины почти два часа...

Надя. Дядя Митяй, ваша очередь...

Митя послушно зажимает уши ладонями и делает глубокий вдох.

Надя. Один, два, три... десять!.. У-р-ра!.. Я победила!..

Митя. Увы!.. Придется готовиться к матч-реваншу...

Комната на антресолях. Вторая половина дня. Солнце.

Маруся отходит от оконной двери и, застегивая на ходу халат, спускается на веранду.

Веранда дома Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Здесь же стоит улыбающийся Сергей.

Сергей. Зови всех на футбол!.. Где этот: исполняющий танец птички, похожей на дирижабль?..

Маруся смотрит на мужа с удивлением: странно-суетливая его веселость ей непонятна. Через плечо Сергея она видит, как Митя, разговаривая с Надей и объясняя ей какое-то “па” чечетки, наблюдает за ней и Сергеем. Надя, увидев мать, бросается к ней.

Надя. Мамочка, папочка!.. Смотрите, как

я умею!..

Она взлетает на веранду и выдвигает колено чечетки.

Сергей. Здорово!..

Надя. Это только начало!.. Дядя Митяй, покажите, – как дальше?..

Митя стоит в нескольких шагах от веранды, во всей его фигуре, в выражении лица ощущается напряженная осторожность.

Сергей (Мите). Ну-ка, ну-ка!.. Покажи, как ты умеешь!

Ну, давай-давай!..

Митя, пожав плечами, вынужден бить чечетку.

Сергей. Отлично!.. А вот так, кто умеет?!

С этими словами прославленный комдив пускается в лихой танец – то приседая, то вскидывая высоко ноги.

Маруся. Что с тобой, Сережа?..

Сергей. Это танец птички, улетающей на дирижабле!..

Маруся. Что он тебе сказал?..

Сергей (продолжая выдвигать коленца). Кто?.. В футбол будем играть: сегодня же воскресенье, забыла?..

Эффектно топнув ногой в финале пляски, он подходит к жене и обнимает ее за плечи.

Сергей (с веселой ласковостью). Брось ты, Маруся!.. Что ты из всего проблему делаешь?.. Человек в гости приехал, твой друг детства!.. За ним все равно машина должна прийти... Ты бы ему лучше тапочки подобрала... (Мите.) У тебя какой размер?..

Митя (пожимая плечами). Сорок второй...

Открывается калитка, и по дорожке сада идет к ним уже знакомый нам грузин. Митя, увидев его, показывает на Сергея и Марусю.

Дорога у стога. Вторая половина дня. Солнце.

Грузовик с выключенным двигателем стоит посреди скошенного луга. Вдалеке на стоге человек, который, опираясь на вилы, что-то объясняет шоферу. Тот, стоя внизу и размахивая руками, тоже говорит что-то такое “темпераментное”. Постепенно разговор начинает накаляться. Шофер, в сердцах, хватая с земли какую-то палку и запускает ее в мужичка на стогу. Тот бросает ее обратно в водителя.

Пофыркивая работает двигатель грузовика. В зеркале стоящего в кузове трюмо подрагивает в такт двигателю

отражение неожиданной ссоры у стога.

Сад дома Головиных. Вторая половина дня. Солнце.

Маруся и Надя – голкиперы. Они защищают узенькие футбольные ворота, обозначенные двумя невысокими колышками. Митя, Сергей, Кирик и толстый комиссар-грузин с криками носятся по саду с мячом. Всеволод Константинович со свистком в роли рефери. Прабабушки и Мохова – очень активные зрители. После сильного удара кого-то из игроков мяч улетает в высокий кустарник, окруженный зарослями крапивы. Начинаются долгие поиски мяча.

Митя, забредший в самую глубь кустарника, осторожно раздвигает высокую крапиву и неожиданно натывается на Сергея. Тот смотрит прямо Мите в глаза, словно его ждал.

Сергей. Нашли?..

Митя (после короткой паузы). Вы здесь?.. Послушайте, странно как-то... Вы что, ничего не поняли? У вас остался один час... На что вы его тратите?..

Сергей (криво усмехнувшись). А ты думал: я бумажки жечь побегу?.. Или стреляться попытаюсь?.. Меня другое интересует...

Ты сам сюда напророчился приехать, Андерсен?..

Митя. Что?!

Сергей. Сказочник ты херов! Что же ты не рассказал в своей сказочке, что с двадцать третьего года завербован ОГПУ и как тайный агент по кличке то ли "Пианист", то ли "Музыкант" сдал нам восемь!.. восемь высших чинов белого движения. Это с твоей помощью их похищали, привозили сюда и расстреливали как контрреволюционеров и врагов трудового народа!..

Митя. А вы их таковыми не считаете?..

Сергей. Еще как считаю!.. Но я против них 4 года дрался!.. А ты дрался за них!.. И с ними вместе!

А потом всех сдал!.. Генерала Курнева, генерала Вейлера, Машкова... Всех!..

Митя. Вы же знаете, что меня заставили...

Сергей. Да кто тебя заставил?.. Кто?.. Я тебя и знать не знал в двадцать третьем году!.. Тебя просто купили!.. Пошло купили за франки!..

Митя. Не смейте так со мной разговаривать! Не нужны мне были ваши вонючие франки!.. Я просто рвался домой! Сюда, в этот дом!.. И мне обещали, а я поверил!.. Мне сказали: "Сделай, и мы тебя пустим обратно!.."

Сергей. И ты согласился?!..

Митя. Да! А что бы вы сделали на моем месте?

Сергей. Застрелился!..

Митя (усмехнувшись). Вы, видно, никогда не пробовали это сделать!..

Сергей. В меня четыре года другие стреляли!..

Митя. И в меня тоже: и свои, и чужие!..

А потом обманули. Обещали больше не трогать, но обманули и все отняли. Ты отнял: жизнь, любовь, Марусю, профессию, Родину, Веру - все!..

Сергей. Ах вот почему ты сюда приехал?.. Насладиться!..

По капельке, по глоточку обидой своей насладиться... А потом одним ударом: бац! Вы арестованы, гражданин Котов!

Митя. Я нарушил инструкцию, пошел на должностное преступление и предупредил вас!..

Сергей. Пожалел?..

Митя. Не вас!.. Вас мне жалеть не за что!.. Себя пожалел!.. Всю вот эту жизнь!.. Юность свою, любовь!.. Девочку маленькую, она могла быть моей дочерью!..

Сергей (перебивая). Врешь ты все!.. Ты и здесь блядь!.. И нашим, и вашим!..

Чтобы я потом учел... Ведь знаешь, чем все кончится!.. Кто Котова посадит?.. Героя

революции и легендарного комдива?!. Кто?..

Митя (после паузы). Вот это я тебе припомню, когда ты, ползая в собственном дерьме, дней через пять подпишешь добровольное признание, что с 1920 года являешься японским шпионом, а с двадцать третьего еще и германским, что ты еще и диверсант, и организатор покушения на товарища Сталина!.. А не подпишешь, тебе напомнят, что у тебя есть жена и дочь!..

Сергей. Что?!.

Широко размахнувшись, бьет Митю по лицу, тот падает!..

Сквозь кусты пробирается Надя.

Надя. Папа!.. Папочка!.. К тебе пионеры пришли!..

Отряд имени тебя!.. А где дядя Митя?..

Сергей еще не пришел в себя. Он растерянно смотрит то на Надю, то на то место, куда упал Митя. Неожиданно над крапивой медленно появляется мяч, за ним голова Мити. Он улыбается и подмигивает Наде.

Митя. А я мячик нашел!..

Надя. Пойдемте скорее!.. Там пионеры с флагом!..

Новеньких в папочкин отряд принимать!.. Когда они уже вышли из кустарника, Сергей шагнул к Мите.

Сергей. Тебя зачем прислали раньше?!.

Митя. Чтобы вы, по своей дури, глупостей не натворили...

Сергей. Обыск будет?..

Митя. Завтра...

Сергей. Почему?..

Митя (очень членораздельно). Потому что не при мне...

Сергей (деловито). Ясно!.. Никому ни слова: пришла машина, вместе уехали!..

Митя. Хорошо!..

Пионерский отряд выстроен в две шеренги у веранды.

Пионеры дружно вскидывают руки, салютуя Сергею. Вперед выступила пионервожатая в косынке. Сергей надевает принесенную Надей фуражку, отдает честь.

Пионервожатая (звонким голосом). Отряд имени прославленного героя Революции и Гражданской войны, большевика-орденоносца, комдива товарища Котова для торжественной присяги при вступлении в отряд построено!..

Дальше пионеры, принимаемые в отряд, звонкими голосами произносят клятву.

Пионеры (хором). Мы, юные пионеры-ленинцы, отряда имени героя Гражданской войны, верного ученика и соратника товарища Сталина, большевика-орденоносца и легендарного комдива товарища Котова, перед лицом своих товарищей и в присутствии лично товарища Котова торжественно клянемся быть верными продолжателями дела Ленина-Сталина, дела героев Великой Октябрьской революции, свято и твердо хранить военную и государственную тайну, беззаветно служить Великой Социалистической Родине и защищать ее до последней капли крови, как это делали Герои Великой Революции и лично верный ученик товарища Сталина большевик-орденоносец товарищ Котов!..

Надя тоже стоит рядом с отцом и, как пионеры, держит руку "салютом".

Чуть позади стоят остальные обитатели дома. И только Митя, покачиваясь в гамаке, наблюдает за этой сценой со стороны.

Поляна у реки. Ранний вечер. Закат.

Дирижабль постепенно оживает. Вокруг него клубится пар, все так же суетятся люди.

Рабочие протягивают какие-то канаты, цепляя их к креплениям на дирижабле. Большим ключом завинчивают огромную гайку на креплении.

Улица поселка "ХЛАМ". Ранний вечер. Закат.

Надя, забравшись на свою скамеечку у забора, наблюдает за дорогой. Она пустынна. Только едущий по ней велосипедист притормозил.

Велосипедист. С праздником, Наденька!..

Надя. С праздником, Василий Васильевич!..

Велосипедист. Ты кого-то ждешь?

Надя. Да, машина должна приехать.

Велосипедист. А, понятно!.. Папу поздравь с праздником.

Надя. Хорошо...

Велосипедист удаляется. Улица опять пуста.

Веранда дома Головиных. Ранний вечер. Закат.

Третий раз за этот долгий летний день Головины и гости дома сидят за накрытым столом – вечернее чаепитие за самоваром близится к концу. Всеволод Константинович, пряча победную усмешку, галантно танцует танго с Любой, преданно прижавшейся к нему. Пластинка крутит все то же "Утомленное солнце".

Кирик пытается поймать взгляд Любы и, когда это ему удается, начинает смешно гримасничать. Мохова прибирает со стола.

Кирик (громко). Интересно, почему она называется шаровой?..

Может потому, что у нее шаровидная форма?..

Всеволод Константинович. Тонкое соображение...

Мохова. От них крапивный отвар хорошо помогает: и внутренне, и снаружи...

Ольга Николаевна (строго). От кого это "от них"?

Мохова. От молний всяких...

Лидия Степановна (Елене Михайловне). В твоем пальто тебе никакая молния не страшна...

Мохова. А ежели она летом ударит?

Митя и Сергей сидят друг против друга через стол и в разговоре участия не принимают.

Маруся (улыбаясь). Нам теперь можно не бояться... Митя научил, как с ними обращаться...

Кирик неожиданно издает истошный

воплем и вскидывает над головой нечто трескучее и бешено искрящееся. Все вздрагивают от неожиданности, не сразу понимая, что это обыкновенный бенгальский огонь. Бабушки испуганно крестятся, а Мохова, громко вскрикнув, теряет сознание. Митя едва успевает ее подхватить.

Кирик (вопит, пародируя Митю). Стоп!.. Ни с места!.. Шаровая молния!..

Елена Михайловна. Кирик!.. Ну что за дурацкие шутки...

Кирик (продолжая). Это не шутка!.. Это репетиция "гражданской обороны". Враг не дремлет! Мы должны быть готовы к любому нападению!!!

Улица поселка "ХЛАМ". Ранний вечер. Закат.

Надя видит черную блестящую машину, сверкающую хромом фар и радиатора и едущую к их дому. Машина бесшумно и мягко останавливается. Медленно оседает поднятая широкими шинами пыль. Некоторое время из нее никто не выходит. Потом медленно опускается запыленное стекло передней двери. В окне появляется длинное лицо.

Длиннолицый чекист (Наде). Девочка, это дача семнадцатая?!

Надя (восторженно). Семнадцатая,

семнадцатая!.. Вы за дядей Митяем приехали?! Я знаю. Я вас тут давным-давно дожидаясь!.. (Кричит в сторону дома.) Дядя Митяй!.. Дядя Митяй!.. Приехали!..

Она бежит к дому.

Веранда дома Головиных. Ранний вечер. Закат.

Надя подбегает к веранде. Бенгальский огонь еще горит в высоко поднятой руке Кирика. Мохова и прабабушки испуганно молчат. Всеволод Константинович и Люба продолжают танцевать.

Надя. Дядя Митяй, за вами машина приехала. Очень красивая...

Митя и Сергей встречаются взглядами.

Митя. Ну, что ж – надо ехать...

Маруся подходит к Мите, берет его за рукав парусинового пиджака.

Маруся. Митя... Так неловко от того, что я сказала. Ну, чтобы ты уезжал. Ты уж прости...

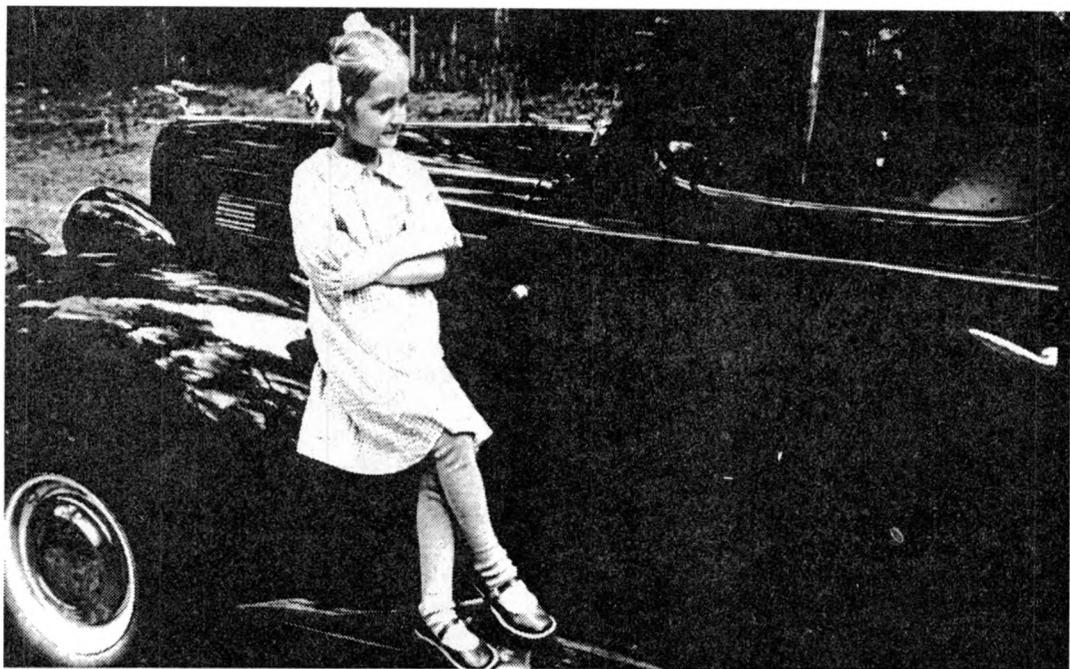
Митя отводит глаза.

Митя. Ну что ты, Маруся... Это ты меня прости...

Сергей (встает). Я, пожалуй, тоже поеду в Москву. Раз уж машина есть...

Маруся (не отпуская Митиново пиджака). А твоя? Она же утром приедет...

Сергей (направляясь к двери). Я

вспомнил – у меня с восьми дела, а моя приедет только в девять...

Надя. Дядя Митяй, а можно мне в вашей машине посидеть?

Маруся. Подожди... Надя, не мешай. Что ты сказал, Сережа?!

Сергей (не сразу). Я говорю, я тоже поеду...

Митя провожает взглядом Сергея, скрывающегося за дверью.

Надя, упрямо поджав губы, ждет возможности поговорить с дядей Митяем.

Маруся. Он так много работает... Ты в Москве где живешь?

Митя. Я?... В Госдоме... На Набережной... Около кино "Ударник"...

Маруся. Недалеко... Мы на Грановского... В правительственном...

Маруся кладет руки на плечи Мите, как бы предлагая продолжить разговор танцуя. Митя принимает предложение. Маруся неодобрительно смотрит на "надутую" Надю.

Маруся. Вы посмотрите на нее – опять "надулась". Ох и характер у тебя, Надя...

Надя. А я, вообще, не к тебе подошла, а к дяде Митяю...

Митя. Что ты хотела, Наденька?... А-а! В машине посидеть?

Ну, конечно!.. И не только посидишь – прокатишься!.. Рулить будешь!..

Надя. Ур-ра!.. Как Любовь Орлова из фильма!..

Она сбегает с веранды и бежит к забору.

Маруся (танцует). Ой, какой тяжелый характер!.. Как ей будет трудно жить!.. У тебя дети есть?..

Митя. Угу...

Маруся. Да, я забыла. Ты говорил... Я сильно изменилась?..

Митя. Нет...

Маруся. Хочешь, я тебе правду скажу?..

Митя. Ну...

Маруся. Я чуть не умерла, когда тебя увидела... Так испугалась!..

Митя. Чего же?..

Маруся. За себя!.. А теперь все!.. Сейчас я совершенно спокойна... И хоть ты негодяй, я тебя все равно ужасно люблю, Митюль... И очень часто вспоминаю...

Митя (сам себе). Поезда с гусями...

Маруся. Что это ты повторяешь все время? Что это значит?..

Митя. Я сидел рядом с постелью твоего отца... Он был в забытьи, потом вдруг открыл глаза, увидел меня, взял мою руку и сказал: "Как обидно... Я прожил такую длинную, интересную жизнь, и что я вижу перед смертью?.. Какие-то поезда с гусями... Как обидно..." Он снова впал в забытье... И выяснилось скоро, что это были последние

слова твоего отца..

Маруся. Я этого не знала... Послушай, Митюль... Не исчезай больше... Мама, бабушка, дядя Сева, – они же старенькие... ты для них, как сын... Обещай, что не исчезнешь... Ну, обещай... Ну, скажи-скажи: “Обещаю...”

Митя. Обещаю...

Сад дома Головиных. Ранний вечер. Закат.

Надя подбегает к забору. Влезает на свою скамеечку...

Улица поселка “ХЛАМ”. Ранний вечер. Закат.

Сверкающий автомобиль стоит на том же месте. Чекисты, продолжая сидеть в машине, жуют бутерброды.

Надя (радостно). Здравсьте!.. А я с вами до поворота прокачусь!.. И рулить буду...

Чекисты переглядываются, смотрят на девочку...

Сад дома Головиных. Ранний вечер. Закат.

Но Надя уже бежит по тропинке к дому.

Кабинет Сергея в доме Головиных. Вечер. Закат.

Сергей открывает ключом ящик письменного стола, вытаскивает из глубины револьвер в кобуре, проверяет, заряжен ли барабан...

Веранда дома Головиных. Вечер. Закат.

К двум танцующим парам прибавилась третья – Ольга Николаевна и Кирик.

Ольга Николаевна. Никогда больше ко мне не приближайтесь ближе чем на один метр...

Кирик. Почему, моя прелестница?..

Ольга Николаевна. Люба все мне рассказала, как вы с ней порступили...

Кирик (решительно). Поклеп и шантаж!..

Ольга Николаевна. Бедный Севушка!.. И так с ним – всю жизнь!..

Кирик. Вы ревнуете?..

Ольга Николаевна. Нет..

Кирик. Но согласитесь: приятно иметь роман с мужчиной, который еще нравится молодым женщинам?..

Ольга Николаевна (почти ласково). Негодяй!..

Кирик собирается ответить шуткой, но внезапно лицо его искажается гримасой ужаса, из груди вырывается истошный вопль.

Повиснув на сильных еще руках партнерши, Кирик таращит глаза на возникшую над забором и верхушками кустов группу людей, мерным шагом надвигающихся на дом по воздуху. Над ними транспарант “Кутаиси–Мурманск! 1-й Всесоюзный переход на ходулях!”

Сад дома Головиных. Вечер. Закат.

Вопли Кирика напугали толстого комиссара перехода, который идет впереди своих товарищей. Переступая с помощью двухметровых ходуль, группа человек в тридцать вступает в сад Головиных. Кирик уже пришел в себя и вместе со всеми хохочет над своим испугом...

Надя лишь на мгновенье задерживается, трогает ходулю, на которую она чуть не налетела, пробегая мимо...

Надя (человеку на ходулях). Послушайте, я сейчас машину буду рулить!.. Вы посмотрите сверху?..

Перескакивая через ступеньки, Надя вбегает на веранду и бежит к двери дома...

Спальня Маруси и Сергея. Вечер. Закат.

В расстегнутой рубашке и без брюк Сергей сидит на кровати и смотрит на большую фотографию. На ней несколько военных, в центре улыбающийся Сталин, по правую руку от него Сергей Котов. Сергей смотрит на фотографию и словно не видит ее. В комнату вбегает возбужденная Надя.

Надя. Папа!.. Папочка!.. Скорее – они же уедут!..

Папочка, дядя Митяй обещал мне дать машину поводить!.. До поворота!.. Пожалуйста, папочка!.. Давай побыстрее!..

Надя начинает помогать Сергею застегивать рубашку, продолжая что-то щелбятать. Сергей смотрит на ее выгоревшие косички, веснушки на носу и щеках, на посветлевшие от солнца брови и горячая волна нежности поднимается в нем.

Надя (чуть манерничая). Мне так повезло, что у меня такой папочка... Ну, просто ужасно повезло!.. Папочка мой!.. Веселенький, пригоженький!..

Сергей гладит Надю по голове, потом прижимает ее к себе так, чтобы она не видела его лица.

Сергей. Ты знаешь, Наденька, мы с тобой завтра не сможем пойти в зоопарк... я...

Надя (перебивает). Ну и что!.. В другой раз!.. Зато я сегодня машиной рулить буду! Да, а в сказке той: Ясум это значит Муся, а Ятим - Митя! Все наоборот, как в зеркале, я сама догадалась. Папочка, пожалуйста, давай побыстрее, а то они уедут...

Она убегает.

Улица поселка "ХЛАМ". Вечер. Закат.

Лимузин поблескивает в лучах заходящего солнца. Водитель протирает мягкой замшей стекло. На переднем сиденье курит длиннолицый, стряхивая пепел от папиросы за окошко.

Появляется Всеволод Константинович с Любой. Неспешной, вальяжной походкой он подходит к машине. Приостанавливается.

Всеволод Константинович (наклоняясь к окошку). Это вы за Дмитрием Андреевичем приехали?..

Чекист, вежливо улыбнувшись, кивает головой.

Всеволод Константинович. Как замечательно. Позвольте полюбопытствовать: что же за организация подает такие авто?..

Длиннолицый чекист (после короткой паузы). Областная филармония...

И он, опять вежливо улыбнувшись, поднимает стекло.

Гостиная дома Головиных. Вечер. Закат.

Сергей в военной форме комдива, украшенной несколькими боевыми орденами, спускается по лестнице, входит в гостиную, подходит к буфету.

Наливает себе полный стакан коньяка, выпивает его и идет на веранду...

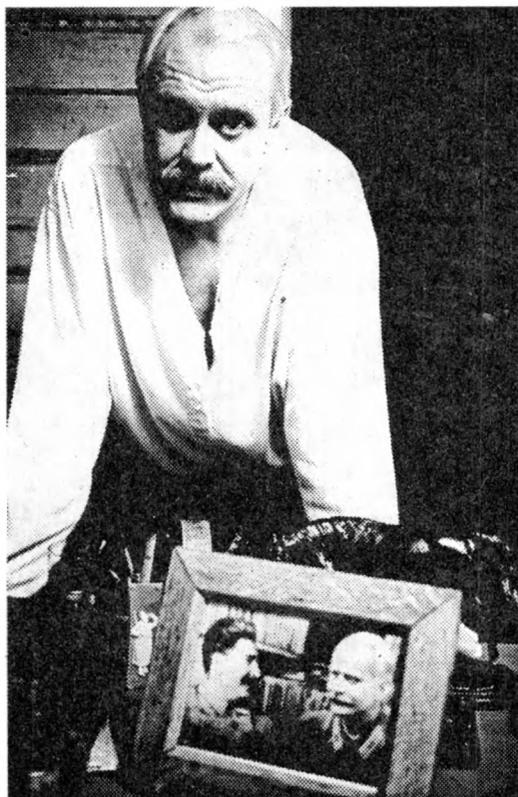
Веранда дома Головиных. Вечер. Закат.

Маруся, продолжая смеяться, оборачивается на появившегося в дверях Сергея, который через головы собравшихся на веранде видит удаляющуюся к калитке группу людей на ходулях. Через руку Сергея перекинута его длинная кавалерийская шинель.

Маруся. Ты что в орденах, Сережа, и шинель берешь?..

Сергей (улыбаясь). Все тебе, Маруся, надо знать... Пусть уж лучше на груди, чем на подушке позади...

Маруся. Ты, что, выпил?..

Сергей. Нет, побрился...

Маруся (озадаченно). А-а-а...

Сергей (Мите). Ну что, пошли, сказочник...

Он кивком головы прощается со старухами.

Сергей. Бабушки, до завтра... А где "отец правосудия"?..

Ольга Николаевна. Гуляет... С этой Любой...

Сергей. Привет ему...

Надя. Идемте с нами! Все-все!.. Смотреть, как я буду рулить!..

Взяв за руки Марусю и Митю, Надя ведет их за собой к калитке. За ними идут старухи. Сергей задерживает Кирика.

Сергей. Вот тебе конверт, отдашь Марусе. Завтра.

Кирик (не понимая). А... почему... не?..

Сергей (перебивает). Потому что ты птичка... почтовый голубь... Делай, что тебе говорят...

Кирик, сооротив рожу, зажимает конверт в зубах...

Сергей. И ладно, уж, черт с тобой, можешь пока поносить мой халат...

Кирик удивленно вскидывает брови.

Улица поселка "ХЛАМ". Вечер. Закат.

Митя, Маруся и Надя подходят к лимузину. Надя суетится и волнуется. Водитель открывает свою дверь. Чекисты выходят из машины. Подходят старухи.

Митя. Познакомьтесь, это мои товарищи.

Все здороваются. К машине подходят Сергей и Кирик. Чекисты здороваются с ними, видно, что форма и ордена Сергея произвели на них впечатление.

Митя (водителю). А это – девочка Надя, которой я обещал немножко покататься! Садись, Надин...

Митя усаживает Надю на колени к водителю. Маруся неодобрительно качает головой, но чувствуется, что ей все это приятно. Надя вертит головой, ищет отца.

Надя. Папа, папочка, садись рядом со мной. Смотри, как я тебя повезу.

Сергей улыбается, смотрит на Митю.

Митя. Нет, Надин, папе сзади лучше видно будет, как ты ведешь машину.

Грузный чекист садится на переднее сиденье.

Сергей легко целует Марусю в щеку и занимает место на заднем сиденье, за ним длиннолицый чекист. Митя, помахав всем рукой и тоже чмокнув Марусю в щеку, садится по другую сторону от Сергея. Когда все двери захлопываются, тень беспокойства пробегает по лицу Маруси. Машина, плавно урча, трогается с места.

Поляна у реки. Вечер. Закат.

Множество людей, взрослых и пионеров, осторожно раскатывают огромный тридцатиметровый рулон. Шелковая ткань нежно трепещет и переливается, словно легкая морская волна. Медленно натягиваются канаты, к которым прикреплена трапеция с намотанным шелковым рулоном.

Улица поселка "ХЛАМ". Вечер. Закат.

Машина, плавно покачиваясь на рессорах, переезжает ухабы проселочной дороги и, миновав последний дом, выезжает в поле.

Внутри лимузина. Вечер. Закат.

Надя широко раскрытыми глазами смотрит перед собой. Маленькие кулачки изо всех сил сжимают руль. Водитель подстраховывает ее, придерживая "баранку" снизу. От усердия и восторга Надя прикусила нижнюю губу. Сергей видит ее личико в зеркале. Чекисты благосклонно наблюдают за крутящей руль девочкой.

Митя. Ай да Надин!.. Ай да молодчина!.. Надя счастливо улыбается, слизывая языком испарину, выступившую на верхней губе.

Сергей видит русо-шелковистый завиток над ухом дочки, выбившийся из-под заколки, ее раскрасневшую щеку, слышит ее смех и сам он невольно и хмельно улыбается. Чекисты тоже улыбаются. Чувствуется, что они рады тому, что все так необычно и даже приятно у них получается.

Автомобиль в поле. Вечер. Закат.

Лимузин пылит по дороге по появляющейся, то исчезающей среди спелых пшеничных колосьев.

Внутри лимузина. Вечер. Закат.

Лимузин тормозит на одном из поворотов.

Митя. Ну вот, Надин, все!.. Спасибо тебе, что прокатила нас!.. А теперь возвращайся домой. Тебя мама ждет.

Счастливая Надя поворачивается к отцу.

Надя (гордо). Ну, как, а?!.. Как я вас прокатила? И сама, правда?!.. (Она смотрит на водителя.)

Водитель с улыбкой кивает головой. Надя изгибается на сиденье и обнимает отца.

Надя. Все, папулечка, пока!.. Ты завтра, как всегда, вечером?.. (Мите.) А вы, дядя Митяй, тоже приедете?

Митя пожимает плечами.

Надя. Ой, приезжайте, приезжайте!.. У нас и комната гостевая есть. Люба эта может у дяди Севы жить, все равно они поженятся, мама сказала... Приедете?..

Митя. Хорошо...

Она тянется к Мите и троекратно его целует. Митя неожиданно крепко прижимает ее к себе и держит так несколько мгновений.

Потом Надя целует всех чекистов, а у самого грузного неожиданно спрашивает:
– Вы в зоопарке были?..

Грузный чекист. А как же!..

Надя. А что ж сбежали, плохо кормили?!

Чекист ничего не понял, но его товарищи дружно захохотали.

Сергей (смеясь). Нельзя так, Надя, со взрослыми разговаривать... Ну, ладно,

поехали, поехали. Поздно уже. Беги, Наденька, домой. Мама беспокоится...

Автомобиль в поле. Вечер. Закат.

Надя выпрыгивает из лимузина, захлопывает дверь, и машина тотчас плавно трогается...

Внутри лимузина. Вечер. Закат.

Как только машина трогается, лица у всех, кроме Сергея, становятся серьезными. В зеркальце заднего вида Сергей видит маленькую фигурку дочери. Надя машет им рукой. Поднятая машиной пыль постепенно ее скрывает.

Автомобиль в поле. Вечер. Закат.

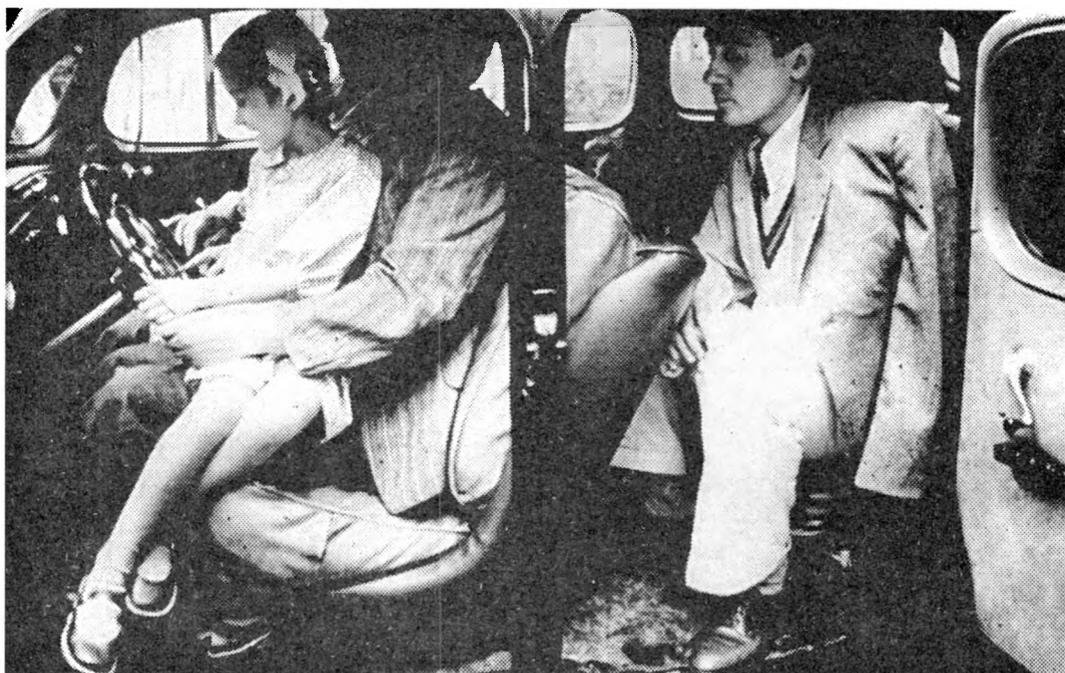
А Надя стоит на дороге и все машет рукой вслед пыльному облаку, и счастливая улыбка озаряет ее загорелое веснушчатое лицо...

Внутри лимузина. Вечер. Закат.

Сергей оглядывает сосредоточенные лица чекистов.

Сергей. Что это вы приуныли, ребята!.. Какой день сегодня!? Праздник!.. Может, выпьем, у меня есть...

Сергей достает из шинели фляжку. Чекист справа делает было движение к нему, но Митя отрицательно качает головой.

Сергей смеется.

Сергей. Ты, что, подумал – я травишься буду, как институтка?..

Сергей отвинчивает пробку, протягивает фляжку Мите.

Митя. Не хочу, спасибо...

Сергей предлагает фляжку чекисту справа. Тот отрицательно качает головой. Чекист с переднего сиденья отвечает не оборачиваясь.

Грузный чекист (сухо). Не пью...

Сергей (миролюбиво). Водителю не предлагаю... Ну, с праздником вас, служивые! С днем Сталинского дирижаблестроения!..

Он подносит фляжку к губам и делает несколько больших глотков. Крякнув, завинчивает пробку. Чекист справа протягивает руку, берет у Сергея фляжку и прячет ее в карман. Сергей с понимающей улыбкой кивает головой.

Длиннолицый чекист. Оружие есть?..

Сергей. А как же!.. Я же комдив. Табельное. Подарок Ворошилова...

Длиннолицый чекист (протягивает руку). Сдайте, пожалуйста.

Сергей (Мите). Ну-у.. Дмитрий...

Митя. Сергей Петрович, у ребят могут быть неприятности. Мы ведь, по вашей просьбе, не обыскали вас там...

Сергей. Понимаю, служба...

Он достает свой револьвер, отдает его Мите. Митя передает его чекисту справа.

Сергей (в хмельном веселье). Ничего, ребяташки!.. Мы еще разберемся!..

Мы еще на парадах покрасуемся!.. Эх!.. Только зря вы это все... ребяташки!.. Зря... Завтра же!.. Завтра и револьвер вернете, и фляжку, и в ножки поклонитесь!.. И домой отвезете!.. Но я без обид!.. Служба есть служба...

Какой закат... Эх, денек завтра будет!.. Может споем?.. А?!

Ему никто не отвечает. Сергей начинает петь.

Сергей.

Нас утро встречает прохладой,

Нас ветром встречает река,

Кудрявая, что ж ты не рада

Веселому пенью гудка...

Никто ему не подпевает.

Сергей. Ну, ребяташки, чего же вы!.. Праздник же!.. Митюль, давай!.. Или нет, давай эту... (Поет.)

Мы красные кавалеристы и про нас,
былинники речистые ведут рассказ...

И опять в машине никто не реагирует...

Сергей. А ты, Митюль, знаешь, что это обозначает: 24-37?..

Митя. Нет...

Сергей. Это, Митюль, обозначает прямой телефон товарища Сталина... Сегодня... Нет, завтра я по этому телефончику позвоню. И такое, ребятушки, в вашем департаменте начнется...

Митя (сам себе). Поезда с гусями...

Сергей. Что?! Вот-вот!.. Именно гуси будут и еще какие гуси...

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река...

Сергей захмелел. Машина начинает притормаживать, потому что впереди поперек дороги стоит знакомый нам грузовичок с дачной мебелью.

Митя (водителю). Что там?..

Водитель. Козел какой-то поперек дороги встал!..

Чекисты настораживаются.

Митя (Сергею). Сергей Петрович, только, пожалуйста, без глупостей, — мы договорились...

Сергей (смеется). Да, уж какие еще глупости, Митюль, они уже, все глупости-то, сделаны.

Машина плавно останавливается.

Портрет над полем. Вечер. Закат.

Шофер грузовика идет навстречу чекисту. Под глазом у него синяк.

Водитель. Ты чего тут раскорячился?..

Шофер (возбужденно). Бензин весь сжег...

Митя тоже выходит из автомашины.

Шофер (подходя). Жена рубашку постирала, а там адрес в кармане... А я не помню: Загоренка, Загорянка... Замучился искать...

Все трое стоят около автомобиля чекистов.

Водитель (оглядывая, как объехать грузовик). Я этих мест не знаю, Загорянка вроде есть по Калужской дороге...

Шофер. Да никто ни хера не знает, в разные стороны показывают, а я через какую-то деревню раз восемь уже проехал...

Сергей (из машины). Ты чего ищешь-то, браток?..

Шофер. Да не помню я, то ли Загорянка, то ли... жена рубашку постирала... Ой!.. Товарищ Котов!.. Простите...

Сергей. Так, Нагорье, наверное... Это ты, брат, не туда забрался...

Сергей пытается вылезти из машины. Чекист, сидящий рядом, настораживается.

Чекист (тихо). Сидеть!..

Сергей. Что-о?!.

Сергей пьяно улыбается и делает еще одно движение к двери. И тут стальная рука хватает его за шиворот и так резко осаживает, что летят пуговицы с кителя.

Сергей. Ты что!.. Меня... да я тебя!..

Возмущенный Сергей поворачивается и угрожающе вскидывает руку, но в это время сидящий впереди грузный чекист бьет Сергея по лицу, откидывая ударом на спинку сиденья.

Изумленный шофер кидается к своему грузовику, судорожно начинает гонять стартер, но грузовик не заводится. Тогда он выскакивает из него, пытается бежать, но его останавливает голос Мити.

Митя. Стоять!.. Назад!..

Шофер останавливается. Из машины

чекистов доносятся сдавленные звуки борьбы, слышны глухие удары.

Шофер возвращается к грузовику. Митя стоит рядом.

Шофер. Я ничего... товарищи, я вообще просто... адрес размылся... хотел подработать... У меня и путевка есть...

Митя (тихо). Лицом к машине!.. Руки за голову!..

Шофер подчиняется. Митя отходит от грузовика в поле и начинает справлять малую нужду.

Из машины чекистов продолжают

доноситься звуки борьбы.

Шофер у грузовика что-то бормочет про рубашку и Загорянку...

И в это мгновение над лесом, перекрывая собой огненный шар заходящего солнца, медленно поднимается дирижабль. Под ним на стальных тросах плавно переливается нежным шелком портрет Сталина. Увидев это, шофер грузовика непроизвольно перекрестился. Митя застегивает брюки, вынимает папироску и направляется к машине. Когда он поровнялся с грузовиком, шофер его окликает.

Шофер. Товарищ!.. А там вправду комдив товарищ Котов в машине?..

Митя. Нет... Похож просто...

Он направляется к лимузину. Навстречу бежит один из чекистов, пробегает мимо Мити, и через несколько секунд за кадром слышен выстрел.

Внутри лимузина. Вечер. Закат.

Сергей в наручниках сидит, откинувшись на спинку сиденья.

Гимнастерка его порвана и залита кровью. Он тяжело дышит.

Длиннолицый чекист. Ох, и здоров лось!.. Еле скрутили...

У него тоже ссадина на лбу и порвана рубашка. Сидящий впереди грузный чекист

утирает платком губу. Митя садится на свое место. Чуть позже возвращается стрелявший чекист.

Митя. Поехали...

Портрет над полем. Вечер. Закат.

Машина объезжает прямо по хлебному полю грузовик, рядом с которым уже не видно шофера, и вновь выбирается на дорогу.

Внутри лимузина. Вечер. Закат.

Митя смотрит перед собой.

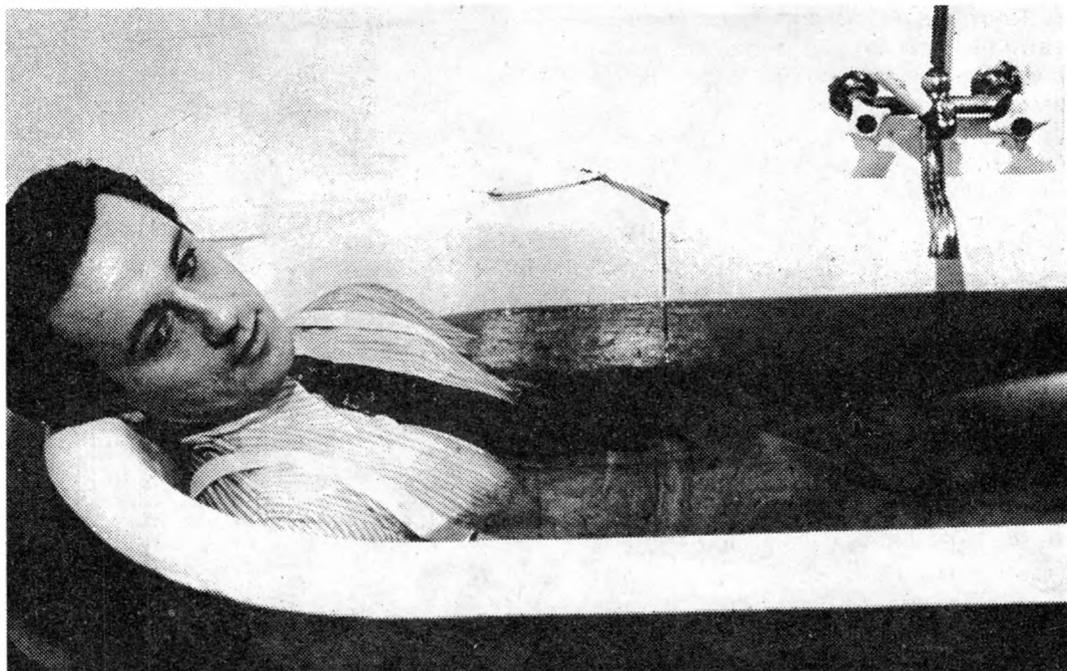
Сергей с хрипом дышит. Сжатые в кулаки руки со сбитыми суставами скованы наручниками. Сергей приоткрывает глаза.

Далеко над лесом полощется в солнечных лучах портрет Сталина. И вдруг страшный стон, больше похожий на крик, вырывается из груди Сергея. Стон этот постепенно переходит в отчаянные рыдания.

Митя смотрит в окно, думая о чем-то своем, машинально начинает насвистывать мелодию песни, которую его просил спеть с ним Сергей: "Нас утро встречает прохладой..."

Портрет над полем. Вечер. Закат.

Плещется на легком ветру портрет вождя. Сверху от него видно, как по дороге среди

спелых хлебов пылит лакированный лимузин. Тонкий свист песенки и сдавленные рыдания раздаются из него...

Комната Нади в доме Головиных. Ночь.

Со счастливой улыбкой Надя почти уже засыпает в своей кроватке. Неожиданно она приоткрывает глаза и тихонько поет строчку: "Утомленное солнце нежно с морем прощалось..."

А в соседней комнате слышны сдавленные рыдания Маруси.

Улицы Москвы. Рассвет.

Уже начинает светать. К дому на берегу Москвы-реки подъезжает автомобиль. Из него выходит Митя. Махнув рукой водителю, он скрывается в подъезде.

...Машина отъезжает.

Камера панорамирует по окнам, которые уже начинают розоветь в первых лучах восходящего солнца. Одно окно на восьмом этаже открывается. В его проеме мелькает рукав белой рубахи...

Шаровая молния в квартире Дмитрия. Рассвет.

Ворча что-то себе под нос по-французски, старый Филипп бродит по квартире, подбирая брошенные на пол вещи,

ботинки, брюки, пиджак, из которого выпадает револьвер, рубашку...

Филипп. Хоть бы женились что ли, ей-богу, Дмитрий Андреевич... Не так скучно было бы дома сидеть...

Из ванной комнаты доносится тихое насвистывание "Нас утро встречает прохладой..." и шум из крана.

Филипп (по-французски). Ну, вот, теперь полночи свистеть будет... Как этого покойница-матушка терпеть не могла...

Филипп уносит вещи, выключая на ходу свет во всех комнатах. Раздается телефонный звонок.

Филипп. Подойти?..

Свист не прекращается. Слышен шум льющейся воды. Филипп делает рукой безнадежный жест и уходит к себе в комнату.

Свист и шум воды продолжается, как продолжает и звонить телефон.

И тут в спальню медленно влетает шаровая молния. Она приостанавливается, чуть опалив белую ткань занавесок, потом начинает плавно двигаться вглубь квартиры. Вот она уронила несколько искр на бумагу, оставив маленькие дырочки с обожженными краями... Вот проплывает мимо фотографий на стене: Митя и маленькая Маруся, Митя и профессор Головин, Митя в Париже, Митя среди коллег-чекистов.

Постепенно молния приближается к ванной комнате. Оттуда продолжает доноситься свист и шум воды. Телефон, замолкнувший было на минуту, зазвонил опять. Молния качнулась в его сторону, но словно передумала и двинулась дальше. Она медленно пролетает коридор и осторожно проскальзывает в ванную комнату.

Свист и звуки льющейся воды продолжают...

Шаровая молния в ванной комнате. Рассвет.

Митя лежит в почти наполненной ванне. Вода уже доходит до его подбородка. Лицо Мити спокойно, даже кажется умиротворенным, глаза закрыты. Он продолжает насвистывать.

Из гостиной доносятся настойчивые телефонные звонки.

Камера медленно панорамирует по Митиному плечу. Грудь его мерно вздымается над водой, которая отчего-то медленно розовеет...

И только затем мы видим вскрытые пульсирующие Митины вены. Густая кровь пурпурными протуберанцами медленно расплзается по воде.

Звонит телефон. Звучит насвистываемая Митей мелодия. Молния, уронив несколько зашипевших искр в воду, плавно вылетает в окошко ванной комнаты, через которое видны начинающие золотиться под утренним солнцем купола кремлевских церквей...

Возникает осипший голос старушки:

– Папочку расстреляли через несколько месяцев после самоубийства дяди Мити. Прабабушки, бабушка и Всеволод Константинович с Любой погибли во время бомбежки в поезде. Леля и Кирик куда-то исчезли. Катя Мохова вышла замуж за грузина и уехала жить в Тбилиси. Маму и меня сослали в Казахстан; в Москву мы вернулись в 55-м, после посмертной реабилитации папочки. Мама к этому времени была тяжело больна, пила и мало чем интересовалась. Она умерла в 64-м, в день, когда сняли Хрущева... А я жива... (Напевает.) "Утомленное солнце нежно с морем прощалось..."

Старый Арбат. Поздняя осень. Снег.

На складном стульчике сидит старушка с испитым лицом, в старом пальто, шарфике,

переделанном из пионерского галстука, и с довоенным баяном на коленях. Перед ней на мостовой – военная старая фуражка с искомканными рублями.

Старушка самозабвенно поет старинное танго.

Кругом шум, толкотня, торг...

К баяну старушки присоединяются звуки скрипки и гитары... Медленно возникает...

Открытая веранда в парке. День. Осень. Туман.

...Медленно возникает осенний туманный парк. На эстраде-раковине тот самый квартет, который мы видели в начале фильма. Звучит танго "Утомленное солнце".

Скамейки в парке пусты. И только маленькая девочка Надя сидит в самом центре летнего театрала и тихонько подпевает.

Надя. "...В этот день ты призналась, что нет любви..."

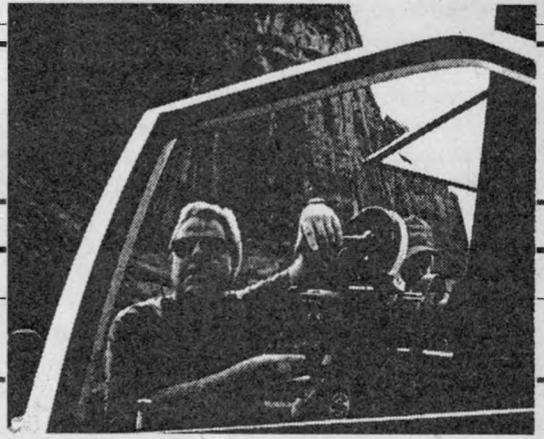
ВСЕМ ОБМАНУТЫМ РЕВОЛЮЦИЯМИ ЛЮДЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ ФИЛЬМ.

10.06.93 года.

Москва, Николина Гора,
Нижний Новгород

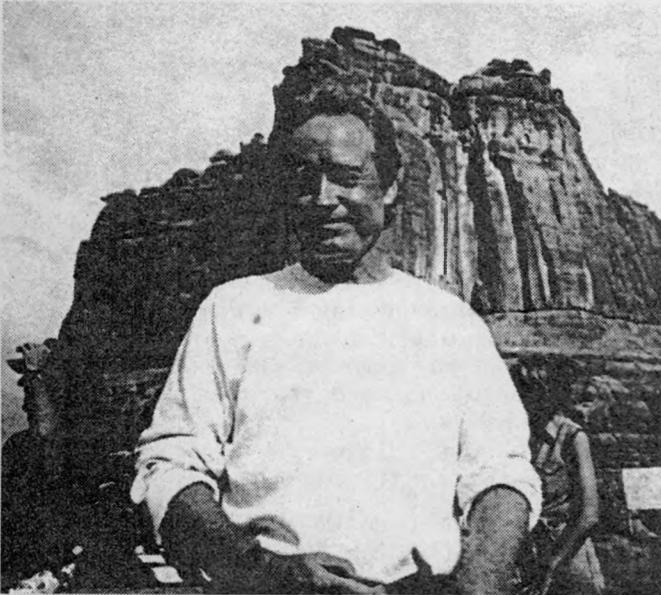
Кэлли Хури – сценарист фильма

Эдриен Бидл – оператор

Дина Дейвис (Тельма)

Ридли Скотт – режиссер фильма

Сюзен Сарендон (Луиза)

О создателях фильма "ТЕЛЬМА И ЛУИЗА"

В 1992 году на соискание премии „Оскар“ по разряду „лучший оригинальный сценарий“ были выдвинуты фильмы: „Багси“, „Молчание ягнят“, „JFK“, „Тельма и Луиза“, „Принц приливов“. „Оскар“ достался сценарию фильма „Тельма и Луиза“.

Когда на сцену поднялась его автор Кэлли Хури, в зале возникло легкое замешательство. На церемонии присуждения „Оскаров“, как правило, не бывает случайных людей, все они в той или иной мере связаны с киноиндустрией, и для многих из них Кэлли Хури оказалась таинственной незнакомкой, поскольку „Тельма и Луиза“ была ее первой работой в кино.

Впрочем, Кэлли Хури не принадлежала к новичкам шоу-бизнеса и, как исполнительный продюсер, принимала участие в создании множества музыкальных видеоклипов. В середине 80-х годов она начала писать сценарий о путешествии по дорогам Америки двух женщин, которое завершается их добровольным уходом из жизни. В 1989 году, пользуясь знакомством с режиссером Ридли Скоттом, Хури передала сценарий в независимую компанию „Перси Мейн“. Сам Скотт фильма ставить не собирался, поскольку его творческие интересы лежали в стороне от проблем „женского кино“. Фантастика, полицейские фильмы – вот что было его коньком. Решение снять фильм самому пришло неожиданно. Хотя Ридли Скотт вписал несколько славных страниц в историю Голливуда, его нельзя назвать американским режиссером. Он родился в 1937 году в Англии. Там же закончил Королевский колледж живописи, но художником не стал, используя профессиональную подготовку для создания коммерческой телерекламы, в которой быстро преуспел и сделал себе имя. В Америку Скотт попал уже зрелым человеком и свой первый голливудский фильм – „Чужой“ – поставил, когда ему исполнилось 42 года.

Триллер о борьбе экипажа космического корабля с вторгшимися на его борт кровожадными представителями иной цивилизации оказался настолько удачным и перспективным, что спустя несколько лет голливудские боссы сочли необходимым сделать его продолжение – „Чужой II“ и „Чужой III“, правда, уже без участия самого Скотта. Еще большую популярность снискала картина „Бегущий по лезвию бритвы“ (1981), рассказывающая о бунте роботов против создавших их людей. Обе ленты продемонстрировали необычайно высокую изобразительную культуру их создателей и безграничную изобретательность в использовании трюков.

Удачно вписавшись в голливудскую среду, Скотт, однако, оставался в Америке чужим. В интервью журналу „Премьер“ он рассказывал: „В Америке я знал только три города - Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Сан-Франциско, и мне ни разу не довелось увидеть настоящую Америку. Это я понял, когда читал сценарий „Тельмы и Луизы“,

действие которого начинается в Арканзасе и кончается в Большом Каньоне (штат Колорадо). И тогда я подумал: а почему с помощью съемок мне не посмотреть страну? Ведь нельзя же все время сидеть в Лос-Анджелесе и считать, что ты живешь в Америке? И второе, почему меня заинтересовал этот сценарий. Он сфокусирован на двух женских характерах, а значит, я уже не мог использовать приемы из моих прежних фильмов и должен был искать что-то новое" ("Premier", april, 1991, pg. 108).

Так сценарий никому не известного автора был принят к производству. Руководство компании сразу начало вести переговоры с Мерил Стрип и Голди Хон, однако Ридли Скотт воспротивился этому. „Я хотел снимать только Сьюзен Сарэндон и Джину Дейвис и не ошибся. Каждый день они радовали меня своей игрой. К тому же обе оказались очень интересными женщинами и по-настоящему широкими натурами" (см. там же).

Умение Ридли Скотта работать с актерами и при этом создавать впечатляющий визуальный ряд не подвело его и на этот раз. Сарэндон и Дейвис настолько слились со своими героинями, что теперь на их месте уже нельзя было представить никого другого, даже таких замечательных актрис, как Мерил Стрип и Голди Хон.

Едва выйдя на экраны, фильм получил восторженную прессу и был выдвинут на соискание премии „Оскар“ по пяти категориям (лучший фильм, лучший сценарий, лучшая операторская работа, лучший звук, лучшая женская роль), но получил только одну. В Голливуде не любят печальных финалов, и если бы Кэлли Хури и Ридли Скотт переписали несколько эпизодов, сделали их более оптимистичными, они могли бы зачислить в свой актив значительно больше знаменитых статуэток. Но они не пошли на это.

„Наш фильм нужно воспринимать как аллегория, – отмечал Ридли Скотт. – На протяжении действия героини сталкиваются с самыми разными типами мужчин – муж, любовник, полицейский, насильник, вор, водитель грузовика. На первый взгляд они выглядят вполне миролюбиво, но стоит познакомиться с ними поближе, как их миролюбие по отношению к женщинам исчезает. Я бы хотел, чтобы благодаря фильму мужчины смогли увидеть себя как бы со стороны, могли посмеяться над собой. Вот какой смысл я вкладывал в свой фильм“.

В интервью, данном после вручения ей „Оскара“, Кэлли Хури сказала: „Жаль, что в Голливуде так мало женщин-режиссеров. Ведь женщины более чувствительны, чем мужчины. Хотя при этом я не собираюсь утверждать, что женщины более совершенные создания, просто некоторые вещи им удаются лучше“ ("Premier", special issue, 1993, pg. 123). Меньше всего эти слова могут быть отнесены к режиссеру „Тельмы и Лузы“, ведь Ридли Скотт сделал все, чтобы его богатый кинематографический опыт послужил созданию незаурядного произведения искусства, проникнутого истинной симпатией и любовью к героиням, сумевшим утвердить свою волю перед лицом враждебного им мира.

Перед тем как уйти из жизни, Тельма и Луиза берутся за руки и высоко поднимают их над головой. Этот жест является не только символом их дружбы, выдержавшей серьезные испытания, но и победы над миром, зло и методично попиравшим их человеческое достоинство. Так завершить фильм мог только режиссер, полностью разделяющий убеждения своих героинь. Недаром по окончании съемок Сьюзен Сарэндон сказала: „Здесь, в Голливуде, так мало режиссеров, исполненных истинной страсти по отношению к тому, что они делают. Какое счастье, что Ридли Скотт оказался одним из них!“

Г. Краснова

Тельма и Луиза

Ресторан. Обеденное время. Официанты, сбиваясь с ног, обслуживают посетителей. Официантка Луиза Сойер, в кокетливой белой наклке на рыжих волосах и в белом фартуке, подходит к столику, за которым сидят бабушка и внучка. Обмениваются доброжелательными приветствиями.

Бабушка. Мне, пожалуйста, то, что обычно.

Луиза берет заказ у двух молоденьких девушек, курящих сигареты.

Луиза. Вы слишком молоды, чтобы курить. Это ведь засасывает, как секс.

Девушки обмениваются многозначительными взглядами.

Едва отойдя от них, Луиза жадно затягивается сигаретой. Набирает телефонный номер.

Дом Дикинсонов. Тельма Дикинсон готовит завтрак. Раздается телефонный звонок.

Тельма. Я подойду! – кричит кому-то и хватает трубку.

Ресторан. Повернувшись к залу спиной, Луиза разговаривает по телефону.

Луиза. Ну как дела, домохозяйка?

Шум в зале не дает ей говорить, и она переходит в комнату для отдыха, останавливается перед аквариумом, строит смешные гримасы, наблюдая за движением рыбок.

Луиза. Так ты ему ничего не сказала? Тельма, ради бога! Он тебе кто – муж или отец? (Чувствуется, что Луиза едва сдерживает гнев.) Подумаешь! Скажи, что у меня был нервный срыв и я нуждаюсь в отдыхе.

Кухня в доме Дикинсонов.

Тельма. Да мне наплевать, что думает

Дэррил. (Она слышит шаги мужа, и на ее лице появляется испуганное выражение.) Луиза, ты с работы звонишь? Я тебе перезвоню.

В комнату вбегает черноволосый молодой мужчина, всем видом показывая, что он торопится.

Дэррил. Черт возьми, Тельма, почему ты так кричишь? Сколько раз я тебе говорил, что не выношу твоих воплей.

Тельма. Я боялась, что ты опоздаешь на работу. Дорогой... (Тельма смотрит, как муж охорашивается перед зеркалом, и у нее пропадает всякое желание говорить. Дэррил, однако, ждет продолжения.) Пусть у тебя будет удачный день, дорогой...

Дэррил. О боже мой! – с досадой восклицает Дэррил, дождавшись слов.

Тельма бросается к мужу и помогает застегнуть браслет часов. При этом она заискивающе смотрит ему в глаза.

Тельма. Может быть, сделать на ужин что-то особенное?

Дэррил. Нет, Тельма, мне безразлично, что будет на ужин. Я, может быть, вовсе не буду ужинать дома. Сегодня все-таки пятница...

Тельма. Да кто будет покупать автомашины в пятницу? Наступает уик-энд, и люди забывают о делах.

Дэррил. Хорошо, что ты не работаешь менеджером, – саркастически замечает Дэррил.

Дворик перед домом. Дэррил выходит на улицу. Двое строительных рабочих бетонируют дорожку. Поскользнувшись, Дэррил падает. Это выводит его из себя.

Дэррил. Хомер, что ты тут творишь? Мне на работу нужно. А ты развел грязь. С самого утра нет покоя!

Дэррил выводит из гаража свою красную

машину.

Дэрил. Чтобы к пяти часам духу твоего здесь не было. Нет, лучше к трем.

Взревев, машина выезжает на шоссе.

Ресторан. Звонит телефон. Один из официантов берет трубку. На его лице появляется игривая улыбка.

Официант. Добрый день. Вам нужна Луиза? Да, она на месте. Это Тельма? Киска, когда ты пойдешь со мной погулять?

Луиза бесцеремонно забирает трубку.

Луиза. Не скоро. На этот уик-энд она будет гулять со мной... (Давая понять, что разговор закончен, Луиза поворачивается к коллеге спиной.) Заеду за тобой в половине третьего...

Дом Дикинсонов.

Тельма. А куда мы едем?

Ресторан.

Луиза. В горы. Обязательно возьми теплые вещи. Там может быть холодно. Увидимся.

Сняв униформу, Луиза выходит на улицу. Садится в машину. Это выдавший виды "Тибор" синего цвета.

Дом Дикинсонов. Тельма потерянно бродит по дому. Она по-прежнему в халате, волосы накручены на бигуди. Открывает шкафы, вынимает летние платья, вываливает в чемодан ящик с бельем. Осторожно двумя пальцами достает пистолет и добавляет к вороху вещей.

Квартира Луизы. Луиза собирается по-солдатски быстро, упаковывая вещи в маленький чемоданчик. Затем подходит к столу, убирает портрет мужчины, наговаривает на автоответчик текст. Внимательно оглядывает комнату, затем идет на кухню, тщательно моет и вытирает стакан. Когда Луиза примеряет перед зеркалом новый пиджак, ее лицо кажется сосредоточенным и серьезным.

Перед домом Дикинсонов. Тельма уже поджидает подругу с огромным багажом – два чемодана, несколько сумок, лампа, сетка для ловли рыбы, несколько удочек.

Луиза. Привет, Тельма. Лампа нам не нужна. В доме есть свет.

Тельма. Это на всякий случай. Вдруг там объявится маньяк и перережет провода. Вокруг много всяких идиотов.

Луиза. Богатое у тебя воображение – сколько всего набрала!

Тельма. Ничего. Пригодится...

Подруги перетаскивают багаж Тельмы в машину. Луиза даже слегка запыхалась. Прежде чем сесть за руль, она достает полароид. Тельма прижимается к подруге. Снимок, запечатлевший два смеющихся женских лица, готов.

В этот момент особенно отчетливо видна разница между подругами. Луизе лет сорок. У нее нервное, худое лицо. Большие карие глаза смотрят на мир устало и недоверчиво. Тельма лет на десять моложе. Несмотря на очень высокий рост, она выглядит очень женственно. Круглое лицо с симпатичными ямочками на щеках выдает натуру мягкую и доверчивую.

"Тибор" несется по шоссе. Луиза сидит за рулем, сосредоточенно следя за дорогой. Тельма роется в сумочке, достает пистолет и подает Луизе.

Тельма. Луиза, ты возьми, пожалуйста, этот пистолет...

Луиза видит протянутый пистолет и испуганно отшатывается.

Луиза. А зачем ты вообще взяла его с собой?

Тельма. Ну, понимаешь, психопаты, убийцы, медведи, змеи... Только я не умею им пользоваться. Так что возьми его себе.

Луиза. Брось его ко мне в сумочку и забудь...

Яркое солнце заливает машину. Тельма снимет куртку и остается в нарядном белом платье на бретельках.

Тельма. Ну так скажи, наконец, чей это коттедж?

Луиза. Ну, Боба... Нашего старшего менеджера, который работает в дневную смену. Он разводится, и жена забирает коттедж себе. Но ключи пока у него, и он туда пускает всех друзей.

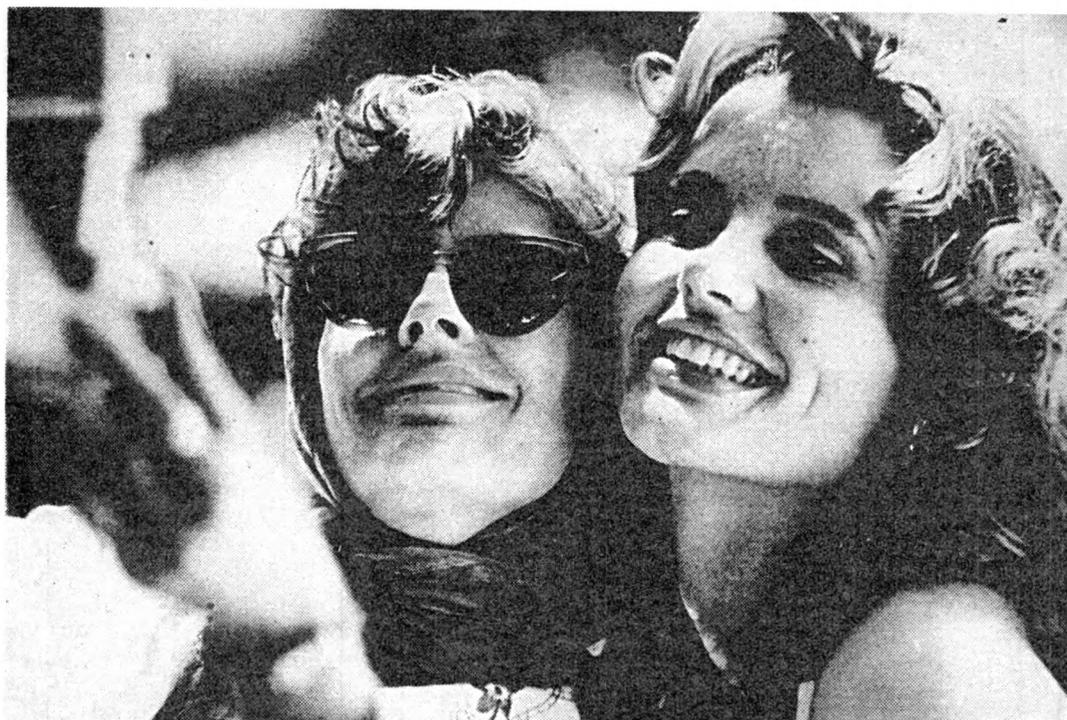
Тельма. Я так давно никуда не выезжала...

Луиза. И как же Дэрил тебя отпустил?

Тельма. А я ему ничего не сказала.

Луиза подсакивает на сиденье и с изумлением смотрит на подругу.

Луиза. Вот это да! Тельма, да он тебя

убьет!

Тельма. Он бы меня все равно не отпустил. Он вообще меня никуда не пускает, не дает никакой возможности повеселиться. Хочет, чтобы я дома сидела. А сам вечно где-то болтается, занимается неизвестно чем.

Луиза. А что ты ему скажешь?

Тельма. Я ему записку оставила. Воткнула в микроволновую печь. Придет – увидит.

Луиза одобрительно смеется, слушая рассказ подруги.

Тельма, кажется, заскучала. Заметив пачку с сигаретами, она берет одну и делает вид, что курит, поглядывая на себя в зеркало.

Луиза. Тельма, что ты делаешь? Ведь ты не куришь...

Тельма. Теперь я на свободе. Делаю что хочу. Давай остановимся где-нибудь на минуточку...

Луиза. Нет. Мы и так поздно приедем. А хотелось бы добраться засветло.

Тельма. Какая разница?! Ведь мы же отдыхаем. Давай остановимся. Я так давно нигде не была.

Голос Тельмы звучит так умоляюще, что Луиза соглашается.

Вечер. На улицах зажигаются огни.

Машина съезжает с шоссе в город и останавливается возле большого серого здания. Это ресторан "Серебряная стрела". Женщины входят внутрь. Мужчины играют на бильярде, выпивают у стойки. Луизе здесь не нравится. Она настороженно оглядывается вокруг.

Луиза. Таких мест полно в Техасе.

Тельма. Как этот сарай?

Луиза. Ну да...

Подруги находят свободный столик. К ним тотчас подходит молоденькая официантка.

Официантка. Пить будете, девочки?

Луиза. Нет, спасибо.

Тельма. А я, пожалуй, выпью... Мне виски безо льда и коку.

Луиза. Да перестань ты, Тельма...

Тельма. У нас уик-энд или нет? Хочу выпить, и все.

Луиза. Да пожалуйста! Просто я не привыкла видеть тебя такой. Обычно ты тихая...

Тельма. А мне надоело быть тихой. Ты же сама говорила: поедem куда-нибудь, дадим себе волю. Вот я и дала себе волю. Так что готовься...

Луиза удивлена. А Тельма чувствует себя прекрасно. Снимает куртку, поправляет

прическу, горящим взглядом осматривает соседние столики.

Луиза. Хорошо. Я тоже выпью. Коктейль "Маргарита" и виски безо льда.

От стойки отделяется долговязый парень с нагловатым лицом. Без приглашения усаживается на свободный стул. Все его внимание направлено на Тельму.

Харлан. Что тут делают такие симпатичные куколки?

Луиза. Это наше дело. Не суйся куда не надо...

Луиза закуривает очередную сигарету. Чувствуется, что бесцеремонность парня ее раздражает. Тельма пытается загладить резкость подруги.

Тельма. Да мы решили немного развеяться. Луиза разлилась на своего друга. Он у нее музыкант. Все время в разъездах со своим ансамблем. А Луиза сидит и ждет его. А сюда мы заехали перекусить.

Харлан. Тогда вы попали по адресу. Любите "чили"? Здесь отлично его готовят.

Официантка. Зачем ты пристаешь к девочкам?

Харлан. Я к ним не пристаю. Просто решил поближе познакомиться.

Официантка. Да им лучше вообще тебя не знать, Харлан...

Тельма. Тебя, значит, Харлан зовут? Как моего дядюшку...

Харлан. А твой дядя симпатичный? Если он симпатичный, тогда у нас много общего.

Харлан проникновенно смотрит в глаза Тельме и кладет руку на ее колено. Луиза замечает его движение, в ней вскипает злость. С издевательской улыбкой она пускает в лицо Харлана дым от сигареты.

Луиза. Не хочу показаться невежливой. Но мне нужно поговорить с моей подругой наедине.

Харлан. Понимаю, понимаю. Да я не хотел вам мешать. Просто трудно было не заметить двух таких красивых женщин. Сидят одни, скучают. А ты (к Тельме) до отъезда не забудь станцевать со мной. А то я обижусь...

Тельма. Обязательно.

Луиза (осуждающе поглядывает на Тельму). Ты что, не видишь, что он хочет тебя трахнуть?

Тельма. Ну и что! Ты вот пять лет работаешь официанткой и совсем очерствела. Успокойся, а то я начинаю нервничать.

Луиза. Хорошо, хорошо...

На сцене появляется молодой музыкант с гитарой. При первых звуках Тельма вскакивает из-за стола и пританцовывает, хлопая в ладоши. Луиза присоединяется к ней.

Тельма. Пойдем разомнем кости. Вот бы Дэрил меня сейчас увидел!

Луиза. И что ты не пошлешь его подальше?

Тельма. А почему ты Джимми не пошлешь подальше? Джимми вернется, начнет звонить, волноваться, а ты заявишься в понедельник, он так обрадуется, что будет тебя на руках носить. А мы пока вволю повеселимся...

Подруги собираются пойти потанцевать, но в это время официантка ставит на их стол новую порцию выпивки.

Официантка. Это вам Харлан прислал.

Тельма заметно оживляется. Наливает новую порцию себе и Луизе. Женщины чокаются и направляются к танцевальной площадке. По дороге Харлан ловко перехватывает Тельму, а Луиза остается стоять в одиночестве.

Харлан обнимает Тельму за шею, прижимая к себе. Они начинают двигаться в ритме музыки. Тельме нравится танцевать. Она смеется, время от времени прихлебывая из бутылки. Стоящую в одиночестве Луизу подхватывает один из посетителей. Однако он так неуклюж, что их танец больше похож на пародию. Харлан и Тельма танцуют легко и слаженно, словно делают это вместе каждый день. Музыка набирает новую силу, превращая танец в соревнование.

Наконец, музыка стихла. Луиза с облегчением покидает своего неумелого партнера и возвращается за столик. Тельма не спешит за подругой. Они с Харланом начинают новый танец. Потеряв терпение, Луиза подходит к танцующим.

Луиза. Эй, Тельма, я сейчас схожу в туалет, и мы поедем.

Тельма беззаботно отмахивается.

Тельма. Я готова.

Танцуя с Харланом, Тельма делает несколько поворотов и вдруг бессильно повисает на нем. По лбу течет пот, рот жадно хватая воздух.

Тельма. У меня голова кружится. Мне нужно посидеть.

Харлан. Давай лучше выйдем на свежий воздух.

Харлан берет Тельму за плечи и подталкивает к выходу.

Луиза возвращается к столику и, не найдя подруги, спрашивает о ней официантку.

Официантка. Они вон там танцевали.

Перед рестораном "Серебряная стрела". Тельма, обмахиваясь платочком, прохаживается туда-сюда. Ей заметно полегчало. Харлан хватая Тельму и, усадив на капот машины, начинает обнимать. Целует в шею, гладит бедра.

Протрезвевшая Тельма оказывает сопротивление и еще больше возбуждает Харлана.

Харлан. Хуже тебе не будет. Какое у тебя роскошное тело!

Тельма. Нет, ты подожди, пожалуйста. Я замужем.

Харлан. Ну и что! Я тоже женат.

Харлан разрывает платье Тельмы. Она дает ему пощечину. Харлан отвечает Тельме несколько затрепанным, грубо опрокидывает ее на капот автомобиля и задирает юбку; дрожащими пальцами

пытается расстегнуть себе молнию на джинсах.

Тельма плачет.

Тельма. Перестань, ну перестань, пожалуйста. Луиза сейчас придет.

Харлан. Иди ты со своей Луизой. А ну, успокойся, сука! Заткнись, слышишь, заткнись!

Тельма. Харлан, я тебя умоляю, перестань. Не надо.

Харлан. Сучка несчастная!

Луиза выходит из ресторана и становится свидетельницей безобразной сцены. Через мгновение ее пистолет утыкается в голову Харлана.

Луиза. Отпусти ее.

Харлан. Катись отсюда!

Луиза. Я тебе сказала, отпусти ее, иначе размажу твою морду по машине.

Харлан отпускает Тельму. Та сползает с капота и, тихонько всхлипывая, отходит в сторону.

Харлан. Я немного повеселился и все.

Луиза. Странное у тебя представление о веселье! И на будущее запомни: когда женщина так плачет, это значит, что ей совсем не весело.

Все еще держа Харлана на прицеле, Луиза делает несколько шагов по направлению к машине. Харлан уже оправился от испуга, и к нему вернулась обычная наглость.

Харлан. Сука ты. С тебя надо было начать.

Луиза. Что ты сказал?

Харлан делает непристойное движение.

Харлан. На вот, пососи...

Лицо Луизы вспыхивает от гнева. Как сомнамбула, она нажимает на курок. Тело Харлана начинает медленно оседать. Тельма в испуге бежит к машине.

Луиза подходит к обидчику.

Луиза. Не распускай язык, приятель, – шепчет она с ненавистью. Поворачивается и идет к машине.

Мертвый Харлан сидит на земле, привалившись к радиатору машины. На его белой рубашке алеет пятно как раз в том месте, где находится сердце.

Ночь. "Тиборг" мчится по шоссе, едва не попадая под огромный грузовик.

Шофер. Смотри, куда едешь, дура! – несется им вслед.

Тельма за рулем. Рядом с ней Луиза. Застывшая, как в ступоре, она не сводит взгляда с пистолета, лежащего на коленях. Тельма исподтишка поглядывает на подругу. Выглядит Тельма ужасно. От роскошной прически не осталось и следа. Волосы висят слипшимися прядями. Рот распух от ударов. Вокруг него запеклась кровь.

Тельма. Луиза, Луиза, что будем делать?

Луиза. Не знаю. Помолчи, я должна подумать...

Тельма. А может, нам в полицию обратиться? Расскажем им все.

Луиза. Что расскажем?

Тельма. Как он начал меня насиловать.

Луиза. Да ты с ним весь вечер протанцевала, обнималась, целовалась. Кто нам поверит, Тельма?.. Останови... скорее...

Луиза выскакивает на обочину, ее начинает рвать. Чувствуется, что Луизе заметно полегчало, и она снова занимает место водителя. Привалившись головой к рулю, Луиза минуту сидит неподвижно. Тельма тихонько всхлипывает. Луиза снимает с шеи шелковый платок и начинает вытирать кровь с разбитого лица подруги, обращаясь с ней как с большим обиженным ребенком.

Луиза. Нужно остановиться и выпить кофе. Потом я возьму себя в руки и подумаю, что нам делать дальше. Все будет хорошо.

Ночь. Шоссе. Машина подъезжает к небольшому кафе.

Кафе. Подруги занимают столик возле окна. Луиза лихорадочно курит. Тельма пьет кофе и пытается привести себя в порядок.

Луиза. Главное – не поддаваться панике, иначе нам конец. Никто нас не видел, не знает, что это сделали мы. Пока наши дела не так уж плохи. Главное – решить, что делать дальше.

Тельма начинает плакать.

Тельма. Нет, ты подумай, какой отпуск у нас получился. Я-то думала, что удастся отдохнуть...

Луиза вскидывает голову и осуждающе смотрит прямо в лицо Тельмы.

Луиза. Не думай об этом... И вообще тебе лучше помолчать.

Тельма. Я, что ли, виновата?

Луиза не отвечает, но по ее лицу видно, что она придерживается именно такого

мнения. И Тельма понимает это. Неловко поднявшись из-за стола, она роняет чашечку с кофе. Та разбивается с громким звоном. По лицу Тельмы бегут слезы.

Тельма. Мне нужно в туалет. Прости...

Луиза остается сидеть за столиком, куря сигарету за сигаретой. Клубы сизого дыма окутывают ее.

Ночь. Дом Дикинсонов. Лунный свет, струящийся из окна, придает интерьеру нереальный вид. На микроволновой печке красуется записка, оставленная Тельмой перед уходом. Дэрил еще не прочитал ее.

Улица перед ночным клубом "Серебряная стрела". Тело Харлана упаковывают в пластиковый мешок.

Официантка, весь вечер обслуживавшая подруг, беседует со следователем Холлом Слокомом. Мигалки полицейской машины окрашивают пространство в пульсирующие голубые и розовые тона.

Хол. Ты бы могла их опознать?

Официантка. Конечно. Но уверяю тебя, эти женщины не убийцы.

Хол. Ну, ты не эксперт, а просто свидетельница... И вообще, откуда такая уверенность?

Официантка. Дорогой мой, когда десять лет работаешь официанткой, начинаешь разбираться в людях. С Харланом это должно было случиться рано или поздно... либо в баре, либо на стоянке.

Хол. Кто это мог, по-твоему, сделать?

Официантка. Поговори лучше с его женой. Она тебе много чего расскажет...

Хол. А у тебя есть какие-нибудь соображения?

Официантка. Догадки? Может быть, какие-нибудь из его бывших девушек или чей-нибудь муж. А эти две тут ни при чем... Та, которая постарше, – она ростом пониже – оставила мне хорошие чаевые.

Хол. Ты случайно не заметила, какая у них машина?

Официантка. Дорогой Хол... здесь ночной клуб, а не забегаловка на открытом воздухе, я наружу не выхожу...

Хол. Можешь ехать домой...

Официантка. Значит, ты исчерпал свои вопросы? Мог бы угостить девушку. Выпили бы с тобой по рюмочке.

Следователь никак не реагирует на

предложение и садится в машину.

Официантка. Так вот. Ни одна из этих двух девушек не может быть убийцей! – кричит официантка вслед отъезжающей автомашине.

Улица перед кафе. Луиза стоит в телефонной будке, набирает номер.

Голос на автоответчике. Говорит Джимми. Меня нет дома.

Кафе. Туалетная комната. Луиза подходит к зеркалу. Поправляет волосы. Внимательно рассматривает лицо. Замечает на щеке засохшую капельку крови. Начинает ее яростно стирать двумя руками. Затем подходит к кабине, нетерпеливо барабанит по двери.

Луиза. Эй, Тельма! Быстрее выходи оттуда. Нам нужно ехать.

Тельма безропотно следует за подругой.

Утро. Шоссе. Луиза за рулем. Тельма безучастно сидит рядом. По ее понурому виду ясно, что она так и не оправилась от пережитого потрясения.

Луиза. Нам нужны деньги. Сколько у тебя с собой?

Тельма выгребает деньги из карманов и, пока пересчитывает их, порыв ветра вырывает из рук две купюры.

Тельма. Было шестьдесят два доллара, остался сорок один.

Луиза. Нам нужны большие деньги.

Комната в мотеле. Луиза только что приняла душ. Мокрые волосы лежат волнистыми прядями. Тело задрапировано полотенцем. Она деловито распахивает по номеру, распаковывая чемодан. Тельма настороженно наблюдает за подругой, а потом ложится на кровать.

Тельма. Что ты делаешь? Ведь мы хотели только поспать и снова ехать дальше?

Луиза. Я должна решить, как нам поступать дальше.

Тельма. Ну и что же ты решила?

Луиза. Как ты себя ведешь? Тебя что, это не касается?

Тельма. А как мне нужно себя вести, когда моя подруга застрелила человека?

Луиза с ненавистью смотрит на Тельму.

Луиза. Ты пойми. Я пытаюсь решить, что нам делать, а ты пальцем не желаешь

пошевелить. Разлегалась тут!

Тельма поднимается и проходит на балкон.

Тельма. Я же предлагала пойти в полицию, но ты сказала: "Нет!"

Лицо Луизы каменеет.

Луиза. А куда нам спешить? Полиция сама нас найдет.

Тельма возвращается в комнату, ложится на постель и начинает плакать. Луиза понимает, чтохватила лишку, и ласково поглаживает Тельму по руке.

Луиза. Ну извини меня. Я еще не созрела для тюрьмы. (Под балконом комнаты блестит на солнце ровная поверхность бассейна. Вода кажется в нем голубой-голубой.) Может быть, ты пойдешь в бассейн, выкупаешься, погуляешь, а я подумаю, что нам делать дальше.

Едва Тельма выходит из комнаты, как Луиза хватается за телефон. Набирает номер, выходит на балкон. Видит Тельму, которая везет один из своих больших чемоданов. Луиза приветливо машет ей рукой. Тельма присаживается, открывает чемодан, начинает в нем копаться. Луиза прижимает трубку к уху.

Луиза. Джимми? Я тебя застала наконец.

Квартира Джимми. Это – высокий, атлетического сложения мужчина с черными волосами. Он выглядит обеспокоенным.

Джимми. Где ты, черт возьми?

Комната в мотеле.

Луиза. Да, все нормально. А ты как? Давно не виделись.

Квартира Джимми.

Джимми. Какой у тебя странный голос, будто ты звонишь из другого города...

Комната в мотеле. Луиза возвращается в комнату с балкона. Садится на диван. Ее лицо искажает мучительная гримаса, – она готова заплакать и лишь усилием воли берет себя в руки, пытаясь говорить нормальным тоном.

Луиза. Да, Джимми, я сейчас не в городе... Я в глубоком дерьме... Ты даже не представляешь, в какое дерьмо я впуталась.

Квартира Джимми. Джимми встает с кресла и начинает ходить по комнате, держа в руке телефонный аппарат.

Комната в мотеле.

Луиза. Ну да бог с ним, со всем этим. Ты переведи мне деньги в "Вестерн Юнион", и все. В Оклахому, Джимми.

Квартира Джимми.

Джимми. Так ты уже в Оклахоме?

Комната в мотеле.

Луиза. Нет, но скоро уже буду там...

Квартира Джимми.

Джимми. Ты позвони мне примерно через час, и я скажу, в каком отделении находятся деньги.

Мотель. Бассейн. Тельма в легкомысленном купальнике с оборочками лежит в шезлонге у бассейна. Закрыв лицо руками, она жалобно всхлипывает.

Луиза на машине подъезжает к бассейну. Подбегает к Тельме, кричит ей прямо в ухо. Тельма от испуга подпрыгивает, издавая отчаянный вопль. Сообразив в чем дело, хватается свой чемодан и бежит к машине, даже не закрыв его.

Полицейский участок. Хол разговаривает с начальником.

Начальник. Если эти женщины не убийцы, они по крайней мере могут быть свидетельницами. Вы думаете, они уже выехали за границы штата?

Хол. Вполне возможно.

Начальник. Тогда сообщите в службу розыска и передайте информацию в ФБР. Пусть они тоже этим займутся.

Машина несется по шоссе навстречу великолепному солнечному закату. За рулем Луиза. Лицо сидящей рядом Тельмы отражает внутреннюю борьбу, и, наконец, она набирается храбрости.

Тельма. Луиза, ты только не злись, пожалуйста, но скажи, куда мы едем?

Луиза. В Оклахому. Джимми переведет туда деньги.

Тельма. Ты с ним говорила и все рассказала?

Луиза. Ничего я не рассказала. Если ты будешь говорить с Дэрилом, тоже молчи. Он всегда такой шум поднимает.

Тельма. Я звонила ему в 4 часа ночи.

Джимми. Может, скажешь, что случилось? Я вернулся. Никто не знает, где ты. Тельма с тобой?

Комната в мотеле.

Луиза. Вот что, Джимми. У меня в банке шесть тысяч шестьсот долларов. Снять я их не могу, и ты не можешь. Но деньги мне очень нужны. Одолжи мне такую сумму, а я тебе потом верну.

Квартира Джимми.

Джимми. Луиза, что происходит? Ты можешь объяснить?

Комната в мотеле.

Луиза. В общем, произошла очень нехорошая история. По телефону я не могу тебе все рассказать, но история очень неприятная. Ты сможешь мне? (Луиза замолкает на минуту. О чем-то думает.) Джимми, ты все еще любишь меня?

Квартира Джимми.

Джимми (с какой-то поспешностью). Да, да! Я люблю тебя, детка.

Его дома не было. Так что не знаю, чего ему на меня злиться. Это я должна на него злиться.

Луиза делает многозначительную паузу.

Луиза. Я еду в Мексику. Мне понадобится два с половиной дня, но я туда доберусь. Я по уши в дерьме, да и ты тоже. Так что надо решать.

Тельма с беспокойством поглядывает на подругу. От нее требуют решения, а она к этому не привыкла. Заметив колебания Тельмы, Луиза мгновенно впадает в ярость.

Луиза. Как только у нас неприятность, ты изображаешь потерю рассудка или делаешь вид, что ничего не понимаешь. Сейчас не тот случай. Все в нашей жизни изменилось. Я лично еду в Мексику.

Тельма понуро опускает голову.

Машина останавливается в маленьком городке. Луиза сразу идет к телефонной будке. Набирает номер.

Квартира Джимми. Он лежит на диване, не отрывая взгляда от телефона. У него грустное лицо. Услышав звонок, он тотчас хватается трубку и встает с дивана.

Джимми. Луиза, я боялся, что ты не позвонишь. Деньги я достал. Чек едва разменял; ведь сегодня воскресенье. Но хозяин ночного клуба помог. Сказал ему, что покупаю машину. Деньги в мотеле "Бродяга". Его адрес: 921, Северная 23. Скажешь: "Персики".

Телефонная будка.

Луиза. Что я должна сказать?

Квартира Джимми.

Джимми. Персики.

Телефонная будка.

Луиза. А что это такое?

Квартира Джимми.

Джимми. Это – пароль. Я скучаю по тебе, мой персик.

Телефонная будка.

Луиза. Спасибо тебе, Джимми. Я очень тебе благодарна.

Магазин. Тельма покупает виски, расфасованное в 50-граммовые бутылочки.

Устав их пересчитывать, продавец предлагает Тельме купить две большие бутылки, но она отказывается.

Луиза выходит из телефонной будки. Голый по пояс мужчина с интересом наблюдает за ней. Луиза с сердитым видом проходит мимо и наталкивается на Тельму, нагруженную покупками.

Луиза. Позвони Дэрилу. (На лице Тельмы мелькает удивление.) Скажи, что тебе очень хорошо. Что вернешься домой завтра вечером.

Тельма. А я вернусь?

Луиза. Не знаю... Лично я возвращаться не собираюсь... Ах да, газеты.

Луиза направляется в сторону газетного киоска. Тельма – к телефонной будке.

Дом Дикинсонов. Дэрил, удобно расположившись в кресле и потягивая коку, наблюдает по телевизору за бейсбольным матчем. Раздается телефонный звонок. Услышав голос жены, Дэрил вскакивает с кресла и начинает бегать по комнате.

Дэрил. Тельма, куда ты провалилась?

Тельма. Мы с Луизой отдыхаем в горах. Рыбу ловим...

Дэрил. Ты что, рехнулась? Я уезжаю на работу, а ты развлекаешься неизвестно где...

Тельма. Я тебе все написала в записке...

В бейсбольном матче назревает напряженный момент. Дэрил забывает о

разговоре с женой и начинает активно болеть, приплясывая у телевизора.

Дэрил (бейсбольным игрокам). Ну давай, давай, мазили!

Тельма покорно дожидается на другом конце провода. Наконец, Дэрил вспоминает о прерванном разговоре.

Тельма. Мы еще останемся здесь на денек, рыбку половим...

Дэрил. Нет, ты вернешься сегодня. Я кому сказал? Возвращайся сию минуту... Немедленно...

На лице Тельмы появляется решительное выражение.

Тельма. Дэрил, ты мне всего лишь муж, а не отец, понял?

Дэрил. Это все влияние Луизы. Если ты не вернешься сегодня вечером... Ты сама понимаешь, что произойдет...

Тельма. А пошел ты!

Услышав ответ жены, Дэрил озадаченно взирает на трубку и швыряет ее на телефонный аппарат.

Тельма выходит из телефонной будки и едва не падает, наткнувшись на сидящего на земле парня с большим зеленым рюкзаком. Тот вскакивает и начинает извиняться. Он белокур, молод, обходителен, одет в джинсовый костюм и большую белую шляпу. Еще находясь под впечатлением разговора с Дэрилом, Тельма

едва смотрит на парня и тотчас садится в машину. Принимается плакать. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Тельма достает косметичку, начинает подводить глаза, поглядывая на себя в зеркало заднего вида. Заметив парня в белой шляпе, смотрит на свои разбитые губы и подправляет их помадой.

Джей Ди, так зовут парня, решительным шагом направляется к машине и стучит по дверце. Тельма с интересом разглядывает его.

Джей Ди. Извините, мисс. Можно узнать в какую сторону вы едете? Я опаздываю в колледж. Если Вам по пути, Вы не могли бы взять меня с собой? Кстати, все зовут меня Джей Ди...

Тельма. Насколько я понимаю, мы едем в Оклахому.

Джей Ди. В общем, это мне по дороге. Я был бы Вам очень благодарен.

На лице Тельмы мелькает сомнение.

Тельма. Понимаете, я не могу решать. Это машина моей подруги. А она, я думаю, не согласится. Но можно спросить, ведь хуже от этого не будет.

Появляется Луиза с газетами в руках. Она жует шоколадку. Заметив незнакомца, неприязненно смотрит на него.

Тельма. Этот молодой человек опаздывает в колледж. Мы могли бы его подвезти...

Луиза. Это не очень удачная мысль, — отвечает она жестко.

Тельма пытается убедить Луизу, но та остается неумолимой. Парень, однако, не выглядит обиженным. Очень любезным тоном он желает дамам доброго пути. Вместо ответа Луиза резко нажимает на стартер, и машина несется к бензоколонке...

Луиза (обращаясь к заправщику). Полный бак.

Тельма. Могли бы захватить парнишку...

Луиза. Расскажи-ка лучше, что Дэрил сказал.

Тельма. Сказал: "Пожалуйста, Тельма, отдыхай сколько хочешь. Главное, чтобы тебе было хорошо. Ты заслужила отдых после стольких лет жизни со мной. Я люблю тебя, Тельма". (Тельма открывает первую из купленных бутылочек виски и выпивает почти полностью.) Скажи, скоро мы доберемся в эту твою Мексику?

Луиза удовлетворенно улыбается.

"Тиборг" несется по живописной дороге. С одной стороны – сосновый лес, с другой – бескрайние зеленые поля.

Тельма. Зря мы не взяли этого парня с собой. Так... для компании... У него такая попка!

Луиза. Некогда мне было рассматривать его попку.

Тельма. Вот у Дэрила зад так зад. В его тени можно поставить целую автомашину.

Луиза. Извини, у меня нет настроения обсуждать эти проблемы, к тому же сейчас нам не нужны в машине молодые люди.

Путь машине преграждает грохочущий железнодорожный состав. Подругам приходится кричать, чтобы услышать друг друга.

Луиза. Возьми эту карту и найди объездные пути из Оклахомы в Мексику. Выбирай небольшие дороги, чтобы нам не засветиться.

Тельма. Я думаю, восемьдесят первое шоссе как раз подойдет... Дойдем до Далласа, а там...

Луиза. Нет, в Техас я не поеду.

Тельма. Ты хочешь в Мексику, минуя Техас? Так не бывает.

Услышав слово "Техас", Луиза мгновенно "заводится".

Луиза. Тельма, ты прекрасно знаешь, как я отношусь к Техасу.

Тельма. Я знаю, как ты относишься к Техасу, но ради этого случая можно было бы и потерпеть.

Луиза уже не владеет собой. Она близка к тому состоянию, в котором застрелила Харлана.

Луиза. Я не поеду через Техас!

Тельма. Почему ты мне никогда не рассказывала, что с тобой случилось в Техасе?

Луиза. Вспомни того мужика, который полез на тебя, сняв штаны. Так вот. Техас совсем не то место, где следует попадать в руки полиции.

Квартира Луизы. Следователь Хол проникает внутрь. В квартире царит идеальный порядок. Хол проводит пальцем по столу, пытаясь по слюю пыли определить, сколько дней хозяйки не было дома. Потом подходит к столику, на котором расставлены фотографии. На одной из них, изображающей молодую Луизу, надпись "С днем рождения, дорогая".

"Тиборг" несется по шоссе. Над ним пролетает самолет, опыляющий окрестные

поля. Подруги в отличном настроении. Они дуэтом подпевают песне, звучащей по радио, Тельма даже пытается покачиваться в такт музыке.

Ресторан. Хол приходит в ресторан, где работает Луиза, и о чем-то говорит с управляющим.

Машина все также целеустремленно несется вперед. Сильный ветер гоняет туда-сюда тугие шары перекаати-поле. У дороги Тельма замечает одинокую фигуру в белой шляпе. Она делает гримаску и начинает жалобно скулить, как маленькая собачка. Луиза сдается.

Луиза. Хорошо, хорошо, ладно.

Машина тормозит возле парня и тот влезает на заднее сиденье. Тельма с благодарной улыбкой смотрит на Луизу, радостно поскуливая.

Дом Дикинсонов. Следователь Хол наносит визит Дэрилу, который по-прежнему сидит у телевизора.

Хол. Вчера в ночном клубе "Серебряная стрела" было совершено убийство. Многие посетители видели, как на большой скорости от клуба отъехала машина марки "Тиборг" 1966 года с откидным верхом. Она принадлежит Луизе Соьер. У нас есть основания считать, что Ваша жена тоже находилась в машине.

Дэрил приходит в неопишное волнение, хватается за голову.

Дэрил. Что? Что вы сказали?

Полицейский смеется, заметив, что Дэрил от волнения наступил на пиццу, которую с аппетитом поглощал, глядя в телевизор.

Дэрил. О черт! – кричит он в сердцах.

Машина. Парень в белой шляпе непринужденно расположился на заднем сиденье. Тельма сидит, повернувшись к нему, сияя всеми своими ямочками.

Джей Ди. Мисс Тельма, объясните, почему у вас нет детей? Ведь господь повелел плодиться и размножаться.

Тельма. Дэрил, мой муж, говорит, что еще не готов стать отцом, что он сам еще ребенок. Он даже гордится своей инфантильностью.

Луиза. А чем ему еще гордиться?..

Тельма. Луиза с ним не ладит. Она считает, что он свинья и скотина.

Луиза. А что тут считать? Он действительно свинья и скотина.

Джей Ди. Мисс Тельма, а вы вышли замуж молодой?

Тельма. Я замужем уже четыре года. Кроме Дэрила, у меня никого не было.

Джей Ди. Может быть, Вы обидитесь, но я все же скажу. Мне кажется, Ваш муж большой зануда.

Тельма. А что мне обижаться? Он

действительно зануда и болван.

Джей Ди внимательно вглядывается вдаль. Навстречу несутся две полицейские машины с мигалками.

Джей Ди. Вы бы помедленнее ехали, мисс Луиза, а то тут легавые близко.

Услышав это предостережение, Луиза съезжает с шоссе и едет прямо по прерии, оставляя за собой толстый шлейф пыли. Путь им преграждает буровая площадка, где несколько десятков качалок добывают из глубины прерии нефть. Проехав мимо, машина, наконец, выскакивает на шоссе.

Джей Ди. Наверно, у Вас много нарушений на счету, если приходится так петлять?

Луиза. Сейчас будет Оклахома, и ты должен выйти из машины, – резко обрывает его Луиза.

Полицейский участок. Следователь Хол разговаривает по телефону с агентом ФБР Максом.

Хол. На капоте машины найдены отпечатки пальцев Тельмы Дикинсон. Кроме того, ее муж говорит, что она захватила с собой пистолет и еще много вещей. Но самое странное состоит в том, что она боялась этого пистолета как огня. Пистолет ей купил муж, потому что она часто оставалась дома одна. Но она не только не научилась стрелять, но и боялась к нему прикасаться. Пистолет у них уже несколько лет...

Отделение ФБР.

Макс. Какой у них пистолет?

Полицейский участок.

Хол. 38-го калибра.

Отделение ФБР.

Макс. А куда они поехали?

Полицейский участок.

Хол. В горы, к знакомым, но там они так и не появились.

Оклахома. Луиза выходит из машины и направляется прямо в отделение компании "Вестерн Юнион".

Офис "Вестерн Юнион".

Луиза. Я жду перевод на имя Луизы

Сойер или на пароль "персики".

Служащий отрицательно качает головой, предвительно просмотрев всю картотеку. Мужчина, читающий в углу газету, неожиданно поднимается и направляется к Луизе. Это Джимми.

Джимми. Кто это все употребляет святое для меня слово "персик"?

Луиза с нескрываемой радостью смотрит на Джимми.

Луиза. Что ты тут делаешь?

Джимми. Приехал повидаться с тобой... (Служащему.) Будьте добры, дайте мне комнату. Я расплачусь кредитной карточкой.

Улица. Луиза и Джимми подходят к машине. Тельма и Джей Ди сидят на заднем сиденье, они только что обнимались.

Тельма. О черт, Джимми, что ты тут делаешь?

Джимми. Не задавай вопросов, тогда не придется врать...

Тельма. Хороший ответ.

Джимми вопросительно смотрит на парня.

Тельма. Это Джей Ди. Он сейчас уйдет. Вообще он студент, и мы его подвезли, нам было по дороге.

Джей Ди выходит из машины. Начинается дождь. Тельма с нескрываемой грустью смотрит вслед его тонкой крепкой фигуре.

Тельма. Вы посмотрите, какая у него походка! Настоящий ковбой.

Она смотрит до тех пор, пока капли дождя на ветровом стекле не заслоняют от нее образ молодого человека.

Джимми. Тельма, я снял для тебя комнату. Пойди отдохни.

Тельма. Насчет отдохнуть – я всегда пожалуйста, – иронизирует Тельма.

Гостиничный номер Тельмы и Луизы. Тельма лежит на кровати. Луиза задумчиво ходит по номеру, держа в руках толстый пакет с деньгами.

Луиза. Это – наше будущее, – торжественно говорит она, передавая пакет Тельме. Та с уважением смотрит на деньги и переводит взгляд на Луизу.

Тельма. А что ты скажешь Джимми?

Луиза. Ничего. Я ничего не собираюсь ему рассказывать. Зачем его впутывать в эту историю?

Тельма (не без иронии). Надо же, как

ты его оберегаешь.

Луиза. Я не просила его сюда приезжать, и вообще он точно такой же, как все мужики, только ему нравится бегать за мной.

Тельма. Теперь ему придется о тебе забыть.

Луиза. Тельма, ты можешь помолчать?

Луиза опять впадает в ярость. Минута – и она набросится на подружку с кулаками. Но гнев ее быстро проходит, и она обращается к Тельме вполне миролюбиво.

Луиза. Я тебя об одном прошу – ты эти деньги спрячь, а если возникнет какая-нибудь проблема, позвони в номер Джимми.

Тельма берет деньги и тяжело вздыхает под грузом свалившейся на нее ответственности.

Тельма. Мне тебя не ждать?

Луиза выходит из комнаты, не удостоив подружку ответом.

Гостиничный номер Джимми. В вазе стоит алая роза. Услышав стук в дверь, Джимми берет розу, прячет ее под рубашку, а потом торжественно вручает Луизе. Оба проходят в комнату. Джимми наливает себе в бокал виски. Предлагает Луизе, та энергично отказывается.

Джимми. А теперь рассказывай, что произошло...

Луиза. Ничего я тебе не расскажу. Когда-нибудь поймешь – почему...

Джимми. Ты что, полюбила кого-то другого?

Луиза. Нет, дело не в этом.

Джимми. Так в чем же дело? Неужели ты можешь просто уехать, бросить меня одного? Ты что, убила кого-то?

Луиза (удивленно взглянув на Джимми). Все, все! Я ухожу!

Джимми приближается к Луизе, обнимает за плечи, но она стоит как окаменевшая. Джимми начинает яростно крушить мебель. Видя это, Луиза направляется к выходу. Джимми преграждает ей дорогу.

Джимми. Я ехал сюда, чтобы что-то тебе подарить...

Луиза. Я здесь – дари...

Джимми достает черную коробочку с обручальным кольцом. Луиза берет ее, крутит в руках без особого интереса.

Джимми. Что? Не ждала такого подарка? Может, примеришь?

Луиза. Почему вдруг, Джимми? Почему

именно сейчас?

Джимми. Не слышу в твоем голосе никакого восторга. Я два штата пролетел на самолете, чтобы встретиться с тобой. Ты же знаешь, что я терпеть не могу самолетов.

Луиза медленно закрывает коробочку, так и не примерив кольца.

Луиза. Красивая история, да только не для меня. Может быть, подаришь кольцо кому-нибудь другому?

Джимми. Я не для того сюда приехал. Не хочу тебя терять. А ты вот, кажется, решила бросить меня.

Луиза. Это не причина, чтобы жениться...

Джимми. Мне казалось, что ты хочешь замуж...

Луиза. Да, хотела, но не так...

Луиза все еще стоит у двери, готовая в любую минуту повернуться и уйти. Джимми начинает поднимать опрокинутую мебель, потом садится на ручку кресла и тоскливо смотрит на Луизу.

Гостиничный номер Тельмы и Луизы. Тельма только что вышла из душа. Ее волосы висят мокрыми прядями, на тело наброшена легкомысленная ночная рубашка. Тельма тщетно пытается открыть зубами крышку очередной бутылочки с виски. Кто-то скребется в дверь. Перед ней Джей Ди собственной персоной. С белой шляпы ручьями стекает вода. Тельма недоверчиво смотрит на посетителя.

Джей Ди. Мисс Тельма, это – я. Сюрприз, да? Я тут пока стоял, ждал попутку, все думал о Вас... А на улице такой дождь.

При этих словах недоверчивое выражение исчезает с лица Тельмы, и она, потупившись, смотрит в пол. Дождь за окном уже идет сплошной стеной.

Джей Ди. Я, конечно, идиот, не стоит мне Вам так надоедать. До свидания, мисс Тельма. Я пошел.

При этих словах Тельма, улыбаясь во весь рот, берет Джей Ди за руку и тянет в комнату.

Гостиничный номер Джимми. Сидя рядом, Джимми и Луиза ведут серьезный разговор.

Джимми. Ты думаешь, мне нравятся эти встречи урывками?

Луиза. Но ведь мы оба знали, как это могло кончиться...

Джимми. Я подумал, что, может, ты меня

не любишь.

Луиза. Да нет, я тебя люблю. Но сейчас я не могу ошибиться. Ты выбрал очень плохое время для своего предложения, и вот теперь пришла пора расстаться.

Гостиничный номер Тельмы и Луизы. Джей Ди и Тельма сидят на постели и играют в детскую игру, хлопая друг друга ладошками. Кто быстрее?

Джей Ди. Нет, это не честно. У тебя очень много металла на руках...

Джей Ди снимает с рук Тельмы браслеты и кольца и откладывает в сторону. Она с улыбкой наблюдает за ним. Поймав на себе ее восхищенный взгляд, Джей Ди начинает подпрыгивать на кровати, как на батуте.

Джей Ди. Ну говори мне – расти большой, расти большой. Я – парашютист.

Джей Ди с размаху ложится рядом с Тельмой, и, когда он поворачивается спиной, на ней видна шикарная татуировка.

Тельма. Что-то ты не похож на студента. А кто тебя ждет в колледже?

Джей Ди. Да никто особенно не ждет, кроме инспектора по надзору. Я от него смылся.

Тельма. Какой инспектор по надзору? Ты что, преступник?

Джей Ди. Нет, я уже давно не преступник... Меня выпустили на поруки, так что я уже не считаюсь преступником.

Услышав это признание, Тельма раскрывает рот от изумления. В ее глазах мелькают искры восторга.

Тельма. А за что ты сидел? Грабил банки?..

Джей Ди. Нет, банки я не грабил, а так, всякую мелочь – бензоколонки, магазины...

Тельма. А как ты это делал? Ну, расскажи, – не унимается она.

Джей Ди. Сначала подбираешь место, наблюдаешь за ним. Дожидаешься момента, когда все можно повернуть. Этому нельзя научиться, с этим необходимо родиться. Ну, вообще, неохота мне об этом вспоминать...

Тельма смеется и настаивает, чтобы Джей Ди показал, как он "работает". Тот сдается. Нехотя сползает с постели. Берет фен для сушки волос, засовывает его за пояс как пистолет. Снимает с настольной лампы свою белую шляпу и начинает.

Джей Ди. Входишь, вынимаешь пистолет и говоришь: "Дамы и господа, прошу

сохранять спокойствие и лечь на пол. Не теряйте голову, иначе в самом деле можете потерять голову. Вы, сэр, возьмите шляпу и соберите наличные. Вам будет о чем рассказать вашим детям". Когда они все отдадут, надо быстро сматываться.

Тельма (с восторгом). Да ты настоящий джентльмен...

Джей Ди. Понимаешь, грабить нужно тоже с умом, чтобы у людей не осталось тяжелого впечатления...

Тельма так покорена рассказом Джей Ди, что дарит ему долгий страстный поцелуй.

Тельма. Какой ты симпатяга!

Гостиничный номер Джимми. Луиза сидит в кресле, положив ногу на ногу. У нее холодный, отчужденный вид. Джимми с сигаретой примостился на спинке кровати.

Луиза. А помнишь, как мы познакомились?

Джимми. Да. Я сказал, что у тебя красивые глаза.

Луиза поднимается и садится рядом с Джимми.

Луиза. А я что сказала?

Джимми. Ты закрыла глаза и спросила, какого они цвета. А я не смог ответить.

Луиза закрывает глаза Джимми рукой.

Луиза. Какого цвета у меня глаза?

Джимми. Карие.

Луиза привлекает к себе Джимми, обхватывает его шею руками и нежно целует.

Гостиничный номер Тельмы и Луизы. Тельма лежит на постели и восхищенно рассматривает атлетический торс Джей Ди, стоящего напротив нее. Джей Ди наклоняется, берет Тельму за лодыжки и

подтягивает к себе, нежно целует ее в живот. Тельма поднимается на постели и долго лобуется на юношеское тело Джей Ди, потом обнимает и привлекает его к себе. Через минуту они катаются по постели, покрывая друг друга страстными поцелуями.

Гостиничный номер Джимми. Джимми спит. Луиза стоит у окна и наблюдает, как служащие гостиницы наводят порядок, чистят бассейн, поливают газоны и улицы.

Кафе. Луиза и Джимми завтракают. Джимми печален. Луиза внешне кажется спокойной, даже улыбается.

Джимми. Ну объясни: что у тебя за неприятности? Почему ты бежишь? Я никому не скажу ни слова. Никто не узнает, что мы виделись.

Луиза. А что будет, если тебя завтра заставят проглотить таблеточку, и ты начнешь все говорить?

Джимми. Да я выплюну эту таблетку. А хочешь, я с тобой поеду?

Луиза. Нет, Джимми, это не очень хорошая идея. Мы увидимся с тобой потом. Джимми глубоко вздыхает.

Джимми. Что ж... Мое такси уже приехало. Оставь это кольцо у себя. Главное, чтобы ты была счастлива.

Луиза. Я счастлива, счастлива как никогда прежде.

Джимми. Может, поцелуешь на прощание своего старого Джимми?

Луиза. Иди ко мне, старик Джимми...

Луиза обнимает Джимми. Ее каштановые кудри смешиваются с черными волосами любимого. Слышно громкое всхлипывание. Но когда Луиза откидывается на спинку стула, ее лицо кажется спокойным. Просветленным взглядом она смотрит вслед Джимми.

Подходит официантка, доликает Луизе кофе.

Официантка. Хорошо, что он ушел, а то еще неизвестно, что бы у вас получилось, – говорит она неприятным, резким голосом. Луиза удивленно выслушивает тираду официантки, и улыбка медленно сползает с ее лица.

В кафе развязанной походочкой входит Тельма и буквально падает на стул рядом с Луизой. Ее волосы торчат во все стороны, взгляд источает неопределимое блаженство.

Тельма. Привет.

Луиза. Что у тебя с головой?

Тельма. Растрепалась...

Луиза. Да что с тобой? Ты или накачалась наркотиками, или сошла с ума.

Состроив дурашливую гримасу, Тельма отворачивает воротничок рубашки, показывает синяк на шее и при этом издает такой вопль восторга, что оборачиваются посетители, сидящие за соседними столиками.

Тельма. Джей Ди объявился. С ним было так хорошо. Я даже не могу тебе передать, что он вытворял. (Тельма жестами дополняет то, что не может выразить словами.) Я наконец-то поняла, что это такое, и чувствую себя совсем другим человеком...

Луиза. Ну наконец-то! Давно пора! А где он сейчас?

Тельма (беззаботно). Душ принимает...

Луиза. Тельма, ты оставила его одного в комнате? А деньги где?

Выражение беззаботности сползает с лица Тельмы.

Тельма. Они на тумбочке возле кровати. Да все в порядке. Он не посмеет их взять. Ты что?

Луиза выскакивает из-за стола. Тельма с воплями и причитаниями следует за ней.

Гостиничный номер Тельмы и Луизы. Луиза вбегает в комнату. На тумбочке – пустой пакет. Ни денег, ни Джей Ди. Луиза медленно оседает возле кровати и, обхватив голову руками, начинает выть в голос.

Тельма, как тигрица, расхаживает по номеру, расшвыривая вещи.

Тельма. Всю жизнь не везло, и опять то же самое. Дерьмо! Этот сукин сын нас ограбил! (Тельма присаживается возле Луизы, чье тело сотрясается от рыданий.) Луиза, ну что ты? Это моя вина, Луиза. Все будет в порядке.

Луиза пытается засмеяться, но это смех сквозь слезы.

Луиза. Нет, Тельма. О чем ты говоришь? Как мы теперь будем, деньги откуда возьмем? На что бензин будем покупать? Думаешь, нас будут заправлять за красивые глаза? Нет, все ужасно, дорогая Тельма!

Луиза опять обхватывает голову руками и начинает безутешно рыдать.

Тельма преисполняется решимости, которой у нее раньше не было.

Тельма. Ты только ни о чем не волнуйся, бэби. Садись в машину. Нам нужно скорее выбраться отсюда.

Тельма собирает вещи и насильно выводит плачущую Луизу из номера.

Улицы перед домом Дикинсонов. Четверка полицейских машин под проливным дождем подъезжает к дому. Глаза Дэрила расширяются, когда он видит такую компанию. Быстро готовит гостям кофе.

В комнате тепло, а за окном проливной дождь.

Хол (снимает плащ). Насквозь промок... Мы поставили Ваш телефон на прослушивание на тот случай, если позвонит жена.

Дэрил (с подозрением). А мне не придется за это платить?

Макс. В доме будет постоянно находиться один из наших сотрудников. Главное, чтобы Вы не подавали виду, что Вам что-то известно. Нам нужно определить, в каком месте они находятся. Поэтому старайтесь говорить подольше. У Вас с ней хорошие отношения?

Дэрил. Я Тельму люблю.

Макс. А вы с ней близки?

Дэрил. Да, наверное, мы близки, но сейчас мне эта близость совсем ни к чему.

Макс. Короче, если она позвонит, постарайтесь быть с ней поласковее, покажите, что Вы по ней скучаете... Женщинам это нравится.

Дэрил охотно кивает головой, стараясь угодить полицейским.

Дэрил. Хорошо, хорошо, если вы так говорите.

Машина с подругами несется среди клубов рыжеватой пыли и останавливается возле здания с надписью "Супермаркет". Тельма надевает черные очки и деловой походкой направляется к магазину.

Луиза пребывает в полной прострации, и даже курение не доставляет ей удовольствия. Сделав одну затяжку, она выбрасывает сигарету. Луиза чувствует на себе чей-то внимательный взгляд. Она оглядывается и замечает двух старушек, которые внимательно наблюдают за ней из окна дома. Луиза достает губную помаду, хочет накрасить губы, тянется к зеркалу

заднего вида, но у нее не хватает сил даже на это, и она сползает на сиденье.

Из магазина выбегает Тельма с тяжелой сумкой.

Тельма. Заводи мотор! – истощенным голосом вопит она. Перепрыгивая через дверцу, швыряет сумку на заднее сидение.

Машина резко трогается с места и пулей несется вперед. За рулем Луиза. От ее апатии не осталось и следа. Встречный ветер развеивает волосы, придавая подругам задорный и жизнерадостный вид.

Луиза. Что там случилось?

Тельма. Но ведь нам нужны были деньги. Я же никого не убила. Были нужны деньги – теперь они есть. Луиза, да не беспокойся ты!

Луиза. А как это произошло? Что ты сказала?

Полицейский участок. Собравшиеся за столом полицейские, среди них муж Тельмы, смотрят видеозапись ограбления магазина. Тельма в черных очках и с пистолетом в руках похожа на заправскую грабительницу. Властным и в то же время вежливым голосом она раздает приказания.

Тельма. Дамы и господа, прошу вас всех лечь на пол. Не теряйте голову, иначе в самом деле можете потерять голову. Вы, сэр, возьмите шляпу и соберите наличные. Вам будет о чем рассказывать вашим детям и даже внукам. Все вещи выкладывайте в эту сумку. А вы, пожалуйста, помолчите! Надеюсь, вам всем удобно. Заодно положите мне бутылку виски "Уайт тюрки". Вы тоже, пожалуйста, на пол. Спасибо, Вы мне очень помогли! Пожалуйста, не вставайте с пола, пока я не уйду.

Захватив сумку и по-прежнему держа всех на прицеле, Тельма покидает магазин.

Мужчины наблюдают за событиями в магазине, как за увлекательным детективным фильмом, не переставая при этом с аппетитом поглощать бутерброды. Когда запись кончается, в комнате на минуту воцаряется молчание, а потом слышатся сокрушенные причитания.

Дэрил. Боже мой! – стонет он, очень уж разбито схватившись за голову.

Макс. Ну и ну!

Хол. Вот это да!

"Тиборг" все дальше и дальше уходит на

юг. По обеим сторонам шоссе – огромные плантации с дождевальными установками. Луиза за рулем. Она в прекрасном настроении.

Тельма. Эй, Луиза, давай-ка помедленнее, а то еще дорожная полиция прицепится за превышение скорости... Луиза, а почему мы среди белого дня едем по главному шоссе?

Луиза. Конечно, это опасно. Но хочется оказаться подальше от совершенного тобой преступления.

Напоминание об удачном ограблении приводит Тельму в состояние возбуждения. Она хохочет, размахивает руками. Достает бутылочку виски, выпивает ее, открывает новую.

Тельма. Кто бы мог подумать? У меня такое чувство, что я всю жизнь граблю магазины.

Луиза. Значит, нашла свое призвание?

Тельма. Может быть...

Луиза. Значит, ты у нас профессиональная грабительница?

Тельма. Абсолютно точно...

Машина догоняет огромную автоцистерну. Ее поверхность так хромирована, что похожа на сферическое зеркало на колесах, в котором, причудливо искажаясь, отражается придорожный пейзаж.

Луиза. Всегда так. Когда спешишь, кто-то загроживает путь. Он что? Весь день так будет ехать?

Шофер автоцистерны, высунувшись из окна, показывает жестом, что можно его обогнать. Тельма открывает новую бутылочку виски.

Тельма. Смотри, какой милый! Пропускает нас... Шоферы больших грузовиков вообще хорошие люди.

Поравнявшись с автоцистерной, подруги видят похабный рисунок, наклеенный на боковое зеркало. Шофер давит на клаксон, чтобы привлечь внимание женщин, а потом делает неприличные движения языком и рукой.

Тельма. Ну и свинья...

Луиза. Да все они одинаковые! А ты говоришь – милый. (Машина подруг обгоняет автоцистерну. Шофер продолжает давить на клаксон.) Иди к черту, дурак!

Под проливным дождем машина Джимми выезжает в гараж, потом он, подхватив сумку, направляется к дому. Путь ему преграждает мужчина.

Мужчина. Вы – Джеймс Глиник?

Джимми. А кого это интересует?

Мужчина. Федеральное бюро расследования.

"Тиборг" останавливается у заброшенной железнодорожной станции. Несколько убогих построек рядом с железнодорожным полотном. Бескрайний пустынный ландшафт, в котором доминирует красный цвет. Яркое синее небо. Изнуряющая жара. Луиза подходит к водопроводному крану и обмывает разгоряченное тело. Замечает седого как лунь старика, сидящего в тени. На его голове белая шляпа. Узловатые руки опираются на палку.

Луиза подходит к старику, тот любезно приподнимает шляпу. Луиза присаживается рядом, сидит неподвижно, приходя в себя от утомительной дороги. Потом начинает снимать многочисленные кольца, среди них и то, что подарил ей Джимми, не без труда стягивает с распухшей от жары руки браслет с часами. Расстегивает серьги. Зажав все в горсть, подает старику. Подслеповатыми глазами он непонимающе смотрит на грудку украшений. Луиза показывает на его белую шляпу.

Из деревянной туалетной будки выскакивает Тельма. На спине ее кофты огромное пятно от пота. Обмакнув в воду платок, Тельма начинает с наслаждением обмывать свое истомленное жарой тело.

Попрощавшись со стариком, Луиза подходит к подруге.

Луиза. Тельма, надо позвонить Дэрилу и попытаться узнать, что ему известно. Если он что-то знает, тотчас повесь трубку. Значит, ваш телефон прослушивается.

Тельма. Прослушивается?

Луиза. А ты что думаешь? Предумышленное убийство, вооруженное ограбление. Мы с тобой опасные преступницы.

Тельма. А разве нельзя сказать, что это была самооборона?

Луиза. Сказать-то можно все что угодно. Да только кто нам поверит?

Тельма. Но ведь никто ничего не видел... Там были только ты да я... Я скажу, что он

меня пытался изнасиловать, а ты меня защитила...

Луиза. Не пройдет, милая Тельма... Нет никаких доказательств, телесных повреждений. А сейчас даже не докажешь, что он к тебе пальцем прикоснулся...

Тельма. Да, законы – хитрая штука. И откуда ты все знаешь?

Луиза. В любом случае ограбление нам никак не оправдать.

Луиза тщательно прополаскивает в воде шейный платок и повязывает на шею. Прихватив белую шляпу старика, она идет к машине. Тельма с удивлением взирает на шляпу.

Тельма. Откуда это у тебя?

Луиза. Украла...

Полицейский участок. Среди многочисленных посетителей на скамейке сидит Дэрил. Мимо проходит следователь Хол, крепко держа за руку парня в белой шляпе. Дэрил бросается к Холу, но тот никак не реагирует. Напротив, парень, – а это Джей Ди собственной персоной – с интересом оглядывается вокруг.

Джей Ди (указывая на Дэрила). Он что – псих?

Хол. Это муж миссис Дикинсон.

Джей Ди. Ну и нашла мужика! Я таким его себе и представлял...

Хол и Макс допрашивают Джея Ди. Тот ведет себя достаточно развязно, время от времени пуская в лицо следователей дым от сигареты.

Хэл. Откуда у тебя шесть тысяч долларов наличными?

Джей Ди. Друг дал.

Хэл. Мы сегодня говорили с одним человеком, и он сообщил, что доставил точно такую сумму Луизе Соьер. Ты знаешь мисс Соьер?

Джей Ди. Да... Это, наверно, та, которая вела машину...

Макс. Значит, они довели тебя до мотеля в Оклахома-сити? Этот человек сказал, что в машине был молодой парень, и опознал тебя на фотографии. Кроме того, он утверждал, что между тобой и миссис Дикинсон были близкие отношения.

На лице Джей Ди появляется довольная ухмылка.

Джей Ди. Ну, в общем, у нас были

близкие интересы.

Макс. А ты знаешь, что мисс Соьер и миссис Дикинсон разыскиваются в связи с убийством?

Джей Ди. С убийством?

В голосе Джей Ди звучит неприкрытое изумление.

Макс. А тебе не показалось, что они пытались скрыться от закона?

Джей Ди. Да нет... Вообще-то они нервничали. И теперь я понимаю почему...

Хол. Слушай, ты мне уже стал действовать на нервы...

Макс. И мне тоже...

Джей Ди. С удовольствием оставлю вас наедине...

Хол. Да нет. У меня есть более интересное предложение. (Максу.) Разрешите нам остаться вдвоем.

Макс выходит из комнаты. Джей Ди чувствует, что ситуация изменилась, и для храбрости водружает на голову белую шляпу.

Джей Ди. Ну чего я сделал? Ничего я не сделал.

Хол. А ты подумай! Может, вспомнишь...(Хол сбрасывает со стола ноги Джея Ди.) Знаешь, у меня есть чувство одно, хочу его проверить. Как ты думаешь, Тельма Дикинсон пошла бы на ограбление, если бы ты не украл у них все их деньги? Что молчишь?

Джей Ди. А откуда ты знаешь, что я эти деньги взял? Докажи сначала...

Хол сдергивает с головы воришки шляпу и начинает лупить его этой шляпой. Хватает за грудки и говорит прямо в лицо.

Хол. У этих девушек была возможность спастись, но ты их этого шанса лишил. И теперь их ждут большие неприятности. Учти, ты тоже будешь отвечать. Мне тебя несколько не жалко. Так что выкладывай все, что знаешь. Может быть, им это поможет и тебе тоже. Иначе будешь сидеть в тюрьме до конца жизни. Мы друг друга понимаем?

Джей Ди (с поспешностью). Понимаем, понимаем...

Дэрил продолжает сидеть в коридоре полицейского участка. Он выглядит крайне озабоченным. В сопровождении полицейских появляются Хол и Джей Ди.

Хол. Мистер Дикинсон, подождите минутку. Я с Вами обязательно поговорю.

Джей Ди, воспользовавшись моментом,

протискивается к Дэрилу и смотрит с нахальной улыбкой.

Джей Ди. А мне твоя жена понравилась...

Дэрил вскакивает и набрасывается на воришку. Четверо полицейских виснут на разбушевавшемся Дэриле. Воришка отбегает на безопасное расстояние. Поймав бешеный взгляд Дэрила, он томно вздыхает и делает неприличное движение бедрами.

В сумерках машина въезжает в маленький городок. Останавливается возле бензоколонки. Подруги выходят из машины.

Луиза (рабочему). Полный бак. И еще скажите, у вас тут есть телефон? (Рабочий кивает в сторону бара.) Спасибо...

Бар. Подруги входят внутрь. Немногочисленные посетители сидят у стойки, играют на биллиарде. Луиза настороженно оглядывается, когда Тельма набирает номер и опускает деньги.

Дом Дикинсонов. В гостинной с удобством расположились полицейские. Их человек семь. У Макса на груди большая чистая салфетка. Все заняты ужином. Раздается звонок. Дэрил хватается трубку. Полицейские срываются с мест и окружают Дэрила.

Дэрил. О, Тельма, здравствуй, здравствуй! – наигранно радостно кричит он.

Бар. Тельма вешает трубку.

Тельма. Он знает.

Луиза стоит неподвижно, о чем-то раздумывая, потом забирает у Тельмы деньги и набирает номер.

Дом Дикинсонов. Раздается звонок. Полицейские вновь срываются с мест и окружают Дэрила.

Бар. Луиза сосредоточенно ждет ответа. В этот момент Тельма отходит и, купив стаканчик колы, несет его подруге.

Луиза. Привет, Дэрил. Дай мне кого-нибудь из полицейских.

Дом Дикинсонов.

Дэрил. О чем ты? Здесь нет никаких полицейских. Где вы вообще находитесь?

Бар. Луиза начинает злиться.

Луиза. Какая тебе разница? Дай мне кого-нибудь из полицейских...

Дом Дикинсонов. Хол берет трубку.

Хол. Говорит следователь Хол Слок из Сент-Луиса. Вы поосторожнее с пистолетом. Мне кажется, вы несколько перегибаете палку. Как ваши дела?

Бар. На лице Луизы появляется ироническая улыбка. Она отпивает колы.

Луиза. Как-нибудь сядем за чашкой кофе и все обсудим.

Дом Дикинсонов.

Хол. Я хочу сказать, что пока вас ни в чем не обвиняют. Мы просто хотим задать вам несколько вопросов. Правда, миссис Дикинсон разыскивает полиция штата Оклахома за ограбление магазина... И еще, мисс Соьер, я хочу вас предупредить, что до Мексики вам не добраться.

На крупном плане видно, что Хол исполнен подлинного сочувствия к женщинам. Он говорит спокойным, доброжелательным тоном.

Бар. Услышав предупреждение, Луиза вешает трубку и выскакивает из бара. Она опять впала в столь характерное для нее состояние яростного ослепления.

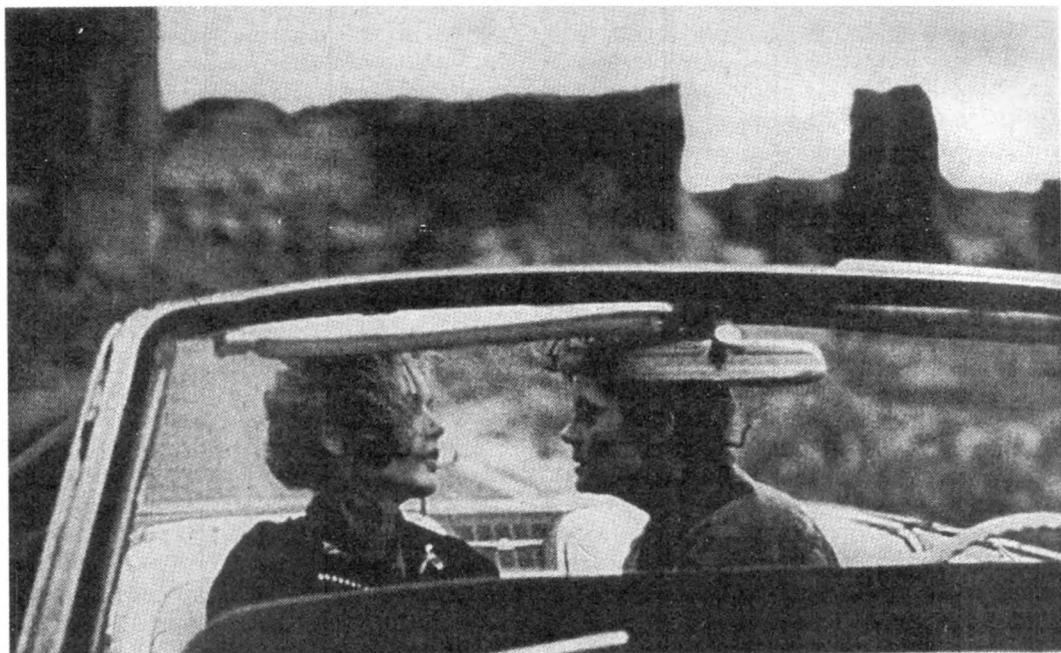
Луиза. Этот твой Джей Ди – дерьмо, маленький гаденыш! Откуда полицейские узнали, что мы направляемся в Мексику? (Тельма пытается вставить слово в свое оправдание, но это ей не удается.) Ты сказала Джею Ди, куда мы едем?

Тельма. Да нет. Я сказала только – будешь в Мексике, можешь меня там поискать. Я думала, он никому ничего не скажет.

Услышав это признание, Луиза злится еще больше.

Луиза. Не скажет! А что ему терять, кроме денег, которые он у меня украл? Почему ты такая дура? У нас было два преимущества. Полиция не знала, где мы и куда направляемся. Теперь ей известно и то и другое.

Луиза швыряет на землю стакан с колой. Она похожа на фурию, готовую сокрушить каждого, кто встанет на ее пути. Это прекрасно понимает Тельма. Как маленькая провинившаяся девочка, она тихонько

усаживается рядом с подругой. Луиза в сердцах закрывает дверцу автомобиля и наклоняется к Тельме.

Луиза. Прекрати болтать языком. Нельзя быть такой откровенной. От этого зависит наше будущее.

Тельма послушно кивает головой. В глазах стоят слезы раскаяния.

Дом Дикинсонов. Полицейские удобно расположились перед экраном телевизора. Они захвачены любовной мелодрамой. Дэрил стоит на некотором удалении, прислонившись к стене.

Она (голос с экрана). Да, конечно, мой мальчик, ты должен уйти.

Он (голос с экрана). Не думай, что я не люблю тебя. Я знаю, как тебе хотелось получить эту работу.

Услышав эти слова, Дэрил сокрушенно качает головой и переключает телевизор на другой канал. Полицейские с возмущением поглядывают на него. Дэрил жестами выражает крайнее раскаяние и дает полицейским возможность насладиться фильмом.

Он (голос с экрана). Давай поженимся.

Ночь. "Тиборг", не сбавляя скорости, несется по шоссе. Въезжает на плато, со всех сторон окруженное выветрившимися

скалами, похожими на огромные скульптуры. Ночью они напоминают руины древнего замка. Луиза успокоилась, на ее лице блуждает просветленная улыбка. Тельма восторженно улыбается, глядя по сторонам.

Тельма. Красиво-то как!

Луиза. Точно.

Тельма. Мне всегда хотелось попутешествовать. Только возможности такой не было.

Луиза. Теперь у тебя есть такая возможность.

Тельма засыпает со счастливой улыбкой ребенка на лице. Луиза мужественно борется со сном. Осторожно вынимает из рук Тельмы почти пустую бутылку виски и делает глоток.

Машина останавливается, Луиза выходит на площадку, заросшую травой, и просветленным взглядом оглядывает окрестности. Отчетливо слышится пение цикад. Луиза видит, как первые лучи солнца падают на землю, пробивая толщу облаков. К ней подходит Тельма

Тельма. Что происходит?

Луиза. Ничего...

Проникаясь настроением подруги, Тельма понимающе улыбается.

Машина вновь несется по шоссе. В лучах восходящего солнца плато предстает во всей

На съемках

своей волнующей красоте.

Тельма разглядывает карты, тщетно пытаясь найти нужный им маршрут. Ее внимание отвлекает гудок автоцистерны, как гора нависшей над машиной.

Тельма. Ой, смотри, опять тот же!

Уже знакомый им шофер изо всех сил пытается привлечь внимание женщин, повторяя все те же неприличные движения языком и руками. Тельма поворачивается к нахалу спиной.

Шофер. Эй, малышки, может остановитесь? Порезвимся! Я готов!

Тельма демонстративно отворачивает голову. Луиза не отрываясь смотрит на дорогу.

Тельма. Я не обращала на него внимания.

Луиза усмехается, глубоко затягиваясь сигаретой.

Машина подруг обгоняет огромную автоцистерну и вырывается на открытый простор. Восходящее солнце окрашивает скалы и землю в золотой и розовый цвет. Даже шлейф пыли, тянущийся за машиной, имеет перламутрово-розовый оттенок.

Тельма, прихлебывая из бутылки, поглядывает по сторонам. Вдруг на нее нападает неудержимый смех.

Луиза. Ты что?

Тельма. Харлан...

Услышав это имя, Луиза мгновенно стала серьезной. Подвыпившая Тельма не может унять смех.

Тельма. Как он тогда сказал? "На вот, пососи!" А ты – бах! – и все.

Тельма конвульсивно дергается, изображая умирающего Харлана.

Луиза. Это совсем не смешно, – говорит она холодно.

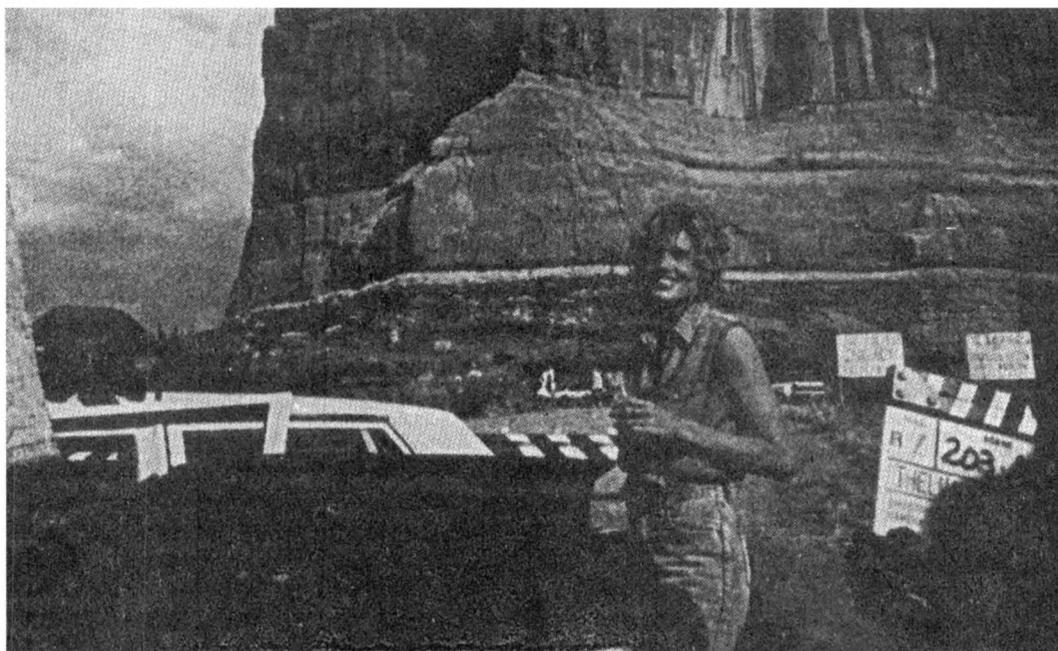
Тельма (продолжая хихикать). Я знаю... (Тельма пытливо смотрит в лицо Луизы.) С тобой ведь тоже случилось такое? В Техасе? Тебя там изнасиловали?

Глаза Луизы расширяются от ярости. Она останавливает машину и, наклонившись к Тельме, хвататет ее за куртку.

Луиза. Запомни. Я на эту тему разговаривать не желаю. Поняла? И чтобы больше об этом ни слова...

Тельма чувствует, что перешла запретную грань, и поспешно просит прощения. Луиза сидит неподвижно, пытаясь успокоиться, и потом снова берется за руль.

Шоссе, по которому едет машина, петляет по плато, позволяя увидеть в новых ракурсах живописные скалы. Раздается вой

На съемках

сирены. За подругами устремляется полицейская машина. Луиза хватается за голову. Она растеряна, потеряла уверенность в себе. Тельма сползает с сиденья, пытаясь стать незаметной. Губы шепчут молитву.

Луиза. О черт! Тельма, нам придется остановиться.

Тельма. Что же будем делать?

Луиза. Понятия не имею. Может быть, он ничего не знает. Оштрафует за превышение скорости, и все...

"Тиборг" останавливается под живописной скалой, к ним приближается полицейская машина. Через мегафон инспектор дорожной полиции приказывает заглушить мотор. Затем, надев фуражку, с важным видом направляется к подругам. Облаченный в черный мундир, черные сапоги и черную фуражку, он выглядит очень внушительно.

Луиза наблюдает за полицейским в зеркало заднего вида.

Луиза. Господи! Настоящий нацист... Идет к нам.

Тельма и Луиза заискивающе улыбаются.

Луиза. Здравствуйте, инспектор... Что-то случилось?

Инспектор. Ваши права...

Луиза с готовностью открывает сумочку и достает водительские права.

Тельма строит полицейскому глазки, стараясь ему понравиться.

Тельма. Я ее просила так не гнать.

Луиза. А разве я быстро ехала?

Инспектор. 110 миль в час... Выйдите из машины и пройдите за мной.

Луиза покорно следует за полицейским и садится в его машину. Оставшись в одиночестве, Тельма тяжело вздыхает и погружается в раздумья.

В машине полицейского.

Инспектор. Снимите очки.

Луиза. Что, у меня неприятности?

Инспектор. Да, и очень крупные...

Полицейский берет в руки рацию и начинает передавать сообщение. Неожиданно появляется Тельма, приставляет к виску инспектора дуло пистолета и приказывает выйти из машины. Луиза смотрит на подругу с нескрываемым удивлением. Она не ожидала от Тельмы такой прыти. Инспектор вылезает из машины, от его важности не осталось и следа. Покорно закладывает руки за шею. Тельма держит его на прицеле, готовая в любую минуту спустить курок.

Тельма. Инспектор, вы же не хотите, чтобы я нажала на курок! Если вы свяжетесь с вашим центром, то узнаете, что нас считают очень опасными преступницами. Особенно меня. Мне не хочется вас убивать. (Луизе.) Возьми у него пистолет.

Луиза покорно выполняет все указания Тельмы, однако пытается при этом держаться несколько в стороне.

Тельма. Клянусь, что еще три дня назад мы не могли бы представить, что способны на такое. Если бы Вы видели моего мужа Дэрила, то поняли бы, что меня толкнуло на это. (Луизе.) Прострели радиоприемник. Да не этот, а его полицейскую рацию.

Луиза расстреливает аппаратуру и потом вопросительно смотрит на Тельму.

Луиза. Так?

Тельма одобрительно кивает и, уткнув пистолет в шею инспектора, подводит его к багажнику машины.

Тельма. Теперь, пожалуйста, садитесь в багажник.

Инспектор. У меня жена и дети.

Он заливается слезами. Луиза следит за происходящим с откровенным сожалением.

Тельма. Вам повезло. Вы хорошо к ним относитесь... Вот мой муж плохо со мной обращался – и видите, что из меня получилось.

Полицейский укладывается в багажник. Луиза, извиняясь, забирает у него пояс с патронами. Она хлопчет над инспектором, словно боится причинить ему лишние неудобства. Руки Тельмы по-прежнему сжимают пистолет.

Луиза. Примите мои извинения.

Тельма. И мои тоже.

Тельма захлопывает багажник. Слышны громкие всхлипывания. Она бросает ключ от багажника далеко от себя, куда-то в траву.

Тельма решительно направляется к машине и садится на шоферское место. Луиза устраивается рядом.

Луиза. Ты готова? Жми на газ.

Тельма. У меня такое чувство, будто я занимаюсь этим с детства.

Луиза. Точно.

Тельма ведет машину и одновременно заряжает пистолет. Луиза вставляет в пистолет инспектора новую обойму. "Тиборг" по-прежнему петляет по живописному плато, оставляя за собой золотистый шлейф пыли.

Тельма. Как ты думаешь, еще далеко до

Мексики?

Луиза. По-моему, мы едем в другую сторону. Нам бы надо куда-то свернуть, а то найдут полицейского в багажнике и будут гоняться за нами по всему штату.

Дорогу преграждает стадо коров, охраняемое ковбоями. Машина еле ползет, и это нервирует Луизу, сидящую за рулем.

Луиза. Напрасно мы вязались в эту историю. Теперь нас обеих могут пристрелить. И почему я сразу не обратилась в полицию?

Тельма. Могу напомнить. Ты тогда сказала, что никто нам не поверит... Но пока мы на свободе, живы, здоровы... Как этот мужик надо мной издевался!.. Что бы со мной было, если бы ты это не прекратила! Он бы мне искалечил всю жизнь. Я не жалею этого подонка. Жалко, что это сделала ты, а не я.

Дом Дикинсонов. Среди полицейских царит уныние. Они изнывают от безделья. Один дремлет в кресле, другой просматривает журнал, третий бесцельно слоняется по гостиной. Раздается телефонный звонок. Макс хвататет трубку и тотчас передает ее Холу. Полицейские сосредоточиваются на записи разговора.

Хол. Луиза, как там у вас дела?

Телефонная будка. Луиза заметно нервничает, теребя свои распущенные волосы.

Луиза. Странно как-то. Все катится как снежный ком.

Хол (голос по телефону). А где вы все-таки?

Луиза. Непонятно где, но вас мы отсюда видим.

Тельма стоит на некотором расстоянии и прислушивается к разговору.

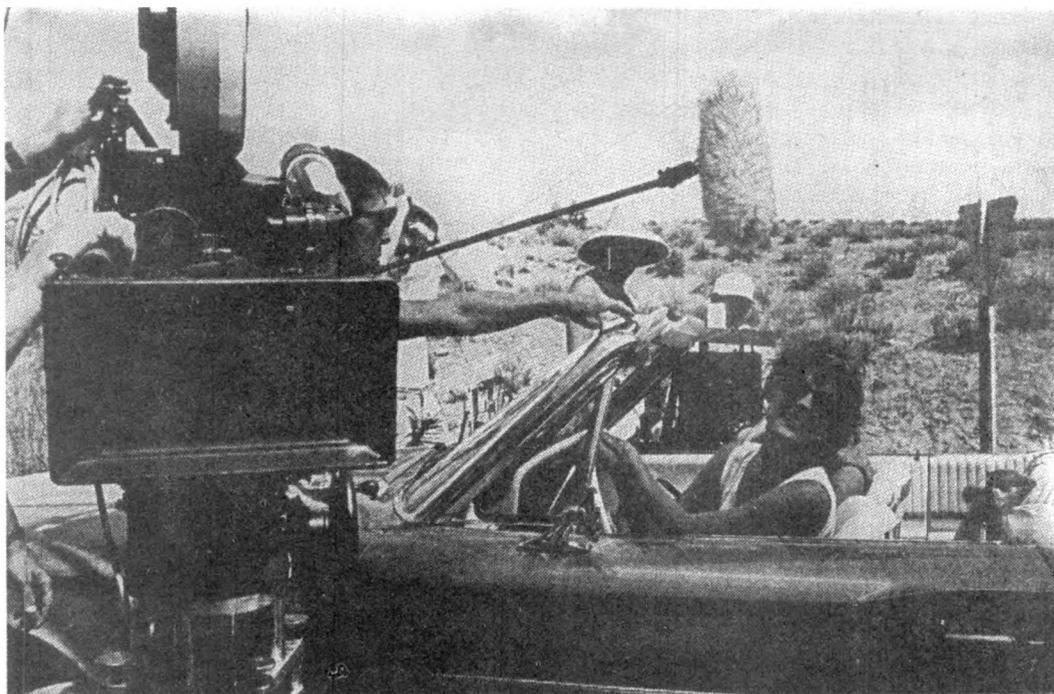
Дом Дикинсонов.

Хол. У меня такое чувство, что мы давно знакомы.

Хол дружелюбно улыбается, словно говорит с близким человеком.

Луиза (голос по телефону). Нет, Вы меня не знаете... Вы можете поверить, что все началось со случайного происшествия?

Хол. Я-то могу поверить, но поверят ли другие? Дело в том, что теперь это не похоже на случайность. И вы единственная, кто

На съемках

может внести ясность в эту ситуацию. Вы должны помочь, рассказать об этом Харлане.

Телефонная будка. Лицо Луизы мгновенно искажается.

Луиза. Я не буду говорить на эту тему.

Тельма кружит вокруг Луизы, пытаясь понять, о чем она говорит.

Хол (голос по телефону). Вы не хотите явиться добровольно? Ведь дальше будет еще хуже...

Луиза. Вряд ли.

Луиза оборачивается и видит Тельму, которая стоит неподалеку, не спуская с нее пристального взгляда.

Хол (голос по телефону). Тогда вам будет вынесено обвинение в убийстве. Из этой ситуации вам бы хотелось выбраться живыми?

Луиза (с саркастической усмешкой). Когда Вы произносите слово "живые", я сразу представляю себе суд, обвинительный приговор, электрический стул... Какой у меня выбор? Об этом нужно серьезно подумать...

Хол (стараясь говорить как можно проникновеннее). Я знаю, что заставляет Вас бежать. Я знаю, что с Вами случилось в

Техасе.

Подходит Тельма и решительно нажимает на рычаг, прекращая разговор.

Тельма. Хватит, Луиза. Пора ехать...

Дом Дикинсонов. Макс довольно потирает руки.

Макс. Засекли...

Бросается к телефону, начинает куда-то звонить. Подходит Хол и забирает у него трубку.

Хол. Макс, ты должен взять меня с собой.

Макс. Нет, ты мне больше не нужен. Ты свою роль сыграл.

Хол. Я не хочу, чтобы кто-то из ребят потерял голову. Ты же знаешь, как это бывает! Полиция разгорячится, ситуация выйдет из-под контроля, и девушки будут убиты.

Тельма решительно выходит из здания, а потом резко оборачивается к Луизе, идущей позади.

Тельма. Ну, выкладывай, о чем ты договорилась с этим полицейским?

Луиза. Не собираюсь я ни с кем договариваться.

Тельма смотрит прямо в глаза Луизе, ее голос представляет странную смесь мягкости и решительности.

Тельма. Я тебя не буду осуждать, если ты это решила. У тебя есть Джимми, словом, есть что терять...

Луиза. А что Джимми!

Тельма проникновенно смотрит на Луизу. В ней появились какая-то грусть, философичность, серьезность.

Тельма. Что-то во мне перевернулось. Я теперь не могу вернуться назад. Мне хочется просто жить. Понимаешь?

Луиза. Очень хорошо понимаю. Значит, мы не расстанемся с жизнью просто так.

Подруги садятся в машину. Луиза кладет руки на руль и, набравшись мужества, говорит: "Нам собираются предъявить обвинение в убийстве". На лице Тельмы мелькает смятение.

Луиза. Следователь сказал, что мы должны сами решить, как выходить из этой ситуации – живыми или мертвыми.

Тельма. А ничего более приятного он тебе не сказал?

Высунувшись из окна, Тельма наблюдает за дорогой, за постоянно меняющимися пейзажами. Взгляд ее задумчив.

Тельма. Ты не спишь?

Луиза. Глаза у меня открыты.

Тельма. И я не сплю. У меня такое чувство, что я наконец проснулась. Вся жизнь прошла как во сне, а сейчас начинается что-то другое. Ты понимаешь, о чем я говорю? А у тебя есть ощущение, что жизнь имеет смысл?

В голосе Тельмы звучат патетические ноты. Луиза слушает монолог подруги, иронически улыбаясь. Она явно не разделяет ее восторженного настроения, но и не хочет портить его.

Луиза. Вот доберемся до Мексики и будем пить коктейль "Маргарита" на берегу моря. Будем жить в фазенде.

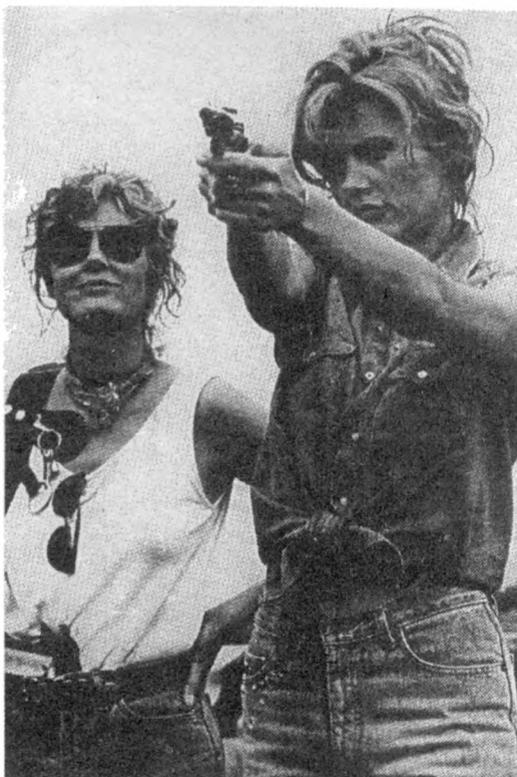
Тельма. А я буду работать в ночном клубе.

Луиза. Это точно.

Тельма. А что бы нам мог предложить тот полицейский? Вряд ли бы у него нашлось более интересное предложение.

Луиза. Абсолютно точно.

На губах Луизы появляется грустная усмешка.

После мечтаний о райской жизни в Мексике подруги заметно повеселели. Они энергично подпевают песне, льющейся из радиоприемника. Далеко впереди Тельма замечает автоцистерну. Луиза нажимает на газ и вскоре нагоняет ее. Шофер высовывается наружу и замечает подруг.

Шофер. Эй, малышки, готовы принять большой и волосатый?

Подруги многозначительно переглядываются.

Луиза (стараясь казаться приветливой). Привет...

Шофер. Привет. Ну, как дела?

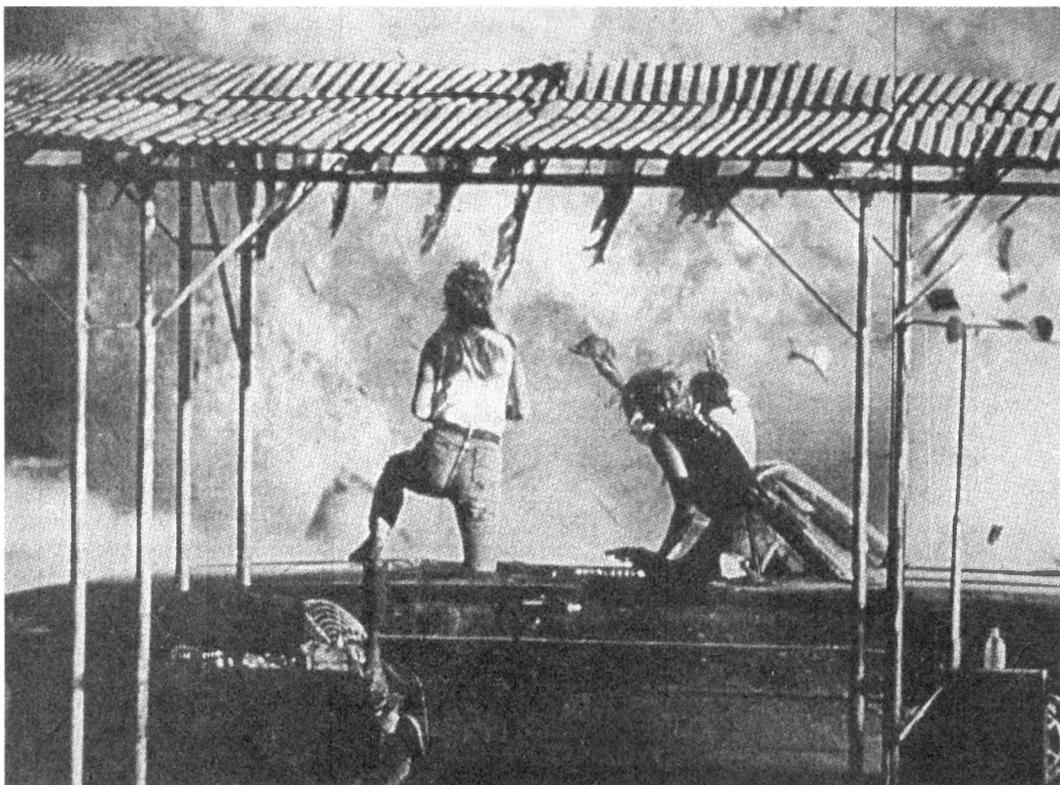
Луиза. Нормально.

Шофер. И у меня нормально. Ну, когда вы, наконец, согласитесь на мое предложение?

Луиза. Мы готовы. Следуй за нами.

Машина отъезжает с шоссе на каменистую землю плато. Автоцистерна следует за ней.

Шофер выскакивает из машины и, кривляясь, подходит к подругам. Те садятся верхом на сиденья, принимая соблазнительные позы. Луиза снимает

На съемках

белую шляпу, распускает волосы.

Шофер изо всех сил старается произвести впечатление. Он покачивает бедрами. Издает хрипловатые бессмысленные смешки.

Тельма. Куда движешься?

Шофер. В Пресно.

Луиза. Что это ты нам все время попадаешься? А ну, сними очки, хочу на тебя посмотреть.

Шофер с готовностью выполняет просьбу и оказывается немолодым мужчиной с глуповатым лицом. Луиза задумчиво рассматривает обидчика.

Луиза (Тельме). По-моему он плохо воспитан...

Тельма. Почему ты так разговариваешь с женщинами, с которыми даже не знаком? А если кто-нибудь стал так разговаривать с твоей матерью, сестрой или женой?

Шофер. Чего-то я не пойму, о чем вы говорите?

Тельма. Ты прекрасно знаешь, о чем. Что ты выделываешь языком? Смотреть на тебя

противно, потом рукой дрыгаешь между ногами...

Луиза. Что это означает? Что ты – толстый кретин или что-то другое?

Шофер. Вы какие-то ненормальные...

Он поворачивается и направляется к автоцистерне. Луиза берет пистолет и окликает его.

Луиза. Ты должен извиниться, а то пожалеешь.

Шофер поворачивается к женщинам, лицо его багровеет, он размахивает руками.

Шофер. Имел я вас...

Луиза прицеливается и простреливает колеса автоцистерны. Воздух со свистом вырывается наружу. Цистерна оседает.

Шофер. О, господи! Ах, сука, стерва...

Тельма. Он не собирается извиняться...

Луиза. Похоже – нет...

Теперь Тельма достает свой пистолет. Ее пуля попадает прямо в цистерну. Раздается мощный взрыв. Столб пламени взмывает вверх. Шофер валится на землю. Луиза садится за руль, нажимает на стартер.

"Тиборг" описывает вокруг шофера несколько кругов. Подруги ликуют. Напоследок Тельма успевает схватить его кепку с американским флагом на лбу.

Шофер. Ах вы стервы! Ну, я вам покажу! Клубы черного дыма стелются по прерии. Подруги заходятся от кашля.

Луиза. А ему там какво!

Тельма. Пусть дышит! Так ему и надо!

Раздается новый взрыв, и еще один факел взмывает в небо.

Шоссе. К полицейской машине, в багажнике которой заперт инспектор, приближается негр на гоночном велосипеде, одетый в пеструю спортивную форму. Спешивается и присаживается на ограждение шоссе. Отпивает воды, закуривает сигарету. Раздается стук. Негр с недоумением оглядывается вокруг. В отверстии крышки багажника, проделанном Тельмой, появляется палец инспектора.

Инспектор. Эй, откройте! Я – в багажнике. Я – инспектор Пак из дорожной полиции. Ключ вон там.

Его палец указывает направление, куда Тельма забросила ключ.

Негр секунду раздумывает, потом набирает полный рот сигаретного дыма и вдует в отверстие багажника.

Над горящей автоцистерной кружится полицейский вертолет. Шофер бежит вниз,

размахивая руками. От движения пропеллера черный дым образует маленькие вихри.

Дом Дикинсонов. Дэрил сидит, уставившись в телевизор.

Голос с экрана. Разыскиваются Луиза Сойер и Тельма Дикинсон. Основные приметы. Луиза Сойер – глаза карие, волосы рыжие, кудрявые. Рост 168 сантиметров. Обвиняется в убийстве. Тельма Дикинсон – глаза карие, волосы белокурые. Рост 180 сантиметров. Обвиняется в вооруженном ограблении магазина и соучастии в убийстве. (Дэрил смахивает набежавшую слезу.) Обе вооружены и крайне опасны.

Машина подруг по-прежнему движется по шоссе. За рулем Луиза. Тельма дремлет рядом. Проснувшись, она тревожно оглядывается и видит, как по параллельному шоссе проносятся три полицейские автомашины.

Луиза. Думаешь, это за нами?

Тельма (стараясь казаться спокойной). Не знаю. Вряд ли. Но лучше съехать с шоссе.

Машина прорывает металлическую сетку и устремляется в прерию. Три полицейских машины тоже съезжают с шоссе и несутся по прерии, оставляя за собой длинные шлейфы пыли.

Десятки полицейских из близлежащего городка готовятся к облеву на опасных

преступниц.

Луиза смотрит в зеркало заднего вида и замечает полицейские машины, преследующие их.

Луиза. Ах, черт! Тельма, быстро пристегнись!

Навстречу подругам на предельной скорости мчится машина. Неминуемо лобовое столкновение. Луиза изо всех сил давит на тормоз. Встречная машина наткнется на заграждение и, перевернувшись, катится по прерии.

Тельма. Это я во всем виновата.

Луиза. Прекрати, Тельма! Ты ни в чем не виновата.

Тельма. Луиза, что бы ни случилось, я рада, что поехала с тобой.

Старенький "Тиборг" и его водительница

показывают чудеса высшего пилотажа. В стане преследователей царит сумятица. Машин так много, что они сталкиваются друг с другом, одна за другой выходят из строя.

"Тиборг" таранит деревянный забор и снова устремляется в прерию, значительно оторвавшись от полицейских. Не менее двадцати машин преследуют его. Они похожи на стаю волков, догоняющих одинокую жертву.

На пути возникает мост. "Тиборг" с размаху проскакивает под ним. Полицейская машина, оснащенная мощными мигалками, застревает. Блокированный полицейский отряд остается за мостом. Избавление от преследователей кажется таким удивительным, что Луиза глушит мотор, и минуту подруги сидят неподвижно, приходя в себя. Тельма закуривает свою первую в

жизни настоящую сигарету.

Тельма. Ты – хорошая подруга!

Луиза. И ты – тоже! Лучше не бывает! Мне нравится проводить с тобой отпуск.

Тельма. Я, наверно, немножко сумасшедшая.

Луиза. Да ты всегда была такой, только впервые дала себе волю.

Тельма. Ты отлично водишь машину.

Луиза с благодарностью улыбается.

Сами того не подозревая, подруги едут по краю огромного каньона, а внизу незаметно для них по каньону движется полицейский вертолет с группой захвата на борту.

Окружающий пейзаж так красив, что Луиза отрывает взгляд от дороги и любитесь на горы, окутанные голубой дымкой. Лишь на минуту она ослабила внимание – и передние колеса машины зависли над пропастью. Луиза изо всех сил жмет на тормоз и отводит "Тиборг" от края.

Тельма. Где это мы?

Луиза. Похоже на Большой Каньон.

Тельма. Красота...

Луиза. Правильно...

И вдруг прямо перед "Тиборгом" поднимается вертолет.. Воздушные потоки от его пропеллера срывают с подруг шляпы. Хол приникает к стеклу, стараясь получше рассмотреть женщин. Луиза жмет на газ, пытаясь вновь оторваться, но, поняв всю бессмысленность затеи, глушит мотор. Полицейские выходят из машин и готовятся к захвату. Они видят женщин через оптические прицелы своих винтовок.

Тельма (оглядываясь) Боже мой! Это же целая армия! И все ради нас.

Вертолет приземляется. Из него выскакивают Хол и Макс.

Хол. Целая армия против двух женщин! (Максу.) Останови это убийство!

Макс. Не вмешивайся. Это у нас стандартная процедура. Я уже жалею, что взял тебя с собой.

Полицейский (говоря в мегафон). Поднимите руки, чтобы мы вас видели. Все иные ваши действия будут расцениваться как направленные против нас.

Тельма вопросительно смотрит на Луизу. Вместо ответа та вынимает пистолет.

Луиза. Я не собираюсь им сдаваться.

Хол хватает Макса за грудки.

Хол. Надо что-то делать! Прикажи им,

чтобы они убрали оружие! Они убьют девушек!

Макс. Да возьми себя в руки, наконец.

Полицейский снова повторяет в мегафон свой приказ. Но подруги никак не реагируют на него. Тельма поворачивается к Луизе, на ее лице появляется милая детская улыбка.

Тельма. Давай поедем, давай...

Луиза с удивлением смотрит на подругу.

Луиза. Как это поедем? Куда? (Тельма показывает на каньон.) Ты это серьезно?

Тельма кивает, улыбаясь всеми своими ямочками.

Тельма. Ну, давай, вперед!

Луиза обнимает подругу, впервые за четырехдневное путешествие не стыдясь показать нежность по отношению к ней. Решительно нажимает на газ. "Тиборг" начинает двигаться. Хол бросается вслед отъезжающей машине.

Хол. Стойте!

"Тиборг", оторвавшись от края каньона, парит в воздухе.

Луиза берет Тельму за руку и поднимает ее вверх.

Ветер подхватывает их нехитрое имущество, сваленное на заднем сиденье, и уносит прочь.

Старенький "Тиборг" долго парит над Большим Каньоном, этим чудом природы, созданным силой воды и ветра.

История двух подруг возвращается к самому началу.

Принаряженные Тельма и Луиза устраиваются в стареньком "Тиборге", который станет надежным спутником в их нелегком путешествии по Америке.

Делают фотографию на память.

Мчатся по шоссе, наслаждаясь свободой и солнцем.

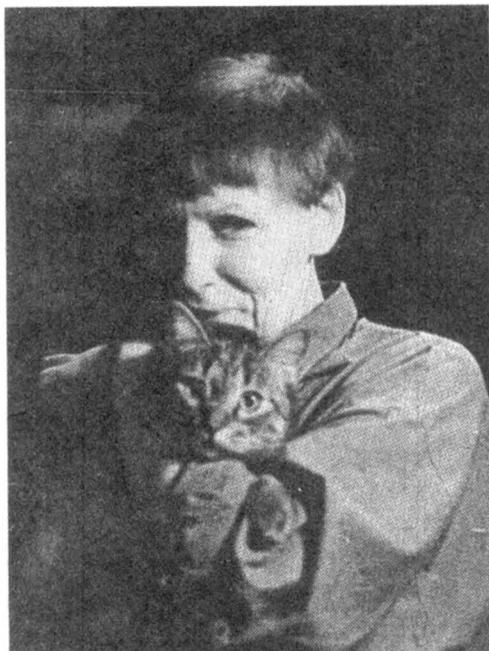
Тельма с восторгом повествует о своем любовном опыте.

Подруги ожесточенно спорят, стоя на каменном плато. Обе держат в руках пистолеты.

И последний кадр: Тельма и Луиза просто смотрят на зрителей. Ни тени сомнений или переживаний нельзя уловить на их милых, улыбающихся лицах.

*Литературная запись по фильму
Г. Красновой.*

Наталия Рязанцева

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УЕЗЖАТЬ

СЦЕНАРИЙ КОРОТКОГО ФИЛЬМА С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

ПРОЛОГ

Квартира, каких уже нет и больше не будет. Длинный коридор, высокие двери, выход из кухни на черную лестницу, чулан, антресоли. Первый этаж старого московского дома. Может показаться, что это коммунальная квартира, но нет, здесь живет одна семья, четыре поколения одной семьи. Жила одна семья...

– ...Можете меня поздравить – мы разъезжаемся! Все в разные стороны! Свершилось! Все к лучшему в этом лучшем из миров... – Каждый вечер Лариса Павловна

говорила по телефону с кем-нибудь из бесчисленных подруг, они вздыхали и ахали, а она – нет, она спуску себе не давала, она делала упражнения на ковре или мазала лицо целебным настоем – молодая, красивая бабушка трех внуков, она еще находила силы пошутить! – "Ехать так ехать", – сказал попугай, когда кошка потянула его за хвост из клетки... Ох, и не спрашивай, на кудыкины горы! Они так решили. Павлик с семейством – завтра, Аня с Лизой – послезавтра, а мы с дедом – когда соберемся. Нет, баба Дуся остается здесь, она категорически не хочет уезжать из центра... Это надо ж быть такими идиотами, как мы...Ну, конечно, ну конечно,

можно было обустроить эту квартиру... вторую кухню, вторую ванну, решетки на окна... Но кто, кто?! Я же не могу все одна, для этого мужик нужен, а у нас? У нас — коллективный разум. И я же во всем виновата! Боже, чего я наслушалась за этот год!.. Вот, они уже стучат в стену. Им всем нужно звонить.

— Мам, ну сколько можно?! — В дверь просунулась растрепанная голова Ани. Лариса Павловна понизила голос, перешла на шепот:

— От Аньки остались одни глаза. И волосы. Глаз уже нет, она все проплакала. Она все еще ждет и надеется, она не хочет смотреть правде в глаза...

— Мам, мне должны звонить! — рывкнула Аня за дверью.

По коридору с визгом проскакали дети. За стеной что-то обрушилось, сын с невесткой двигали мебель и кричали друг на друга.

В комнату к Ларисе Павловне вошел кот. Он смотрел обиженно и вопросительно. Он прошел по ковру и дал себя погладить.

— Тишенька, Тиша... Вот моя единственная радость! Он предчувствует, он никуда не хочет уезжать, да, Тиша? Ты останешься с бабушкой? — Она прижала к себе кота, всхлипнула и повесила трубку.

Девочка заплакала во сне и проснулась.

— Что, Лиза? Тебе опять что-то приснилось? — встрепенулась Аня за шкафом. В комнате все перевернуто, ничего еще не собрано, старый шкаф выдвинут на середину, его надо продать, а за окном — утро, рычит грузовик, брат командует погрузкой.

— Не приснилось! Они Тишу увезли!

Лиза босиком бежит в коридор. Аня ползает впотьмах, тапочки куда-то запропастились.

— Тапочки! Обуйся! Нельзя босиком!

Вокруг баррикады из книг и стульев, а на стремянке хохочет Васька, заливается беззубым ртом:

— А Тиша уже уехал! Он с нами будет жить!

— Тиша, Тиша! — зовет Лиза. Кота нигде нет.

— Зачем ты ее дразнишь? Она же девочка! Никуда мы Тишу не отдадим!

Распахиваются широкие двери, по коридору топают грузчики. За ними покупатель, скромный, нерешительный молодой человек. Аня ведет его к себе, оставив детей на самом сквозняке. Мать, конечно, тут как тут, бодрая, неутомимая, уже на каблучках и с портфелем.

— “Здесь продается славянский шкаф?” — спрашивает она игриво. — Можно войти? — А сама уже стоит перед потускневшим зеркалом старого шкафа. Стоит она, как на сцене. — “Милый, глубокоуважаемый шкаф!” Нет, это выше моих сил... Моя молодость... Вся моя жизнь!

Покупатель вдумчиво рассматривает дефекты.

— Мам, ну не надо “Вишневого сада”! — шепчет Аня. — Тогда оставь его себе!

— До чего все злобные стали... Все, ухожу, ухожу, ухожу, не мое дело. Все, все, разменялись, слава те, господи! По твоей милости...

Покупатель смущенно прячется за шкаф, изучает, нет ли жучка.

Лариса Павловна бросает последний, прощальный взгляд в туманное зеркало. Сейчас она опять скажет: “Милый, глубокоуважаемый...”

— Мам, ну не надо!.. Набивать цену! — Аня прикладывает к груди свои тщедушные кулачки.

Каблучки матери цокают по паркету, она хватает свой изящный портфель, темные очки. Она уходит, но на пороге оглядывается:

— Ну подари ему! Твоя бы воля — ты бы все подарила! Ты скоро своего ребенка подаришь чужой бабке!

Это удар ниже пояса. Аня прислоняется к стене, закрывает глаза, дрожащими губами произносит — в который уж раз:

— Мой муж не может жить в нашей “вороньей слободке”!

— Муж? Я что-то забыла, как он выглядит! — Лариса Павловна возвращается, запирает свою комнату, нарочно, чтобы снова пройти мимо Ани: — Ты еще вспомнишь, вспоминать будешь эту “воронью слободку”! И локти кусать!

— Уже кусаю! Тридцать лет как кусаю!
Покупатель вежливо спрашивает:
— А можно его открыть?
— Ради бога! Он не запирается! — хором отвечают Лариса Павловна и Аня. Из шкафа вдруг выпрыгнул взъерошенный Тихон, огляделся и помчался в коридор.
— Лиза, Лиза! Вот он, Тиша нашелся!
— Тишенька, котик мой драгоценный! — Лиза старалась схватить кота, а двоюродный братец Васька подставил ножку.

Тихон увернулся, под ногами грузчиков прошмыгнул на лестницу. Он боялся детей, когда их двое.

Опираясь на палку, из своей комнаты вышел дед, то есть уже прадед, он задумал сфотографировать всех на прощанье и держал наготове фотоаппарат, старенькую, довоенную "лейку". Он понял, что сейчас не время, все заняты, все нервные, и виновато улыбнулся.

Евдокия Акимовна, то есть баба Дуся, что нянчила еще Ларису Павловну, поманила в кухню свою любимицу Лизу:

— Идем, ягодка моя, обуемся, носочки чистые оденем, рыбки сварим, ты их не слушай, мы им Тишу не отдадим, ишь чего захотели, мы ему рыбки сварим, он и прибежит, как миленький...

Лиза послушно шла с бабой Дусей, она всегда выведывала у старухи то, что взрослые скрывали. Она задавала наводящие вопросы:

— А если за мной папа приедет, я пока у той бабушки поживу?

— Ну и поживешь, поживешь...

— А я же хочу Тишу с собой взять?

— Ну и заберешь, заберешь...

— А вдруг он не захочет?

— Тихон-то? А мы его в мешок, и рыбки туда покладем...

— А вдруг она не захочет?

— Захочет, захочет... — Акимовна вздохнула и отвернулась. Не хотела она лезть не в свои дела. Подошла к окну: там грузили всякую мелочь — тюки и коробки, горшки с цветами, лыжи и игрушки.

Лиза поняла, что баба Дуся больше ничего не скажет. Но она не одобряет, чего-то она не одобряет. Насупилась, и глаза на

мокром месте.

— ...Да не путайся ты под ногами! — кричала жена Павлика Мила на маленького Ваську. Васька нацепил на голову абажур и опять хохотал.

— Смех без причины — признак дурачины, — отпихнул его старший брат Миша. Он носил и носил вещи, Мила укладывала их в микроавтобус, а Васька всем мешал, он один знал, почему он хохочет. Вдруг раздалось пронзительное "мя-яу!". В рюкзаке барахтался кот. Рюкзак был завязан на три узла, Мила даже сломала ноготь, пытаясь развязать кота. Умный Тихон нашел дырку, просунул туда лапу, но больше он ничего не мог. Все стали орать на Ваську:

— Ты что, опупел? — кричал старший брат, — котов за пазухой возят! Я сам его возьму!

— Оставьте кота в покое! — подбежал отец. — Кот вообще не наш! А мы возьмем щенка...

— Как это не наш? Его мама принесла!

— Кота надо первого пустить в квартиру! Такая примета.

— Кот вообще ничей! — объявил Павел.

— Коты не любят переезжать.

— Вот еще новости! — сказал Васька. — Ему мама рыбу покупала!

Тихон дергался в мешке и пронзительно мяукал. Мила взяла у водителя нож и продолжала сражаться с рюкзаком, но вдруг увидела Аню.

— Здрасьте пожалуйста! Его баба Дуся нашла в подвале! Лизка просила — умоляла: "возьмем котеночка"! Память у вас короткая! Да он к вам близко не подходил, он Ваську как огня боится! Пусти, я сама развяжу!

Лиза сбегала с крыльца, увидела, что происходит, и бросилась на Ваську, заарканила его шарфом и поволокла во двор:

— Чтобы знал, как Тишу мучить! Мало тебе еще! Больно? Больно? Мало тебе! Садист!

Пока дети, сцепившись, катались по детской площадке, Миша закрыл дверь автобуса, и Тихон ходил по вещам, отыскивая какую-нибудь щель.

Взрослые забыли про кота и про детей.

Павел, взмыленный, с креслом на голове, надвигался на сестру:

— Анька, скройся! Забирай своего кота и скройся! Ты всем действуешь на нервы!

— Кому это всем? Твоей Милочке?

— Лучше бы за детьми смотрела! Она ему руку ломает!

Мила бросилась разнимать детей.

Павел закинул кресло в фургон, и тут сестра снова попалась под руку. У него лопнуло терпенье:

— Анька, сгинь! Ты все свое уже получила, чего тебе еще от нас надо? Когда тебе плохо, чтобы всем было плохо?!

— Что я получила?.. — Аня всхлипнула и скрылась в квартире.

— Анюта, не нагнетай обстановку, не время для истерик!

На него вдруг с треском надвинулось пианино.

— Что я получила? Пианино вы мне отдаете? Да подавитесь вы своим инструментом! Забирайте! Ничего мне не нужно! Выносите!

Грузчики приподняли пианино и оно застряло в коридоре.

— Стоп! — гаркнул Павел. — Не слушайте ее, она умом повредила!

Грузчики устроили перекур, достали пиво.

Мила рванула дверь автобуса, и Тихон тихонько, осторожно сошел во двор. Ему было противно смотреть на людей. Незаметно, зигзагами он потрусил в квартиру.

Лиза с Васькой вдруг помирились и пошли искать кота.

— Вы у него по-хорошему спросите, — урезонивал Павел, поправляя на Ваське изодранную одежду, — с кем он хочет жить? Узнайте его мнение.

— Тиша, Тиша! — наперебой закричали дети, — ты с кем хочешь жить?

Кот скрылся в уборной, и там тихо звенел его ручеек.

— Видишь, какой Тиша умный, — сказала Лиза, — он терпел. Мог в автобусе пописать, а он терпел.

— Ну и дурак! — сказал Васька. — Мог во дворе посикать!

Оба они держали дверь уборной и спрашивали кота по-хорошему:

— Тиша, Тиша, ты с кем хочешь жить?

— Ты хочешь переехать в новую квартиру?

Тихон скребся, прыгал, буянил, не в силах поверить, что снова оказался в заточении, в третий раз.

— Надо бы всем присесть перед дорогой, — появился из кухни дед. — Такой обычай. А я вас запечатлею на прощанье.

— Садись!

— Зачем?

Лиза толкнула Ваську, он отпустил дверь, Тихон опрометью бросился вон из уборной. Он хотел спрятаться, но из кухни тянуло дивным запахом.

Акимовна выкладывала на тарелку кусочки рыбы.

— Ешь покуда, барин... А то как все уедут, нас с тобою покинут, чем я тебя кормить-то буду? Повсюду одна инфляция...

Кот терся всем телом о шершавые чулки, тербил любимые тапочки бабы Дуси, урчал, стонал и благодарно замирал, пока к нему спускалась сверху волшебная тарелочка с минтаем.

А в опустевших комнатах гремел скандал.

— ...Не ори при детях! — осипшим голосом кричала Аня на Милу.

— Нет, я тебе скажу напоследок, я тебе все скажу! Мы тебе пошли навстречу, мы тебя жалели! Анечка у нас бедная, одинокая, а кто, кто виноват?!

Васька с Лизой забыли про кота, притаились за дверью.

— Заткнись! Я тебя не слышу, не слышу, не слышу! — Аня заткнула уши.

— У нее в ушах бананы, — некстати пошутил Павел. Он переставил стремянку, хотел снять старые пыльные шторы.

— Я сама сниму, сама сниму, выметайтесь! — Сестра снизу дергала стремянку. Деревянная конструкция — палка, косячок и пробка, куда уж проще, но что-то заклинило в спешке. Мила притащила инструменты. Аня не подпускала ее к стремянке. — Я сама, не надо мне одолжений!

— Я пока что в своей комнате! — кричала Мила, подбоченясь. — У тебя у самой ничего

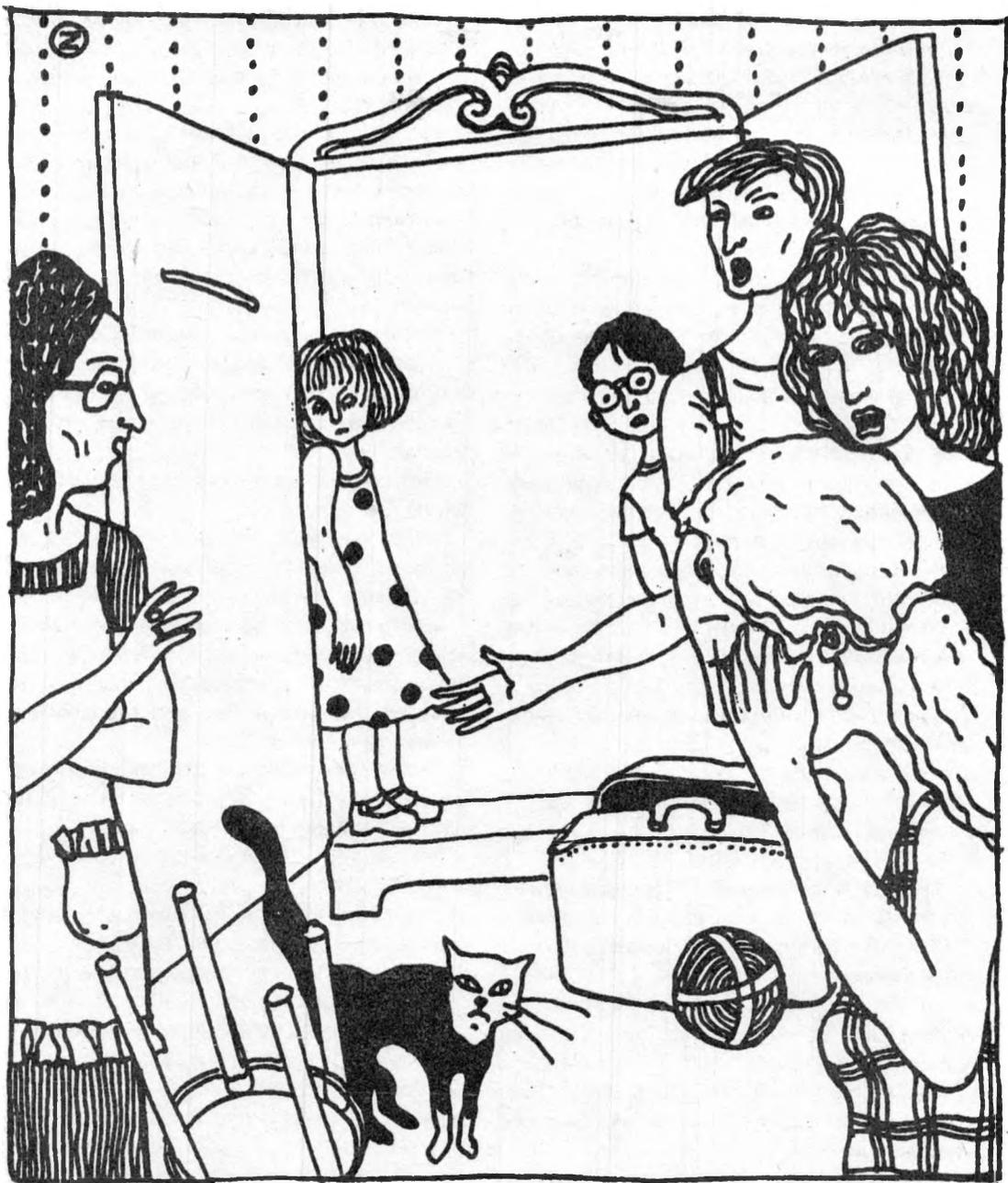

Рисунок Юлии Зубревой

не собрано! Мало того, что ты мать со стариком бросаешь, им еще под потолок лазить?

Шторы рухнули, обдав всех пылью и паутиной. Но с палки они не снимались.

Павел взял молоток. Аня выхватила палку у него из рук и саданула всей конструкцией по подоконнику.

— Окно разобьешь, идиотка!

— Дайте-ка я вас запечатлею на прощанье, — заглянул в комнату дед, но тут же отступил, навел аппарат на Лизу с Васькой. Они залезли на пианино и охотно позировали, прислушиваясь к скандалу.

— ...Да от тебя любой сбежит, живи ты хоть во дворце! — Мила нервно сворачивала

шторы, приближаясь к Ане.

— Бабы, не ворошите прошлогодний снег!
— Павел переставил стремянку к другому окну.

— Он от тебя ушел, лично от тебя! И не строй иллюзий, что мать виновата!

— Кириша не может жить в этом бедламе! Он не привык, и не ваше собачье дело!

— Хорошенькое дело! — проворчал Павел со стремянки. — Мы из-за чужого дяди бросаем такую квартиру... Никто не хотел уезжать...

— Из-за чужого дяди, — повторила за ним Мила.

— Он мой муж и отец моего ребенка! — Аня стукнула палкой по трухлявому подоконнику, и косяк, наконец, отскочил. Шторы поехали на пол.

— Нет, ты слышал, она до сих пор не понимает! Она какая-то... — Мила покрутила пальцем у виска. — Чтоб ты знала — он никогда не вернется, он мне сам сказал!

— Когда? Ты врешь... — Аня замерла у подоконника, сжимая в руке деревяшку. — Зачем ты врешь?

— Вчера!

— Он вчера звонил?..

— Ты в ванной была.

— В ванной?..

— Да он и не звал тебя! "Передайте Анне, что утром заеду за Лизкой", — и все, и трубку бросил! Я еще спросила: "Позвать Аню?"...

— Врешь!

Деревянный косяк полетел в Милу, но она увернулась, а дед как раз высунулся из коридора, нацеливаясь своей "лейкой".

Слава богу, не в глаз, а в аппарат. Все застыли, Аня опустила на пол, закрыв лицо руками.

— А то бы глаз — тю-тю, — качал головой дед и виновато улыбался.

— Ну, доехали, — слез со стремянки Павел. — Дед, я тебе свой аппарат отдам.

Всем стало стыдно. Дед бормотал, что ничего не нужно, аппарат целехонек, еще всех переживет, нужно только присесть перед дорогой, как полагается, всем вместе. Но присесть в ободранной комнате не на

что. Пошли к Ане. Закатали пианино обратно. Позвали бабу Дусю. Она замахала руками, но накинула платок и стала прихорашиваться.

В тишине, стараясь не встречаться глазами, Мила, Павел и Аня разместились возле пианино. И вдруг дружно рассмеялись — оказалось, что вдумчивый покупатель еще здесь. Он решил купить шкаф, он уже с грузчиком договорился, но им мешало пианино.

И вот они приподняли шкаф и понесли, и всем стало грустно, что продают многоуважаемый шкаф, который был всегда, и все старались заглянуть в его туманное зеркало.

Лиза поймала кота, цепко его держала и ругала понарошке:

— Это ты, Тиша, во всем виноват, ты же не сказал, с кем ты хочешь жить, вот все и поспорились. Ты чей, Тиша? Ты ничей!

— Это твой папа во всем виноват, ты что, не слышала? — Васька больше не посягал на кота, но рубил беспощадную правду: — Я еще раньше слышал, бабушка сказала, что он злой гений всей семьи!

— Они все врут! — сказала Лиза. Не выпуская из рук кота, она побежала на лестницу. На нее надвигался шкаф.

— Дорогу! Дорогу! Па-старанись! — кричали грузчики.

Лиза прижалась к перилам. Тихон вырывался, царапался, она теперла.

— Ну что, Лизочек, собралась?

Лиза увидела отца. Он взбежал по лестнице в распахнутой куртке, он спешил, потрепал Лизу за волосы и сразу посмотрел на часы.

— Да... — только успела сказать Лиза. — А можно...

— Я за тобой! Ты собралась или нет?

— И да и нет, — произнесла Лиза испуганно. — Все из-за Тиши...

Кирилл не слушал, он быстро прошел в квартиру, он так и знал, что ничего не собрано. Семейство фотографировалось.

Лиза пошла за отцом:

— Все из-за Тиши, Васька его спрятал, а он не знает, с кем он хочет...

— Мяс! — громко возразил Тихон,

вырвался из рук и бросился во двор.

— А вот и Кирюша, — обрадовался дед.

— Надо присесть на дорожку.

— Некогда, дед, некогда! Ну что, ты Лизку собрала?

Аня вышла из комнаты, поманила его в кухню:

— Только потише... Не кричи на меня.

— Ты можешь понять, что у меня ни секунды? Я ночую в офисе, я на уши встаю, чтобы сделать крик! У меня три минуты ровно! — Он постучал по своим часам. — Ну как, как с тобой договариваться? Ты, кажется, сама просила забрать ребенка! Мать ждет! Мы можем хоть насовсем ее взять, если она тебе мешает!

У Ани пересохло в горле. Она съежилась и вздрагивала от каждого слова, как от удара.

— Это все, что ты хочешь мне сказать?

— Я ничего не хочу тебе сказать! Ты просила — я приехал за ребенком! Где Елизавета, где вещи? — Он в бешенстве стучал пальцем по своим часам, поднес их прямо к Аниным близоруким глазам: — Я приехал минута в минуту! Все, что я могу, — это содержать ребенка!

— Угу, — сглотнула Аня и отвернулась. Значит, сейчас будут слезы.

Кирилл сморщился и зевнул.

Тихон вильнул под машину и исчез. Лиза потеряла его из вида. Во дворе стояла красивая машина, на ней приехал отец, это она сразу поняла.

— Тиша, Тиша! — звала Лиза и оглядывалась на красивую машину.

Кот мелькнул за мусорным баком, скрылся в кустах, короткими перебежками пересек двор, нашел дырку в заборе и пропал. Лиза побежала вдоль забора, тоже нашла дырку. Следующий двор был страшный, там стоял один покосившийся домик без окон, а кругом — мусор и бурьян.

— Лиза! — услышала она голос отца. — Все, поехали, мы опаздываем!

— Тиша пропал!

— Лиза, я не могу за тобой бегать! Я кому сказал?!

Лиза пролезла в дырку и побежала к страшному дому.

— Ну Тиша же пропал! Он там! Я не поеду без Тиши!

— Найдется твой кот! — Кирилл не мог пролезть в дырку и стал кричать через забор: — Мне некогда бегать за котом! Ты хотела поехать к бабушке Лиде? Ты сама ведь хотела! Ты хочешь прокатиться со мной на машине? Сейчас! — крикнул он приятелю и показал знаками, что ребенок капризничает. — Ты хочешь или нет?

Лиза обернулась:

— И да и нет, — она ковыряла носком землю и принимала решение.

— Да что с тобой? Это что-то новое...

— Ну Тиша же пропал! Я без него не поеду! Я его найду! В другой раз, папочка! Бай-бай! — Она махнула рукой и помчалась к страшному дому.

Кирилл тоже махнул рукой.

Вся семья прочесывала двор в поисках кота.

Кирилл, не оглядываясь, сел в машину.

Тихон спустился в подвал страшного дома, забился за ящики и так устроился, чтобы его никто никогда не нашел. В темноте светились только зеленые глаза.

Но не все так грустно, вот вам:

ЭПИЛОГ

Лариса Павловна говорит по телефону в опустевшей квартире. Теперь она может говорить подолгу, никто ее не дергает.

— ...Он нашелся! Представляешь, он два дня скрывался, бегал по помойкам... киса моя дорогая... А когда все уехали, он вернулся, принес мне мыш, представляешь, научился ловить мышей с голодухи. Но Лизка-то, Лизка! Она сама решила, проявила характер. Нет, она будет счастливей Анюты, она вся в меня... Ну конечно, обидно, можно было обустроить эту квартиру... Ну да ладно, теперь у меня есть свой кот, он меня любит, он меня понимает, он меня ни в чем не обвиняет... Правда, Тиша? А как тихо стало!..

Лариса Петровка собирает вещи, она устала, она будет говорить долго-долго, поглаживая кота, пока он не уснет у нее на коленях.

А Володя Хотиненко остался там, в Урдово, и я уверен, что он сидит сейчас в своем доме перед "видиком" и смотрит, смотрит, смотрит отснятый материал...

Читайте сценарий фильма "Мусульманин" в следующем номере журнала "Киносценарии"

(фоторепортаж со съемочной площадки Игоря Гневашева)

Намеренно не говорю ничего о сценарии; кому угодно – пусть прочтут его, а о фильме говорить и подавно не стану, его пока нет.

Признаюсь, мы с Владимиром Хотиненко пускались в плавание на лодочке с названием "Мусульманин" не без боязни, и это плавание не закончено, еще рано кричать: "Земля!". Но я верю, что все будет хорошо. Если, как говорили в старину: "Господь грехам попустит".

В. Залотуха

6-е августа 1994 года

В ноябре 1915 года русская кинематографическая пресса, и до того обширная и богатая, пополнилась еще одним названием: "ПЕГАС". Крылатый конь богов, он же эмблема первого русского кинопредприятия – Дома Александра Ханжонкова – отдал свое имя оригинальному и по-своему новаторскому изданию.

Это и был в наших сегодняшних понятиях "толстый" журнал, ежемесячник, расхвалившийся (с успехом!) по подписке и в розницу, "журнал искусств", как говорилось в подзаголовке, имеющий разделы театра, музыки, живописи и – в центре – кино. Богато иллюстрированный, информативный "Пегас" служил не рекламе, а целям художественным и просветительским. Главным редактором стал Никандр Васильевич Туркин – писатель, журналист, известный театральный критик (это он "открыл" в провинции будущую "чайку русской сцены" Комиссаржевскую, привел в кино Веру Холодную). Горячо увлекшись новым искусством – кинематографом – Туркин возглавил литературный отдел кинофабрики Ханжонкова, поставил дело на широкую ногу и в своем новом журнале первым в России начал печатать киносценарии.

Это было смело и сразу привлекло внимание. Новый жанр сочетал в себе литературную форму и "память об экране", воображаемый образ фильма. В "Пегасе" печатались, выступая в новой роли сценаристов, литераторы Е. Чириков, Анна Мар, Ливерий Авид, пробовала силы кинозвезда-сценаристка Зоя Баранцевич, а рядом с видным писателем Амфитеатовым подвизалась юная Екатерина Тиссова (сценарий "Миражи"), которая через двадцать лет станет советской Катериной Виноградской, автором "Члена правительства" – бестселлера сталинской поры.

Разумеется, сценарная полка "Пегаса" несла печать своего времени – декаданса, тревоги, смуты. Но камень был заложен прочно. И хотя события 1917 года пресекли выпуск "Пегаса", журнал этот ответил требованию и киноискусства, и публики: сценарий – основа кино – занял свое законное место в литературе и журналистике, поднимая престиж русского экрана до уровня старших искусств.

Н. Зоркая

От редакции.

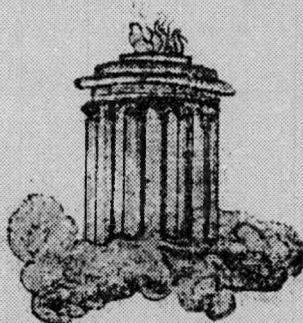
Узнав о существовании нашего предшественника, – журнала, печатавшего сценарии как жанр литературы, мы не могли не поведать об этом нашим читателям. Решение перепечатать некоторые материалы из журнала 80-ти летней давности для нас – не только акт благодарности и восстановления утраченных, казалось бы, связей. Темы и пафос авторов-новаторов жанра, несмотря на "яти" и дореформенную орфографию (которые мы, в свою очередь, при перепечатке материалов решили сохранить, как знаки стиля прошлой жизни), и сегодня выглядят актуальными, а некоторые формулировки – прямо-таки злободневными. Кроме того, аромат ретро и необыкновенные истории, с которых начиналось кино, дарят нам возможность посмотреть на свое прошлое свежим взглядом. А сейчас, в конце безумного века, прошедшего под стрекот киноаппаратов, – это и увлекательно и поучительно.

Автор публикации Ю. Гирба.

П Е Г А С Ъ

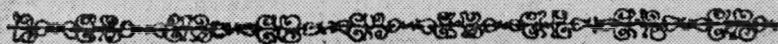
Журналъ Искусствъ

№

АПРѢЛЬ

4.

1916.

Новая задача литературы.

Она поставлена кинематографом.

— Надо постичь тайны экрана и создать для него новую литературную форму.

Все существующие формы как для книги, так и для сцены не дают кинематографу то, чего он ищет. Роман, повесть, драма, комедия, фарс, словом, все — прежде чем попасть на экран, подвергается обработке режиссера, который составляет для себя сценарий.

Думать, что сценарий и есть та литературная форма, которая нужна кинематографу, было бы напрасно.

Мне нужен стол, а в комнате имеются лишь книжные шкапы. Я повалил два шкапа, положил один на другой и получил подобие стола. Вот таким столом поневоле являются в настоящее время режиссерские сценарии.

Мало ли что, мало ли как при нужде можно приспособить к делу!

Но не всегда же приспособляться, и только приспособляться. Как для сцены литература создала формы, так должна она теперь создать и для кинематографа.

Главными условиями художественной литературы являются: язык (слог), образ и ритм.

“Язык” — это искусство делать мысль настолько яркою, чтобы она быстро, отчетливо и во всей полноте передавалась читателю.

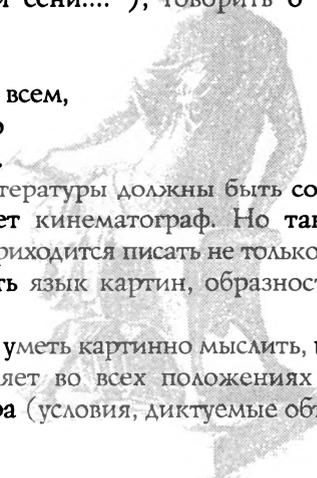
“Образ” — искусство давать уму познавать путем сравнения одних предметов с другими сразу две истины. У Пушкина: “Он весь, как Божия гроза”. У Виктора Гюго: “Стена была тверда и пряма, как герой”. У Алексея Толстого: “И как птиц приморских стая, много панцирного люду, грохоча и блистая, к ним примкнуло отовсюду”.

“Ритм” — искусство согласовать внешнюю форму речи с внутренним содержанием, с идеею, с действием, с образом и чувством, составляющим предмет речи. Нельзя, как это делает, например, поэт Минский в быстром и веселом темпе (“Ах, вы сени, мои сени...”), говорить о мрачном настроении души:

Никого я не люблю,
Все мне чужды, чужд я всем,
Ни о ком я не скорблю
И не радуюсь ни с кем.

Все три условия художественной литературы должны быть соблюдены и в той грядущей форме, какую ждет кинематограф. Но так как на полотняных страницах кинематографа приходится писать не только словами, сколько картинами, то надо выработать язык картин, образность и ритм их.

Чтобы выработать язык картин, надо уметь картинно мыслить, и притом с такою виртуозностью, которая позволяет во всех положениях держать создаваемые картины в границах сектора (условия, диктуемые объективом

аппарата при съемке). Это тем более трудно, что лишь в узкой вершине сектора (т. е. на очень маленьком пространстве) можно дать настолько крупную фигуру человека, чтобы в его глазах зритель читал бы переживаемые им чувства.

Кинематограф требует, кроме того, чтобы все создаваемые для него картины были наполнены действием, развивающимся с нарастающей в каждом своем новом этапе силою, как горный поток.

Наконец, кинематограф в свете своего экрана с безошибочною ясностью обнаруживает всякий ошибочный штрих, всякую натяжку, всякую логическую несообразность в литературном произведении.

Вот почему можно писать превосходные рассказы и романы, но оказаться бессильным пред задачею: создать художественное произведение для экрана.

Люди желающие писать для кинематографа, чаще всего наивно добиваются узнать лишь внешнюю форму режиссерских сценариев.

Внешния формы всегда во всех искусствах выливались сами собою из сущности внутренняго действия. Меньше всего надо заботиться о них.

Какия бы внешния формы сейчас ни существовали, оне не могут быть рекомендованы, как образцы, до тех пор, пока не освятят их крупные литературные таланты вдохновенным созданием целаго ряда кино-пьес и кино-романов.

Надо признать: форма кино-пьесы еще не создана.

[...] Надо помнить, что не каждое произведение сразу прокладывает себе путь к успеху среди установившихся вкусов и цепких традиций. “Чайка” Чехова (в исполнении Савиной, Комиссаржевской, Варламова) была освистана; “Нора” Ибсена вызвала скандал и считалась некоторое время совершенно неудачною пьесою; над драматическими произведениями Метерлинка долго смеялись; Пшибышевскаго не сразу поняли...

[...] Новая же литературная форма, которая, верим, будет скоро найдена, окажет реформирующее влияние на всю художественную литературу. Она должна, ведь, дать образец картинности положений, увлекательнаго потока в развитии действий, краткости и силы языка, а это все является идеалом всей вообще художественной литературы.

Никандр Туркин

“Перас”, №1, 1915, с. 78-79.

О „Пегасе“

Одна из больших московских газет посвятила первому номеру „Пегаса“ статью—фельетон.

По поводу него необходимо сказать несколько слов. Предвижу, что могут спросить:

— Зачем?

Со страниц столичных газет исчезли богатые широким знанием фельетоны оторванного от родины А. В. Амфитеатрова. Недуг сначала, а потом смерть оборвала талантливую „Маленькие письма“ А. С. Суворина. Редко стал писать искрометные статьи В. М. Дорошевич.

Какие же такие могут быть фельетоны, о которых следовало бы говорить?

Ах, да не все ли равно — кем, как и где написано, но, коль скоро написанное является отражением широко распространенного и господствующего предрасудка, — это можно и даже необходимо оспаривать. Тут уже имеешь дело не с фельетонистом, а с княгиней Марьей Алексеевной.

— Ах, Боже мой! Что будет говорить княгиня Марья Алексевна!

Фельетонист презрительно отнесся к основной задаче нашего журнала: определить место кинематографии в ряду других изящных искусств и очертить ее роль в науке.

Я могу поддержать его сообщением, что почти то же мне пришлось слышать от некоторых моих литературных друзей. Они упрекают меня:

— Зачем журнал отдает так много внимания кинематографии? Он не может-де при таких условиях считаться журналом искусств. Если кинематография и есть искусство, то она все же моложе всех и потому должна занимать последнее место.

И фельетонисту вражьи стана, и моим литературным друзьям я должен сказать:

— Осторожнее, господа! Отгоняя кинематографию от искусства, вы рискуете сами очутиться вне искусства.

Кинематография отнюдь не кончается Максом Линдером, кинематограф — это: Качалов, Южин, Остужев, Леонидов, Полевицкая, Петипа, Шаляпин, Мейерхольд, Гзовская.

Не приходится спорить о том, что кинематография — самое молодое из изящных искусств. Но почему же ей должно быть отведено последнее место? Давно ли в области изящного стали определять значение искусства по возрасту?

Именно потому, что кинематография — молодое искусство, она и интересует нас больше других. Она не способна заставить нас кручиниться над тяжким оскудением, как современная литература; она далека от кризиса, который чудовищным призраком стоит перед театром; она полна молодой мощи, она смело смотрит в будущее, она, как весна, несет миру новое очарование.

Фельетонист думает, однако, что он должен смотреть на кинематографию

не иначе, как сверху вниз.

Есть люди, которые стыдятся сесть в вагон трамвая. Это — ниже их достоинства. Сидя в извозчицкой пролетке, они исполнены своеобразной гордости, презирают трамвай и его публику.

Разумеется, это — комическое явление. Но фельетонист, с своим презрением к кинематографу, умудрился поставить себя в еще более, чем это, комическое положение.

Он обличает „Пегас“, торжественно указывая, что его издает акционерное общество „А.Ханжонков и К“.

— Вот в чем дело! Тут-де не искусство, а коммерческое предприятие.

Ну, да! Издает акционерное общество. Что же из этого следует?

Ни на одну минуту никто не думал этого скрывать, а, наоборот, черным по белому, где следует написали. Кто и не знал, так пусть знает!

Т-во „И.Д.Сытин и К“ издает „Русское Слово“. Следует ли отсюда вывод, что газета исключительно преследует коммерческую сторону предприятия И.Д.Сытина?

„Утро России“ издает владелец банкирского дома. Следует ли отсюда, что газета заботится лишь об интересах банка?

Каждый театр, каждое издание, каждая выставка картин непременно имеет коммерческую сторону, если, конечно, это здоровое, жизненное предприятие, а не каприз какого-нибудь мецената. Но коммерческая сторона отнюдь не мешает художественным достижениям.

Совершенно в таком же положении находится и фабрика кинематографических картин.

Если фабрика предприняла издание в целях искать пути к лучшим художественным достижениям, то что же тут такого позорного, чтобы кричать и тыкать пальцем: смотрите, смотрите!..

Иное дело, если вы, разбирая по существу содержание журнала, докажете, что он толкает кинематографию, ради материальных выгод, на ложные, антихудожественные дороги.

А пока это не сделано, нет никакого смысла в презрении, каким поспешил нас подарить фельетонист.

Остается лишь предостеречь его:

Друг, ты стоишь на рогоже,
а говоришь как с ковра...

На базе презрения по отношению к „Пегасу“ поступил и один из театральных журналов. Говоря о нашем литературном отделе, рецензент этого журнала взял в „лапки“ слово „литература“.

Мы имеем вполне определенную цель: искать новую литературную форму для кинематографа. Нисколько не стремясь выдавать печатаемые нами произведения за образцовые, мы думаем, однако, что даже вне преследуемой нами цели произведения эти не заслуживают глумления. Связанные же с намеченною целью, они приобретают огромный интерес.

В Москве в настоящее время ежемесячно выпускается в свет кинематографическими фабриками свыше 50 пьес, и они распределяются по сети, покрывающей всю Россию и состоящей из 2500 кинотеатров. Подумайте только: в гигантскую живую книгу для соборного чтения ежедневно двумя миллионами людей артисты и художники записывают романы, повести, драмы, новеллы, комедии... Все русские журналы, вместе

взятые, не дают такого количества беллетристики, какое дает кинематография. И не имеют столько читателей.

До сих пор кинематографическое творчество протекало в подозрительной тени. Автор кинематографических произведений, как тать, скрывал в темноте свое лицо. Режиссер в свою очередь скрывал содержание произведения от артистов, заставляя их играть так, как он расскажет и подскажет. Все, словом, делалось в таких условиях, будто люди темною ночью кого-то грабили.

Отчасти это и было:

— Грабили сокровищницы литературы.

„Пегас“, поставив себе в ряду других задач — задачу о выработке литературной формы для кинематографа, решил все тайное в этой области сделать явным. Вместо того, чтобы печатать, как это стало обычаем, либретто картин, он дает на своих страницах место сценариям, по которым картина ставится.

Читатель получает возможность оценивать замысел автора, независимо от творчества режиссера и игры артистов.

Да что читатель! Будем говорить откровенно: писатель получает возможность уяснить себе, как надо писать для экрана. Среди русских писателей, начиная от Леонида Андреева и кончая хотя бы г-жою Наградской, нет ни одного, кто не пытался бы писать для экрана. И между тем мы не знаем еще произведения, о котором можно было бы сказать, что оно представляет собою образцовый сценарий.

В литературе в данное время, быть может, нет задачи более насущной, как найти форму кинематографического сценария. Поэтому-то мы ей и отдали свое внимание.

И нас нисколько не смущает, что кто-то презрительно хихиканьем встречает это начинание. Сегодня хихикает, а завтра, уяснив себе всю важность выдвинутой нами задачи, примется за работу с нами вместе, рука об руку.

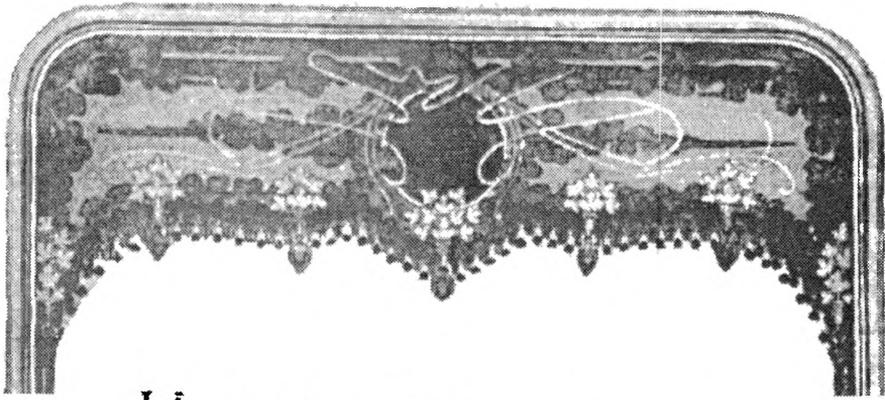
Если это случится (а оно непременно случится), мы не будем хихикать. Никогда не было на свете так, чтобы все сразу проникались верою в новое явление.

Скажу лично о себе: не так давно я не представлял, чтобы кинематограф имел большее значение, чем... ну, хотя бы граммофон, и я с легким сердцем не заглядывал в кино-театры. Искание в области театра, который я любил и люблю горячо, толкнули меня к кинематографу. И я, к своему удивлению и восхищению, нашел там многое из того, что тщетно искал на сцене театра.

Никандр Туркин

„Пегас“, 1915, №2, с. 78-79.

Кинематография.

Новыя постановки

Вс. Мейерхольд испробовал свои силы в кинематографии постановкою „Дориана Грея“ Оскара Уайльда.

Многое в созданной им картине надо признать удачным, но в общем г.Мейерхольд оказался не тем режиссером, в котором нуждается и которого ждет кинематография.

Хотя в театральных кругах г.Мейерхольд слывет крайним левым, но по существу являются скорее крайним правым, так как проповедуемая им стилизация всегда сбивалась и сбивается на путь старой театральщины, где красивой позе часто предпочиталось все другое. Именно этой театральщины кинематографу и не надо.

В старое время любили поручать юношеския роли в водевилях и комедиях женщинам. Это придавало интерес спектаклям, сообщая им некоторую пикантность. Существовало даже женское ампула на роли юношей.

Современный театр похоронил это ампула, справедливо находя, что оно не отвечает требованиям художественной правды.

Вс.Мейерхольд, всегда мало считающийся с художественной правдой, поручил роль Дориана женщине (г-же Яновой). Он достиг этим своеобразного и неожиданного эффекта. Его работою восхищаются теперь так:

— Смотрите, смотрите как носит фрак г-жа Янова! И как отлично курит! Молодец Янова!..

О Дориане забыли, а все следят лишь за муштровкой, какую учинил г-же Яновой Вс.Мейерхольд. Разве это было целью г.Мейерхольда?

Другую крупною ошибкою г.Мейерхольда было то, что он допустил г-на Мейерхольда выступить в роли лорда Генри.

В г.Мейерхольде не только лорда Генри, но никакого лорда нельзя почувствовать.

Немудрено, что опереточный Дориан и выдающий себя за лорда Генри г.Мейерхольд не могли в первых картинах захватить внимания зрителя, и оно было отдано артисту, прекрасно исполняющему роль художника. Второй персонаж затмил первые.

В картине не чувствовалось Англии. Все тонкие штрихи, все искры блестящего таланта Оскара Уайльда были смазаны и пропали. Плохая игра актрисы и убийство Дорианом художника, такие ясные в романе, стали в картине трагическими провалами.

Таковы результаты опыта Вс.Мейерхольда, если предъявить к ним требования с той серьезностью, какая требуется положением „Портрета Дориана Грея“ в мировой литературе и положением Вс.Мейерхольда, как режиссера Александринского театра.

Но если подойти к картине с обычной меркою и рассматривать ее, независимо от произведения Оскара Уайльда, то надо признать:

— Картина подкупает и занимает внимание зрителя тем, что в постановке не чувствуешь кинематографической рутинности. Есть сцены, где в группировке и освещении видна рука чуткого художника.

Последнее для Вс.Мейерхольда — необычно, но это объясняется тем, что совместно с г.Мейерхольдом работал над постановкой талантливый художник г.Егоров.

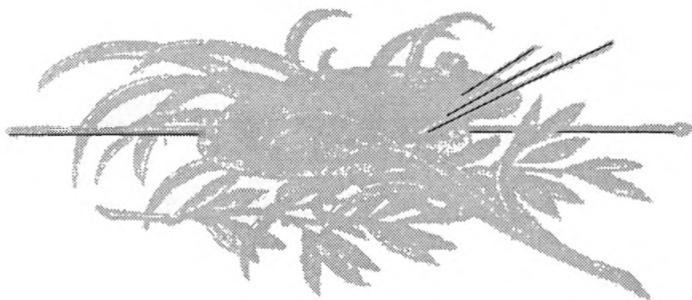
Очевидно его увлечением в сторону живописи надо объяснить ряд совершенно ненужных сцен, как например, силуэты во время позирования Дориана.

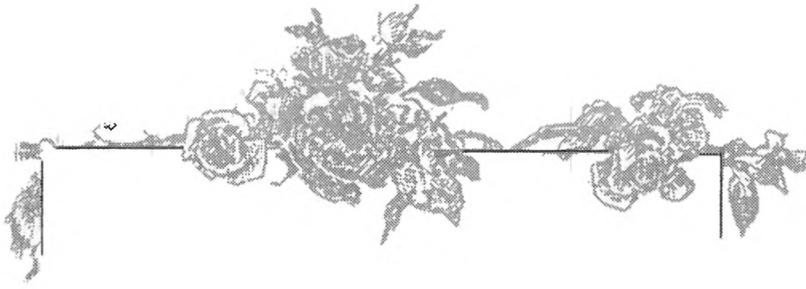
К наивным и смешным промахам режиссуры относится помощь, какую оказывал невидимый дух Дориану, каждый раз как он накидывало покрывало на портрет.

Очень удачно дана стилизация театра. В этом великолепном художественном штрихе сверкнула искра режиссерского таланта.

Гранитов

„Перас“, №1, 1915, с. 94-95.

Смерч любовный

Трагический рассказ

1.

Одиннадцать часов вечера. Грязная глухая улица. Распахивается дверь ночной чайной, какие-то подозрительные типы выталкивают Моника, осыпая ее ругательствами и побоями. Моника отвечает криками, плачем и бранью. Платок у нея свалился, пальто разстегнуто, вся она растерзана, смята, может быть, даже слегка пьяна. Ея черные волосы полураспустились, черные, огромные глаза полны бешенства, ненависти и бессильного возмущения.

Моника — красива, тонка, гибка, похожа на итальянку или цыганку. Она — порыв и горение. Умеет ненавидеть, умеет любить. Костюм на ней — костюм проститутки. Все случайное, перекупленное и с претензией.

Пока Моника получает новые побои, сюда идет быстро и тяжело Филипп. Это человек лет 35, огромной физической силы, угрюмый, подозрительный, замкнутый. Он таит родник

нежности под грубой, дикой внешностью. Он в костюме рабочего.

Видя мужчин, бьющих Моника, он бросается защитить ее. Ему легко удается растолкать их и освободить Моника.

Мужчины скрываются обратно в чайную. Сюда приближается ночной сторож. Моника плачет, Филипп переминается, он теперь смущен собственной смелостью.

— Ну, не плачь... забудется, — говорит он.

Сторож кричит:

— Проходите... проходите!..

Моника и Филипп скрываются в темноту.

2.

Филипп и Моника остановились около ворот. Здесь живет Моника. Это тоже глухая, подозрительная улица. Свет фонаря заливает Моника. Она уже, видимо, успокоилась. Платок у нея перевязан по-иному. Дергая концы его, она смотрит виновато и доверчиво на Филиппа.

— Зайди ко мне, Филипп...

обогреемся...

Филипп колеблется. Потом соглашается. Входят в ворота, исчезают.

3.

Комната Моники. Подвальный этаж. Одно окно. Белый занавес. Узкая кровать с двумя большими подушками. Умывальник (жестяная подставка под тазом). Шкапа нет. Платье висит на стене и прикрыто простыней. Маленький столик, на котором зеркало, дешевая косметика, флаконы от одеколона. Стулья. Корзина. На стене неизбежные открытки. Филипп вошел и от смущения потерял совсем способность говорить. Моника повеселела, сбросила пальто, платок и стала вдвое красивее. Платье у нея на груди растерзано, она не замечает.

— Пусть Филипп садится.

Она берет с окна свертки, спиртовку. Она хочет угощать. Но Филипп взволнован.

— Нет, нет, он ничего не хочет... Он уйдет...

Моника ждет обычного, — она изумлена. Она смотрит на него во все глаза.

— Разве я тебе не нравлюсь? — спрашивает она.

Он отвечает:

— Мне от тебя ничего не нужно... приходи завтра к моему хозяину — я тебя устрою...

— Ну, приду... — соглашается Моника. Она тоже смутилась.

Они простились сейчас же, за руку. Филипп вышел. Моника выглянула за ним, вернулась. Она накинулась жадно на еду, но думает все о случившемся. Потом она отодвигает рукава блузки, смотрит на свои руки в синяках и, продолжая есть, горько плачет.

— Будь они прокляты!!

4.

Студия скульптора Горскаго. Двенадцать часов дня.

Студия — очень большая комната с венецианским окном. Глыбы мрамора, начатые статуи, бюсты. В глубине оконченные вещи. На стене лепные украшения, барельефы, которых сейчас кончает один из учеников. Между потолком и полом в студии есть нечто роде висячего, широкого балкона. Там стоят статуи, вазы, старья ширмы и пр. Проведено электричество. Есть телефон. Железная печь.

Совершенно неожиданно для зрителя обставлен один из углов студии. Обито коврами, широкий диван со множеством подушек, тут же столики с какими-то альбомами, гравюрами. В этом уголке скульптор отдыхает и завтракает.

Павел Горский, в синей блузе, сейчас лепит какой-то бюст по памяти. Филипп принес глину. Ушел. Вернулся с каким-то барельефом, положил, ушел. У него особенно сосредоточенный вид.

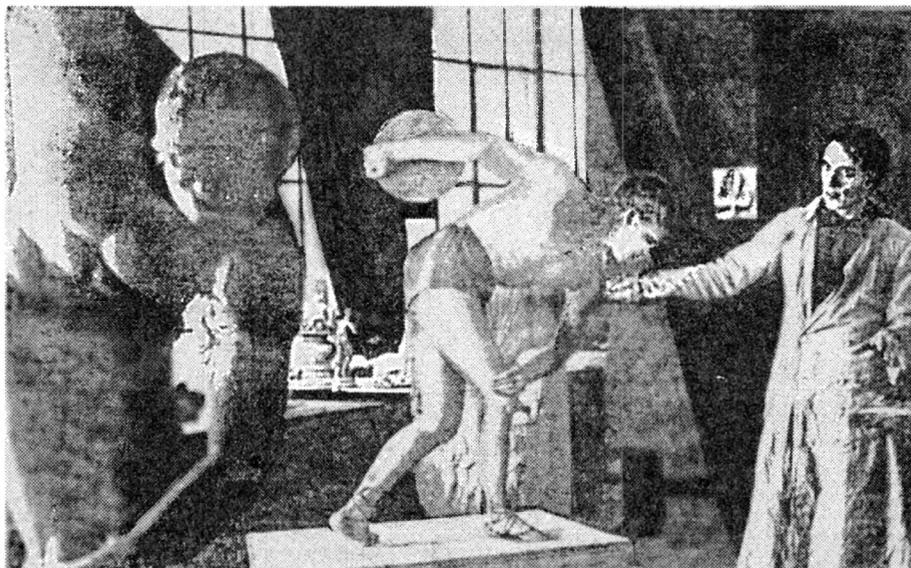
Горский — это человек лет 40. Он высок, хорошо сложен, у него умное, немного холодное и насмешливое лицо, брюнет с проседью. Брит. Одевается изысканно и не подчеркивает своего причастия к искусству длинными волосами, бархатной блузой. Он предан искусству, как истинно-талантливый человек. До сих пор женщина была для него забавой.

Стук в дверь студии.

— Войдите!

Скульптор не смотрит. А ученик, который работает над барельефом, оглянулся. На пороге студии показывается Томаш. Он останавливается и, не двигаясь с места, смотрит на Горскаго.

Томаш — высокий, красивый

юноша с мечтательными глазами. Он — нежен, женственен, как и его душа. Это фанатик, идеалист, мученик искусства в будущем. Одет он почти бедно. Сейчас он мнет мягкую, широкую шляпу, и во всей его позе — невыразимое смущение. Вероятно, от волнения у него выступил холодный пот. Скульптор поднимает голову.

— В чем дело, мой мальчик? — спрашивает он добродушно.

У Томаша нет почти звука.

— Я Томаш Мрочек... я хотел бы быть скульптором, — бормочет он.

Жест веселой иронии у Горсаго. Он остановил работу, подозвал Томаша.

— Ты принес что-нибудь с собою?

— Да, учитель...

— Можешь показать.

Томаш вышел на минуту за дверь, скульптор улыбается, скоро Томаш вернулся со свертком. Это крошечная, голая женщина, без рук. Скульптор берет ее. Он серьезен, его пальцы как бы ласкают глину. Он доволен. Проницательный взгляд на Томаша.

— Оставайся... ты можешь работать, — говорит он.

Вздых облегчения у Томаша. Минуту можно подумать, что он лишится чувств. Скульптор возвращается к своей работе. Томаш снимает пальто, кладет в сторонке. Он подходит к глине. Теперь кажется, что Томаш всегда был здесь.

Дверь студии отворяется. Это Филипп и несколько натурщиц. Среди них Моника.

Моника — вся в черном. Тщательно причесана, в шляпе. Остальные натурщицы кажутся пред нею горничными.

Скульптор, Томаш и ученик все смотрят. Скульптор спрашивает, как всегда, каждую — где позировала, сколько получала? Моника спокойно рассматривает скульптора, ждет своей очереди. Скульптор выбирает старуху и советует Томашу заняться ею. Потом он обращается к Монике. Те же вопросы, но другим тоном, внимательным.

— Очень хорошо. Оставайтесь...

Филипп наблюдал за этой сценой напряженно. Натурщицы уходят. Филипп и ученик тоже скрываются в дверь, которая ведет в помещение для рабочих. Скульптор Горский шутит с Моникой. Она снимает

шляпу, пальто, готовится позировать.

5.

Внешний вид студии Горсаго. Из ворот выходит Моника. Ее догоняет Филипп. Она поднимает голову. У него — широкая, счастливая улыбка. Он догнал ее, как был в студии, т. е. в блузе, без шапки и пальто.

— Ну что, ты довольна?

Он как-то смешно, неуклюже хочет взять ее за руку. Она отшатывается и очень холодно, резко, решительно:

— Не сходи с ума, Филипп!..

Он мгновенно преображается. Упавшим голосом он замечает:

— Прости меня...

Без злобы, уже совершенно дружески, Моника кивает головой и уходит. Филипп, растерянный, огуленный, смотрит ей в след.

6.

Спальня скульптора Горсаго. Часов восемь вечера. Мебель светлая, английская. Ничто не напоминает здесь художника в узком смысле. Это просто спальня светского человека.

Горский в смокинге, с белой орхидеей в петлице, стоя, душит себе руки. Сейчас он уедет в свой театр. Он очень интересен. Стук в дверь. Появляется молодой лакей, красивый, слегка наглый.

— Барина спрашивает барышня...

Легкое недоумение Горсаго. У лакея — еле заметная усмешка.

— Хорошо, сейчас.

7.

Гостиная Горсаго. Большая, нарядная комната, тот же английский стиль.

Стот Моника. Она в состоянии подавленности. Вероятно, она уже жалеет, что пришла. Появляется Горский. Во взгляде — удивление, недовольство. У нея смелость отчаяния, шаг вперед, вопрос в глазах, виноватость, и кажется, что

она расплчется. Горский понимает и знает, что она ему скажет. Он смягчается, целует ее руку, уже не как скульптор натурщице, а как мужчина.

— Это немного неосторожно с вашей стороны, Моника, — говорит он.

Вся в слезах, она обнимает его. Тогда, побежденный этим порывом, он тихонечко увлекает ее в другую комнату.

8.

Та же спальня. Горский сидит на одном из полукресел и качает у себя на коленях Моника. Он относится к ней очень легко — теребит ее распущенные волосы, тормошит, целует. Насколько в ее туалете заметен беспорядок, настолько он остался прежним. Он даже не смял своей орхидеи. Внезапно он спускает ее с колен.

— Ну, ему все-таки пора... он пойдет.

Моника торопится поправиться. Она садится к зеркалу. Горский отпирает свой маленький столик, берет деньги, ассигнации. Он возвращается к Монике, закидывает ее головку, целует ее очень долго и в то же время сует ей деньги за корсаж.

9.

Студия Горсаго. Часа два дня. Работа в полном разгаре. Горский лепит Моника. Томаш — какого-то юношу. Ученики возле барельефа.

Входит разсылный-телеграфист. Он принес телеграмму для Горсаго. Горский вскрывает ее. Томаш расписывается и платит разсылному. Разсылный уходит. Горский, пробегая телеграмму, говорит:

— Я должен буду уехать по делам, дети...

Движение у Томаша и Моника.

Настроение сразу падает. Горский заметно тронут. Ну, ну, без трагедий... Он оставляет работу, моет руки, снимает халат. Моника мрачно следит за ним. Он не обращает внимания. Потом общий поклон. Горский ушел.

10.

Студия Горскаго. Томаш, ученики, натурщик уже ушли. Моника тоже сейчас уйдет. На ней ея шляпа с эспри, котиковое манто. Она натягивает перчатки.

Входит Филипп. Он начинает убирать студию, делая вид, что не замечает Моника. Она говорит ему с усмешкой:

— Уехал наш барин...

Филипп молчит. Моника медленно уходит из студии.

11.

Купэ первого класса спальных вагонов. Двенадцать часов дня. На сетке саквояж.

Горский возвращается к себе домой. Сначала он читает газету, потом бросил, закурил, задумчиво смотрит в окно на бегущий пейзаж. Настроение у него спокойное, он думает о студии, делах, заказах.

12.

Поезд остановился. Небольшая станция. В окне вагона виден Горский. Он смотрит на перрон.

В тот же вагон идет Викта Налковская, сопровождаемая носильщиком. У носильщика ея большой чемодан. Викта — полная, интересная, изящная женщина. В сущности, она незначительна, труслива, лжива, но она женственна, хорошо воспитана, осторожна. Она непрочь погрешить, но своей репутацией дорожит больше всего на свете, следы умеет замечать.

Она встретилась глазами с любопытным взглядом Горскаго, подчеркнуто смутилась.

13.

Поезд тронулся. Около окна, в коридоре вагона, стоит Викта. Она болтает с Горским, кокетничает умело и по-светски. Потом они входят в купэ. Горский явно заинтересован.

14.

На другой день. Утро. Поезд остановился. Викта и Горский уже одеты для выхода на перрон. Викта испугана, суховата. Она умоляет Горскаго:

— Если вы уважаете меня немного, вы не станете следить за мною...

Горский потерял голову. Он закликает ее, целует ея руки. Она почти сердится.

15.

Поезд остановился. Носильщики вступают в вагон. Общий поток людей.

Викта и Горский вышли из вагона. Викта сразу узнает в толпе гвернантку и сына, мальчика лет 8, какие-то еще домашния лица.

Она умышленно порывисто, не оглядываясь на Горскаго, бросается к этой группе. Сынишка виснет у нея на шее, другие говорят в один голос, и пр. Викта уходит с ними, по-прежнему не оглядываясь.

Горский наблюдает эту сцену с глубокой горечью. Потом медленно идет к выходу.

16.

Студия Горскаго внутри. Томаш лепит, как всегда. Моника валяется на диване. Она болтает с Филиппом, как с равным. У Филиппа в руках молоток для колки мрамора. Несмотря на сдержанность Филиппа, чувствуется, как он обожает Моника.

17.

Горский подъехал к студии на извозчике, расплатился, вошел в ворота.

18.

Студия Горскаго внутри.

Входит Горский. У него натянутая улыбка, он неестествен. Он хочет быть ласков, как всегда, и не умеет скрыть своей озабоченности. Томаш счастлив видеть учителя. Моника вскочила с дивана, то бледнеет, то краснеет. Он пытается пошутить с нею. Кивнул головой на угрюмый поклон Филиппа. Потом, как бы встряхиваясь, пересиливает себя и принимается за работу, надевает халат, спрашивает Томаша, как и что было без него, снимает влажные тряпки с бюста.

Филипп ушел. Томаш лепит. Горский тоже. Моника села. Она тайно взволнована, следит за Горским. Потом с видимым усилием позирует Горскому.

19.

Внешний вид студии.

На автомобиле подъехал гражданский инженер Налковский и члены комиссии. Инженер, плотный мужчина лет 40, незначительный, веселый, простой. Носит бородку, усы, громко смеется, громко говорит, в общем, добрый малый. Они все вышли из автомобиля, позвонили у ворот, потом вошли и направились к студии.

20.

Студия Горскаго внутри.

Инженер и комиссия рекомендуются Горскому.

— Инженер Налковский... очень счастлив.

Горский принимает их любезно, но с достоинством. Моника ушла и села на диван. Томаш продолжает работать. Мужчины разглядывают кругом, курят, говорят.

— Городская управа предлагает вам этот заказ... — доносится до Моника.

Она как-то машинально улыбнулась инженеру. Инженер, пользуясь тем, что Горский показывает какие-то орнаменты, приближается к Монике. Болтовня. Моника чувственно волнуется инженера.

Приближается Горский. Инженер снова деловит. Обмен визитными карточками. Инженер говорит:

— Я принимаю каждую среду... буду рад видеть вас своим гостем...

Рукопожатия. Мужчины уходят. По знаку Горскаго работа в студии прекращается.

21.

Горский хочет уже уходить, одет. Моника подавлена, испугана его холодным видом. Страдает, волнуется. Делает попытку приласкаться к нему.

— Ты недоволен, Павел?

Ему скучно.

— Без сцен, милая... прошу тебя...

И уходит. Она осталась, терзаемая сомнениями. Входит Филипп. Моника говорит ему:

— Он разлюбил меня, Филипп... ты видишь?.. сегодня или завтра он прогонит меня, как собаку...

Филипп неуклюже пытается ее утешить. Он уверяет ее:

— Пока я жив, Моника, тебя никто не посмеет обидеть.

Смеркается. Студия кажется особенно унылой.

22.

Через несколько дней. Очередной журфикс в доме инженера. Столовая. Много дам, мужчин, молодежи. Инженер говорлив до чрезвычайности. Викта нарядна, мила, весела, болтает с дамами. Около нея жметесь ее сын. Им все восторгаются. Мальчик, видимо, избалован, капризен, болезненно-привязан к матери, не по годам

впечатлителен. Традиционная бархатная куртка, кружевной воротник, локоны.

В столовую входит Горский. Первое, что он увидел и всем своим существом почувствовал, — это Викта, пассажирка первого класса. Он сильно бледнеет, но не теряет самообладания, только на секунду прикрыл глаза, как от сильной боли. Викта близка к обмороку. Инстинктивно она крепко обнимает и прижимает к себе сына, словно ища защиты.

Инженер торопится к Горскому. Представления, поклоны. Разговор продолжается. Ребенок следит за гостем недружелюбно. Горский рассеянно берет чашку чая, отвечает на какой-то вопрос инженера, но он словно в бреду.

23.

Угловая маленькая гостиная в доме инженера.

Горский и Викта скользнули сюда. Горский обнимает Викту, осыпает ее поцелуями, спрашивает, когда они увидятся. Викта говорит:

— Я приду к тебе в студию... это безопаснее...

Портгера дрожит, раздвигается, появляется голова ребенка. Он увидел свою мать в объятиях Горского и скрылся.

24.

Детская. Светлая, нарядная, банальная комната.

Мальчик рыдает, уткнувшись в подушки. Входит Викта. Изумление, испуг.

— Леось!.. милый!

Бросается к нему. Она обнимает его, спрашивает, допытывается. Он охватывает ее шею руками:

— Я не хочу, чтобы ты любила нового дядю...

Потрясенная, она утешает мальчика. Обещает сыну:

— Хорошо, Леось... хорошо...

25.

Студия скульптора. Часа два дня.

Горский один. Он без обычной блузы, просто темный элегантный костюм. В уголке студии, где диван, очень нарядно сервирован завтрак, стоят живые розы. Горский, насвистывая арию — “Сердце красавицы полно измены” — ходит, то туда то сюда, в сущности без дела. Настроение у него радостное. Он ждет Викту.

26.

У ворот студии Филипп. Курит. Мрачен, как грех. Сюда на извозчике подъехала Моника. Очень красива, оживлена. Он нехорошо усмехнулся. Кричит:

— Хозяин не велел никого пускать в студию. Поворачивай обратно!

Моника сражена. Она отпустила извозчика. Подошла к Филиппу. Разспрашивает. Лениво он пропустил ее в ворота. Он думает: погибла девка! Курит, сплевывает, думает.

27.

Студия скульптора. Спокойно по внешнему виду и легко вошла Моника. Она даже торжествует.

— Ага, вот какое великолепие!.. Я застала на месте преступления. — Ей смешно.

Горский смутился.

— Каким образом? — спрашивает он.

— Да так... я без денег... — жмет она.

Он лезет за бумажником. Она села, болтает ногой, ведет себя развязно. Взяла деньги, засмеялась, смотрит.

Горский не может найти подходящего тона.

28.

К воротам студии, где стоит Филипп, подъехал извозчик. Вышла

Викта (З.Ф. Баранцевич) и Горский (В. А. Полонский)

Викта. У нея вид такой, словно она приехала с визитом. Обратилась с вопросом к Филиппу, как пройти в студию?.. Он повел...

29.

В студию вошла Викта, провожаемая Филиппом. Она подняла вуаль, улыбается.

Горский, не видя Викты, ссорится с Моникой. Моника в одном из припадков ярости. Она вульгарна, груба и жалка. Увидя Викту смолкает. Она оценивает соперницу. У нея злая усмешка.

— Так вот для кого ее променяли... Ну, не страшно.

У Викты сразу холодное лицо, незначая улыбка, легкий поклон... Горский целует ее руку, как светский человек. Филипп следит за всеми напряженно и тоскливо. Моника собирается уходить.

— Завтра сеанс в двенадцать?..

— Да, да, — и Горский занимается Виктой.

Моника и Филипп ушли. Викта начинает нервно смеяться. Они обнимаются.

30.

Моника вышла из студии, прошла бессмысленно двор, вышла на улицу. За нею мрачный Филипп. Она говорит:

— Ведь это жена инженера Налковского... Ах, негодная! — Моника плачет. Филипп отвечает, смотря в сторону:

— Не твое дело, а мужа.

Моника понимает. Она смотрит на Филиппа.

— Так значит, донести мужу?...

Это выход.

И у обоих вздох облегчения. Они идут со двора, как соучастники.

31.

Кафе Бартельс. Все почти столики заняты. Преобладают мужчины.

Пришла Моника — на ней новая

шляпа, новый костюм. На нее обратили внимание. Села к столику, взяла карточку, заказала, сняла перчатки, напряженно посматривает в дверь. Входит инженер Налковский. У Моника вызывающая улыбка, красноречивый взгляд. Тот идет к ней, по дороге кланяется то одному мужчине, то другому, вид смущенный, ему неприятно, что его видят с Моникой. Поздоровался с нею за руку, сел неловко, вот-вот уйдет.

— Что это вам вздумалось писать мне? — говорит он.

Моника смеется.

— А все-таки пришли?.. Любопытно?.. У меня к вам дело.

Несколько минут она мучает его. Потом говорит:

— Ваша жена изменяет вам с моим любовником. Хотите доказательства? Поедьте со мною в студию.

Инженер бледнеет, краснеет, вытирает холодный пот. Соглашается. Моника сейчас же уходит. К инженеру подходят мужчины.

32.

Шесть часов вечера. Из ворот студии скульптора вышли и ушли гурьбою рабочие. После паузы прошел и Томаш, как всегда мечтательный, рассеянный. Филипп вышел и стоит у ворот, курит по обыкновению. Подъехал автомобиль. Из него быстро, угрюмо показались — инженер и Моника. Им почтительно поклонился Филипп, бросил папиросу, пошел за ними.

33.

Студия скульптора. Филипп подставил лестницу к тому широкому, висячему балкону, который занимает часть студии. Инженер влез туда по лестнице. Он пытается шутить, жалуется на пыль,

Моника (В. А. Каралли) и Инженер (г. Мартынов)

уселся удобно и прочно. Его уже не видно. Филипп унес лестницу. Моника нервничает, минуту даже как будто ей хочется остаться здесь. Потом ушла в помещение для рабочих, что за студией.

34.

Помещение для рабочих. Здесь Филипп и Моника. Несколько слов друг другу. Потом Филипп открыл дверь ей в какой-то чуланчик.

— Спрячься.

Сам вышел.

35.

В студию по двору идут Викто и Горский. Филипп отворяет им дверь, остается внутри, пойдет на черный ход.

36.

В студии Викто и Горский. Они продолжают чему-то смеяться. У Горского совершенно преобразенный, счастливый вид. Он толкает дверь в помещение рабочих.

— Заперта.

Потом запирает дверь, в которую они вошли сами, вынимает штепсель. Возвращается к Викто, помогает ей раздеться. Они сели, болтают, целуются.

— Ты мало любишь меня, — говорит Горский. — Почему тебе не уйти ко мне открыто?

— А мой ребенок?.. Он ненавидит тебя, — отвечает она.

37.

Инженер наверху прошел все гаммы настроений — от волнения, испуга, любопытства, ужаса, и до самой дикой ревности. Несколько раз он порывался крикнуть, но молчит.

38.

Горский и Викто уходят из студии.

39.

Горский и Викто около входной двери встречают Филиппа. Филипп

с поклоном пропускает их.

40.

Студия внутри.

Филипп подставил лестницу инженеру. Инженер слезает. Он бледен, трясется, жалок.

— Гнусность... шпионаж... как я мог... как я мог... — думает он.

Он предлагает деньги. Филипп не смотрит. Моника пожимает плечами. Она кричит в лицо инженеру:

— Трус! Трус!..

Инженер убегает.

41.

Конец улицы, по которой прошли от студии Горский и Викто. Горский спохватывается.

— Я забыл свой бумажник, — говорит он.

Викта недовольна. Она торопится. Тогда он сажает ее на извозчика и возвращается в студию.

42.

Студия внутри. Филипп и Моника. Входит Горский.

— Как?.. Здесь Моника? Что она делает?.. Кто позволил?..

Взрыв бешенства. Моника кричит ему:

— Ты не отделаешься от меня так просто!

Горский приходит в изступление. Он бросается на Моника.

— Девка!.. вон!

Филипп делает угрожающий шаг к Горскому. Вся ненависть приливает к его лицу. Горский опомнился. Быстрыми шагами он подходит к дивану, находит и бьет свой бумажник, уходит, замечая Филиппу:

— Я приказываю тебе... гнать ее, гнать и гнать... я сыт по горло.

Хлопнув дверью, ушел.

43.

Моника и Филипп остались одни. Моника подошла ближе к Филиппу, положила ему руки на плечи.

Моника (В. А. Каралли) и Филипп (И. Н. Невядомский)

— Любишь ли ты меня, Филипп?

Кивок головы Филиппа. Он смертельно бледен.

— Убей его!

Это “убей” она, вероятно, кричит, вбивает ему в голову. Она целует много-много раз Филиппа, смеясь и плача, и все повторяя:

— Убей!..

44.

Инженер подошел к подъезду своего дома.

45.

Инженер в передней. Горничная снимает с него пальто.

— Барыня дома?

— Да, барин.

— Одна?

— Одна.

46.

Инженер проходит в детскую. Мальчик пускает мыльные пузыри. Отец берет его к себе на колени. Мальчик затихает. Отец молча и долго ласкает его. Потом с судорогой в горле он говорит:

— Идем к маме, Леось.

Уходят.

47.

Будуар Викты.

Инженер с сыном входят. Викта, полулежа, читает роман. Увидев лицо мужа, она пугается. Он умоляющим жестом берет ее руки и кладет себе на лицо.

— Мы оба виноваты друг перед другом!

Потрясенная, она обнимает его.

— Клянусь тебе, клянусь, я не вернусь больше к Горскому!

48.

Восемь часов вечера. Помещение для рабочих. Моника в большом черном платке, сторбленная, мрачная, сидит в углу. Часто она вздрагивает.

Филипп показал ей молоток, которым колют мрамор, и вышел.

49.

Студия. Горский нервно, страстно работает. Чувствуется, что он забыл все на свете. Он стоит спиной к двери из помещения для рабочих. На пороге появляется Филипп.

Горский не поворачивает головы, не слышит. Он обмакнул руки в ведро воды и снова лепит. Филипп приближается.

— Барин, я нигде не могу найти фриза...

Горский не поднимает головы, не глядит. Пауза. Наконец, он кидает:

— Поищи в сарае, Филипп.

— Я искал, не нашел...

Горский нетерпеливо бросает работу.

— Ступай... я приду сейчас в сарай.

50.

Филипп вышел из студии, у него фонарь. Он вошел в сарай, стал между двумя статуями, фонарь поставил за статуями и вынул молоток.

51.

Студия. Горский продолжает работать. Отворяется дверь студии со двора. Показывается Томаш.

— А, Томаш...

Горский очень рад. Он кричит ему:

— Томаш, найди фризы Филиппу... он пошел в сарай...

Томаш отвечает радостно:

— Я иду, учитель...

Уходит, предварительно бросив шляпу и пальто на стул.

52.

Томаш идет в сарай, живо, насвистывая. К нему ласкается собака. Он гладит ее по голове, почти бежит.

53.

Томаш показывается на пороге сарая. Отделяясь от статуй, Филипп делает шаг вперед и сильным ударом

молотка в висок убивает Томаша. Потом он снова отодвинулся назад и продолжает конвульсивно махать молотком, закрыв глаза.

54.

Филипп осветил фонарем труп Томаша. Томаш лежит ничком. Филипп узнал его.

В немом ужасе он погладил белокурые волосы убитого, тронул его воротник. Потом он раздражается плачем. Бесильная, беспомощная слезы. Снимает с себя кушак. Идет в глубь, привязывает к гвоздю кушак, делает петлю и вешается в темноте. Фонарь продолжает освещать труп Томаша.

55.

Помещение для рабочих. Моника сидит, выжидает дальнейшего.

Ей то холодно, то жарко. Она уже сбросила платок. Ее пугает все — вплоть до собственной тени на стене. Она чутко прислушивается. Наконец она решилась. Она идет в студию, желая пройти во двор, уверенная, что студия пуста.

56.

Студия. Моника вошла и содрогнулась от испуга.

Горский застыл перед своей вещью в экстазе, — у него добрая, почти нежная улыбка. Он доволен работой, он чувствует необыкновенный подъем духа.

Вдох Моника, шелест ее платья... Он поднял глаза. Он слишком поглощен работой, чтобы чему-нибудь удивиться. Наоборот, он даже рад.

— А, это ты, Моника...

Она цепенеет еще больше. Вся жизнь уходит у нея от его голоса. Он замечает ее состояние, он тронут, ему жаль ее. Он идет к ней, привлекает ее к себе, он целует ее глаза, он увлекает ее к статуе, говоря:

— Посмотри, Моника... ведь это

вовсе не так плохо...

Моника бормочет что-то бессвязное. Он встревожился.

— Что с тобою, дитя?..

У нея стучат зубы.

— Там... там...

Горский хочет успокоить ее. Она вырывается, бежит с плачем к сараю.

57.

Горский остается в студии. Он недоволен.

— Эти женщины так утомительны...

Он продолжает лепить... чей-то не то стон, не то вздох... Он оглянулся... никого нет... Он вспоминает голос Томаша — “я иду, учитель”...

Горского охватывает внезапная жуть. Он кладет резец. Он чутко прислушивается. Со двора доносятся явственно вопли Моника. В Горском просыпается все его хладнокровие. Он смело идет во двор.

58.

Горский во дворе студии. Он выбежал поспешно, еще не привыкший к темноте, не понимает, где, собственно, кричат, плачут, смеются. Как бы ошупью, он идет к сараю.

59.

Сарай. На земле труп Томаша. Над ним Моника. Она хохочет, плачет, кричит в иступлении.

Вошел Горский.

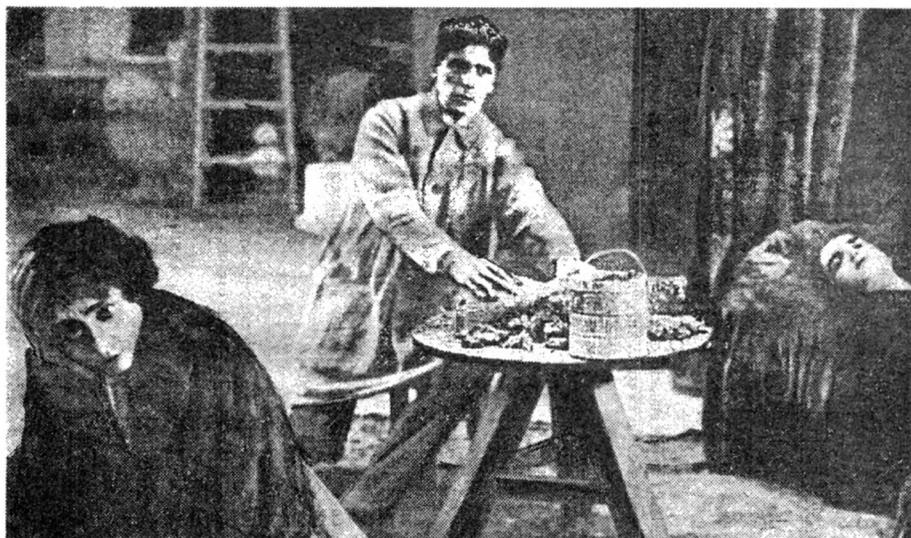
— Что случилось? Кто здесь?

Быстрым жестом он хватает фонарь, освещает труп... Он потрясен — в это мгновение как человек. Другое мгновение: он потрясен как скульптор.

— Какая голова... Какое красивое, скорбное лицо...

Он поставил фонарь и успокаивает Моника, кладет ей свою руку на губы, глаза.

— Тихо... Тихо...

Моника, Горский и убитый Томаш

У Моника реакция внезапная, как у истерички. Она стихла. Он говорит ей:

— Помоги мне...

Сейчас они вынесут труп.

60.

Студия. На диване труп Томаша. Горский лепит с него голову. Это самая высшая точка творческого экстаза Горского. Он как бы вырос. Без сомнения, у него нервное, почти истерическое самообладание. Художник одолел человека. Моника уснула мертвым сном, как пьяная, на заднем плане. Свернулась. Похожа на мешок.

61.

Студия залита утренним розовым светом. Горский кончил работу. Он отрезвился. Глубоко потрясенный и сознавая свою трагедию, он смотрит на любимого ученика. Потом в экстазе страдания, со стоном он бросается на его труп. Горский рыдает.

62.

Весь двор студии запружен народом. Полиция. Часов семь-

восемь утра.

63.

По улице, недалеко от студии, медленно расходятся люди, толкуют между собою, удивляются, ужасаются. На автомобиле проезжает инженер и его помощник. Инженер останавливает автомобиль, спрашивает прохожего, что случилось. Ему объясняют, что в студии скульптора убийство и самоубийство. Инженер напуган.

64.

Инженер забежал в аптеку и telefонирует жене.

Спальня Викты. Она еще в утреннем чепчике, пьет кофе в постели. Около сидит ея мальчик. Они болтают, смеются. Телефон. Викта взяла трубку, услышала новость от мужа, разволновалась, разсердилась, вынула штепсель.

65.

Викта уже одета, хочет выйти куда-то. Горничная с лукавым видом докладывает о Горском. Викта колеблется, но потом соглашается с миной страдальцы.

66.

Викта и Горский в гостиной. Он тихо, спокойно, с тайным страданием, рассказывает ей о случившемся. Она выслушивает сухо.

— Конечно, все это ужасно, и так нечистоплотно...

Она вся встряхивается, как кошечка, замочившая лапки. Горский поражен. Она первая поднимается с места, извиняется... Он все еще в оцепенении. Он предлагает ей, как обычно:

— Викта, уедемте вместе...

— Нет... нет...

Она уходит с оскорбленным видом.

Он один в гостиной. У него нет сил уйти. Вдруг перед ним вырастает мальчик. Мальчик хитро улыбается. Он говорит Горскому:

— Мама извиняется, но она сейчас уехала к портнихе.

67.

Студия. Горский лежит в припадке тоски на диване. Потом он поднялся, вызвал по телефону Монику.

68.

У дверей студии Моника. Она в

черном платке. У нея истерзанное лицо. Она прибежала каяться. Стучит.

69.

Горский открывает дверь студии. Видит Монику. Слабая улыбка появляется у него.

— А, это ты, Моника... это хорошо... это хорошо...

Но Моника не хочет ласки, ей страшно от тона Горского. Вот она бросилась перед ним на колени.

— Это я подготовила убить тебя..

Теперь Горский понял. Он отворачивается. Она ползает на полу, рыдает. Он говорит:

— Я прощаю тебя, но уходи и не возвращайся...

70.

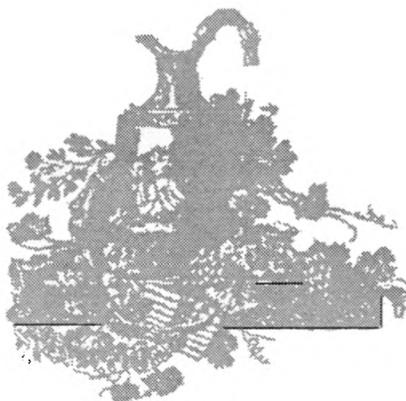
Горский медленно бродит среди статуй, мрамора и гранита. У него вырывается усталый, безнадежный жест.

— Теперь один, как Марий на развалинах.

71.

Студия Горского с внешней стороны.

Вывеска — “п р о д а е т с я”.

Анна Мар.

Уважаемая редакция!

Купив после долгого перерыва номер вашего журнала с Плевницкой на обложке, не мог (как ваш старинный читатель) не отметить благодатные перемены в оформлении журнала. Во всяком случае, материал о Плевницкой, кино и Набокове оформлен, на мой взгляд, интересно. Что же до статьи, сопровождающей публикацию первого американского рассказа Набокова, то в ней мне не хватало (мелкие неточности не в счет) темы, как бы заявленной на обложке "Набоков, Кино..." Дело в том, что все эти игры с кинематографом в рассказе о Плевницкой для Набокова не случайны, а увлечение кинематографом проходит через всю жизнь писателя и многосторонне отражено в его творчестве. Уже в раннюю берлинскую пору жизни Набокова (в 20-е годы) друзья не без удивления отмечали это несколько престолярное (на элитарном фоне прочих его интересов) пристрастие Набокова-Сирина к "киношке". "Для самого Сирина, – писал в своих воспоминаниях близкий друг семьи Набоковых И.В.Гессен, – нет как будто большего удовольствия, чем смотреть нарочито нелепую американскую картину. Чем она беззаботно глупей, тем сильнее задыхается и буквально сотрясается он от смеха, до того, что иногда вынужден покинуть зал". Набокову мечталось не только смотреть фильмы, но и поработать для кино, однако писательские услуги Набоковагодились кинематографу лет на тридцать пять позже, чем он сделал первые попытки работать в нем. И все же вряд ли найдешь другого прозаика, который оставил бы в своих произведениях столько пересказов идиотских фильмов и столько описаний героев, хлупающих носом в темноте зрительной залы, как Набоков. Чаще всего эти набоковские пересказы были, конечно, пародией на пошлые, главным образом, американские, фильмы. Иногда, впрочем, попадались ему в темной зале и продукты советского производства. Например, "русская фильма" в "Даре", в которой "с особым шиком были поданы виноградинки пота, катящиеся по блестящим лицам фабричных, а фабрикант все курил сигарету". Читатель старшего поколения без труда опознает в набоковском пересказе и "советский документальный фильм, снятый в конце сороковых годов" – мы таких видели множество: "Предполагалось, что в нем нет ни на грош пропаганды, все только одно сплошное искусство, и безудержное веселье, и эйфория гордого труда. Статные, неухоженные девчата маршировали на каком-то незапамятном Весеннем фестивале со знаменами, на которых были обрывки из русского народного эпоса "Ruki proch ot Korei". Самолет скорой помощи преодолевал снежный хребет в Таджикистане. Киргизские актеры приезжали в шахтерский санаторий и давали там под пальмами импровизированное представление. На горном пастбище где-то в легендарной Осетии пастух докладывал по раци и республиканскому министерству земледелия о рождении ягненка. Московское метро сияло всеми своими статуями и колоннами, и шесть якобы пассажиров были усажены на трех мраморных скамьях. Семья заводского рабочего проводила мирный вечер в семейном кругу, члены семьи, наряженные во все лучшее, восседали под большим шелковым абажуром в гостиной, до удушья заставленной комнатными растениями. Восемь тысяч болельщиков наблюдали за футбольным матчем между "Торпедо" и "Динамо". Восемь тысяч граждан единодушно выдвигали Сталина своим кандидатом от Сталинского избирательного округа Москвы. Новая легковая машина "ЗИМ" вывозила семью заводского рабочего и еще несколько персон на загородный пикник..." (Роман "Пнин", перевод Б.Носика, М., 1991.)

И все же, несмотря на воинствующую пошлость новой музыки, Набокова бесконечно волновало это превращение человеческой плоти в тень на белом экране, отделение тени от ее владельца, ее собственная жизнь и живучесть...

Уже в самую раннюю пору эмигрантской юности будущий сценарист, романист и профессор литературы послужил гордому кинематографу в качестве безымянного статиста. Участие в массовках и эпизодах стало для Набокова одним из видов заработка в счастливую и нищую берлинскую пору. Кинематограф в те годы процветал в Берлине, занимавшем по числу кинотеатров второе место в Европе и славившимся своими студиями, на которых снимали знаменитый Абель Ганс, Офюльс, а также множество славных русских кинематографистов. Весной 1923 года Набоков впервые стал сниматься в эпизодах. В одном из фильмов он участвовал в массовке, представлявшей театральную публику. Он стоял в ложе и хлопал, обратясь лицом к воображаемой сцене, и поскольку он единственный явился в "театр" в настоящем (еще с кембриджских времен) вечернем костюме, камера задержалась на нем чуть дольше, чем на других. Когда фильм вышел, наконец, Набоков повел на него своего соавтора и друга Ивана Лукаша и возбужденно тыкал в экран, когда на нем неясно промелькнуло его лицо. Лукаш не успел ничего увидеть и обиженно заявил, что Набоков выдумал этот эпизод своей фильмовой славы.

В ту пору Набоков и Лукаш вели отчаянную борьбу за существование, пытались выжить на неверный литературный заработок. И самые большие надежды Набоков возлагал при этом на золотую жилу киноиндустрии. Увы, напрасно. Ближе всего к киноспеху он был в 1931 году, когда знаменитый Льюис Майлстоун чуть было не клонул на его рассказ "Картофельный эльф". В конце концов все же не клонул...

Позднее, уже после появления на свет романов и рассказов, обнаруживших в Сирине-Набокове зрелого мастера и новатора русской прозы, он пишет роман "Камера обскура", в котором в еще большей степени, чем в прочих своих романах, отдает дань своему пристрастию к кинематографу. В берлинскую пору своей жизни супруги Набоковы ходили в кино не реже двух раз в месяц. Страсть эта не иссякла и в американские годы. Ученик Набокова (по Корнелу) Альфред Аппель с удивлением рассказывал о том, как этот утонченный писатель до колик хохочет над глупейшей американской фильмой. Аппель, сам ярый поклонник кинематографа, посвятил этому увлечению Учителя большую, но достаточно, на мой взгляд, скучную книгу, в которой, к сожалению, нет анализа стилистических связей набоковской прозы с кинематографом, хотя и присутствуют кое-какие свидетельства о культурной жизни и вкусах писателя-киномана. Мы узнаем, в частности, что Набокову очень нравились американские комики – Бестер Китон, Гарольд Ллойд и Чаплин, впрочем, только ранний Чаплин – "Цирк", "Золотая лихорадка", а из поздних фильмов – "Диктатор".

Внимательный читатель и сам может отыскать в романах Набокова десятки ссылок на кинематограф, кинематографические сравнения (скажем, мелькание "мелкого черного дождя, вроде мерцания очень старых кинематографических лент" в "Камере обскуре"), почти стопроцентно киношных (по-тогдашнему "фильмовых") героев. Понятно, что Набоков мечтал поработать в кинематографе еще и потому, что только кинематограф мог вывести писателя из нужды, мог принести ему и его книгам известность. На его счастье (ибо нам доводилось встречать писателей, которых слишком рано засосал кинематограф), у Набокова в первые сорок лет писательской жизни с кинематографом ничего не получалось, а когда, наконец, стали выходить фильмы знаменитых режиссеров (Ричардсона, Кубрика) по его романам, то все было уже не опасно – к тому же, известность этим фильмам приносили имя Набокова и его книги, а не наоборот.

Роман "Камера обскура" начинается с истории одного коммерческого успеха. Художник Горн придумал нового персонажа для своих рисованных "комиксов" – морскую свинку Сипи, которая принесла ему успех и богатство (как еще через тридцать лет бедная американская "нимфетка" сложила все это у ног самого Набокова). Другой герой романа, берлинский искусствовед Бруно Кречмар был богат и благополучно женат, однако любострастные видения юности продолжали его мучить. Придя однажды слишком рано на деловое свидание, Кречмар решил переждать в

кинематографе и в полумраке зрительного зала влюбился в юную (ей было шестнадцать, но она была похожа на девочку) капельдинершу Магду. Магда жила у старухи-бандерши, позировала художникам и мечтала стать кинодивой, но пока что стала лишь любовницей некоего Миллера (это все тот же Горн), потом продажной девкой, и, наконец, капельдинершей в кинотеатре. Став любовницей Кречмара, Магда разрушает его семью, губит его ребенка и, собравшись выйти за него замуж, встречает вдруг Миллера-Горна, в которого до сих пор влюблена. Магда чувствует себя, говорит автор, участницей "таинственной и страстной фильмовой драмы", да мы уже могли и так заметить нагнетание вполне киношной мелодрамы: умирающая дочка Кречмара мечтает в последний раз увидеть папу, роковая злодейка не пускает его к ребенку, роковой злодей Горн смеется над несчастным. Из предсмертных видений ребенка можно заключить, что девочка ходила к дому отца, чтоб его увидеть, простудилась и теперь умирает...

Это пародия на мелодраму, и надо сказать, никогда еще пародия не играла столь важной роли у Набокова (позднее она станет одним из важнейших приемов его творчества).

Однако в кино мелодрама не столько предмет пародии, сколько главный продукт потребления, а мы помним, что к кинематографу герой (как и его творец) относился серьезно и даже сам собирался кое-что сделать в этой области... Кречмар дает деньги на съемки фильма с участием Магды. Выясняется, что она бездарна: на экране она точно "душа в аду, которой показывают земные ее прегрешения..."

Не претендуя на обзор долгого романа Набокова с кинематографом, пропустим последующие три десятка лет (в гуще которых затерялся и напечатанный вашим журналом – вслед за двумя другими российскими журналами, но в России ведь нынче всякий сам по себе) американский рассказ о Плевичкой, и перенесемся в ту шумную пору, когда "бедная американская девочка" Лолита (не без благодатной помощи международного скандала) принесла своему творцу славу и деньги. Тут-то и появился на сцене знаменитый режиссер Стэнли Кубрик, предложивший Набокову приехать в Голливуд и написать сценарий по "Лолите". За право экранизации автору уже было заплачено весьма солидно: сумма, предложенная студией, превысила все дололитные гонорары Набокова вместе взятые (за всю жизнь). Однако, предложенная работа имела, конечно, и свою "киноспецифику". Поскольку кино находилось под особым присмотром охранителей морали, Кубрик предложил сделать в фильме какую-нибудь приятную и пристойную концовку. Ну, скажем, Гумберт женится на Лолите и семья радостно благословляет их брак... И, конечно, Лолита Кубрика была никакая не нимфетка, а вполне половозрелая телка...

Набоков искал кино-вдохновения и в душном Лос-Анжелесе и в горах, но так ничего путного и не придумал в тот раз. Он вернулся в Голливуд из Европы в 1960 году. Набоковы поселились тогда в живописном цветущем каньоне, где было много бабочек, однако сомнительно, что многомесячное сочинения сценария было занятием столь уж приятным. Приходилось придумывать новые диалоги, потом их выкидывать, без конца сокращать или удлинять текст, тщетно добываясь от режиссера и продюсера, чего же они все-таки хотят. Набоков вполне лояльно высказывался позднее об этом фильме, так мало общего имеющем с его романом. Правда, если верить биографу Набокова А. Филду, Кубрик взял с романиста слово, что он не будет слишком уж ругать фильм публично...

Еще позднее, встречая на послеобеденных прогулках в швейцарском городке Монтрё актера Джеймса Мейсона, Набоков каждый раз отмечал про себя, что Гумберт-Гумберт еще больше состарился...

Б.Носик

Б.Носик – московский прозаик и киносценарист, автор книги "Мир и дар Набокова", которая готовится к изданию в издательстве "Пенаты". См. также послесловие Б. Носика к рассказу "Помощник режиссера" в журнале "Иностранная литература" №12 за 1993 год.

АНОНС

В следующих выпусках нашего журнала читайте:

"Пианино" – фильм-лауреат "Оскара"

"Мусульманин" – сценарий Валерия Залотухи

"Зеркало" – сценарий Андрея Тарковского

"1001 рецепт господина Ишака" – сценарий Ираклия Квирикадзе

"Прорва" – сценарий Надежды Кожушаной

"Дети чугунных богов" – сценарий Петра Луцика и Алексея Саморядова

"Охота на бабочек" – сценарий Отара Иоселиани,

а также

знатоков и любителей киноискусства ожидает встреча с новыми сценариями

Булата Окуджавы

Александра Пятигорского

Вернера Херцога

и других мастеров отечественной и зарубежной кинодраматургии

Новая рубрика – "Ненаписанный сценарий" откроется рассказами Григория Горина и Петра Луцика.

Под рубрикой "Памяти маэстро" будут опубликованы отрывки из дневников Юрия Нагибина

Также будет продолжена публикация книг В. Фрида "58 1/2" и В. Катаняна "Серезж или Страсти по Параджанову", в рубрике "Из жизни звезд" – публикация книги Марлен Дитрих "Азбука моей жизни", воспоминания о работе и дружбе с Дитрих режиссера Джозефа фон Штернберга.

И, конечно, как всегда, вас ждут новые интервью, проза, статьи, сказки и самые разнообразные интересные материалы.

В. Черных

Пиздрик

Семен Бурцев – плотный блондин, он считал себя плотным, а не толстым, сорока пяти лет, по происхождению из крестьян, чем он гордился, совсем недавно этому придавалось основополагающее значение при назначениях на руководящую должность – собирался в Японию.

Группа, которую возглавлял Бурцев, летела в Японию без переводчика. В группе, кроме него, были еще двое. Доктор наук Шишов, – он два года проработал в Египте и знал английский, а Серегин, молодой кандидат, говорил по-английски, как по-русски, – новая генерация: заканчивал спецшколу, где преподавание велось на английском.

Бурцев не говорил ни на одном языке. Из деревни, когда он заканчивал среднюю школу, уехал учитель немецкого языка. Язык им стал преподавать учитель физкультуры! И когда в десятом классе вдруг выяснилось что выпускники читали по складам, а считать могли только до десяти, им в аттестате зрелости, по решению Отдела народного образования, в графе “иностраный язык” сделали прочерк. В заочном институте, который он заканчивал, ему обычно ставили “тройки”. Что-то он читал, скорее угадывая, чем понимая, чего от него хотели. За последние годы Бурцев забыл даже те несколько слов по-немецки, которые знал в школе.

Гнетущее беспокойство из-за того, что он летел без переводчика и попадал в зависимость от Шишова и Серегина, не покидало его уже несколько дней. Раньше он выезжал за рубеж в составе делегаций только в страны народной демократии. Их встречали в аэропорту, везли в отель или резиденцию, обычно в средневековый замок, преоборудованный в первоклассную гостиницу. Проводились пленарные заседания, посещали один завод, один сельскохозяйственный кооператив, один музей. В конце пребывания – специальный магазин-распределитель, где дешево можно было купить хорошие вещи. На прощальном банкете обменивались подарками. Наши обычно дарили картину с видом на Московский Кремль, хозяйева – нечто художественно-хрустальное, у нас тогда была мода на хрусталь. Местные товарищи говорили по-русски, все они заканчивали советские институты или партийную академию. Многих из них Бурцев знал лично.

Бурцев сделал карьеру редкую для своей деревни. Деревенские продвигались в основном по военной линии, но обычно выше подполковника не дослуживались; или по сельскохозяйственной, становясь председателями местных колхозов. В Центральном же Комитете никто не только из их деревни, но даже из области, никогда не работал.

Конечно, Бурцев в Центральный Комитет попал не сразу. После сельскохозяйственного техникума его взяли на работу в райком комсомола, где он продвинулся от инструктора до второго секретаря. Но его комсомольская карьера рано застопорилась. Дело в том, что он к двадцати годам заматерел, раздался вширь, достиг веса в сто килограммов, получил

кличку “Центнер” и стал слишком выделяться на молодежных конференциях и симпозиумах своей солидностью. Конечно, нигде в комсомольских уставах не оговаривался вес работников, но на руководящую работу всегда подбирали молодежь и спортивных, и все секретари Центрального комитета комсомола в сорок девять лет выглядели минимум лет на десять моложе, именно в сорок девять, потому что перед тем, как исполнялось пятьдесят, их обычно переводили на партийную или профсоюзную работу. Бурцева перевели на партийную в двадцать пять, в партийных органах вес особого значения не имел.

В Обкоме партии Бурцев пригласился заведующему отделом Центрального комитета своей солидностью, провинциальной неторопливостью и молодостью. Тогда проводилась линия на омоложение кадров. Бурцева пригласили в Москву и предложили стать инструктором в отделе сельского хозяйства. Конечно, его месяца три проверяли. Он проверку заметил сразу, опасность он чувствовал мгновенно: по взгляду, по реплике, по интонации, понятной только аппаратным работникам. Первый секретарь назвал его вдруг по имени-отчеству, хотя обычно не помнил не только отчество, но и имен тоже. Значит, недавно просматривал его личное дело и еще не успел забыть. У Бурцева от предчувствия перемены вдруг быстро-быстро забились сердце, как бывало с ним, когда он шел к женщине, встреча с которой обещала близость. Второе подтверждение он получил от председателя областного комитета государственной безопасности. Полковник не только поздоровался, но и поговорил, расспросив, как идут дела в его родной деревне Блины. Откуда бы такому занятому человеку помнить название деревни? Председатель был не из местных и в области появился недавно.

Квартиру в Москве он получил недалеко от Измайловского парка. В Управлении делами уже чувствовали нарастающее раздражение москвичей, когда на месте старых дворянских особняков вырастали дома улучшенной планировки, возле которых останавливались машины с правительственными номерами. Поэтому к моменту перехода Бурцева в Центральный комитет для аппарата дома строили уже не в центре. Объединяясь с Госпланом, Советом министров, организовывали поселения близких по духу, к тому же такие поселения было легче охранять. Народ московский такие поселения тут же окрестил дворянскими гнездами или бобровыми деревнями, потому что большинство мужчин из этих домов зимой носили бобровые шапки. А Бурцев радовался, завидев бобровую шапку – значит, свой. С такими, в бобровых шапках Бурцеву всегда хотелось поговорить, расспросить, откуда и как приживается в Москве, но в аппарате не принято было разговаривать просто так, а по делам тем более, дела оставались на Старой площади, как только он уходил со службы.

Бурцев привык к своей новой службе и даже полюбил ее за ясность и четкость. К нему пришли спокойствие и уверенность, спокойствие не от собственных возможностей, а от возможностей службы, куда он попал. Партийная служба – как солдатская: верно служить – ни о чем не тужить. Бурцев служил верно. Собирал информацию, на основании которой наверху принимались решения. Эти решения он отправлял вниз, следил, чтобы они выполнялись неукоснительно. Иногда его охватывало беспокойство. Он вдруг обнаружил, что стал забывать таблицу умножения, правда, к этому времени и школьники уже начали использовать калькуляторы, а в аппарате появились персональные компьютеры. Принципа работы компьютера он понять не мог, впрочем, и в школьные годы не понял ни электричества, ни телефонной связи. Не понял и принял на веру. Успокаивало, что рядом всегда были люди, которые обязаны были понимать и, вроде бы, понимали, иначе в кабинетах не зажигался бы свет. Однажды ему приснился кошмарный сон. Он, Бурцев, оказался на необитаемом острове в совершенно незнакомой компании. Главным руководителем острова был бородатый и в джинсах парень. Парень раздал анкеты, в которых был только один вопрос: профессия. Он написал: партийная работа. Его отвели в сторону. Он оказался один. Другие умели плавить руду, определять время по звездам, конструировать электродвигатели, строить станки. Кто-то обещал выдумать порох. Он в техникуме изучал бухгалтерский учет, но уже забыл, да и учет изменился.

Парень посадил его в лодку и оттолкнул от берега. На острове имели право оставаться только те, кто мог делать что-то конкретно. Лодка отплывала, остров становился все меньше,

очень хотелось есть, но продуктов ему не выдали. Он проснулся с сильным сердцебиением, принял успокоительное, стал думать, к чему бы такой сон. Наверное оттого, что в последней командировке в Венгрии, в кабинете их Центрального комитета ему выделили стол для подготовки справки, а напротив сидел их инструктор, вроде, равный ему по должности, но моложе лет на десять, волосатый, бородатый, с серьгой в ухе и в совсем задрипанных джинсах. Бурцев ненавязчиво, как его инструктировали, высказал венгерскому заведующему отделом, что хорошо бы инструктору снять серьгу и надеть приличные штаны. Но заведующий посмеялся и сказал, что серьга и джинсы помогают инструктору контактировать с партийной молодежью. Наконтактировали, когда у венгерских товарищей отобрали здание их Центрального комитета и они переименовали партию. Бурцев, скорее чувствуя, чем понимая реальность опасности, стал искать новое место работы. После работы в Центральном комитете заведующие секторами уходили в председатели отраслевых комитетов, заведующие отделами – в министры. У инструкторов разброс был шире: от заместителя министра, но не ниже начальника главка. Но уже сокращались и министерства, и комитеты. Начались сокращения и в их отделе. Бурцева порекомендовали первым заместителем директора научно-исследовательского института консервов, вернее, он сам нашел это место. Место не по его служебному рангу, конечно, он мог претендовать и на более крупную должность, но, наверное, ему Бог помогал. Когда запретили партию и все его знакомые из Центрального комитета вдруг стали безработными, он уже почти два года отработал заместителем директора и, хотя не очень понимал в консервах, толкового работника от бездельника он отличал. Серегин и Шишов были толковыми.

Бурцев собирал чемодан. Конечно, темный официальный костюм и скромный галстук. Но в Японии по метеоосводке стояла жара. И вдруг выяснилось, что у него не было ни легких брюк, ни джинсов, которые исключались для работников аппарата. Он всегда носил только костюмы, которые шил в ателье, а на даче он носил армейские галифе, купленные по случаю. У него ухудшилось настроение.

В аэропорт Бурцев ехал на такси, поглядывал на счетчик, который непрерывно увеличивал стоимость проезда, от этого у него еще больше ухудшилось настроение, он знал, что такси подорожало, но не знал, что до такой степени. Раньше машину ему подавали к подъезду, и он никогда не замечал расстояний, только время, но и время сейчас растягивалось. В аэропорту надо быть за два часа до отлета, раньше он проходил через второй этаж, как VIP – особо важная персона, в аэропорт приезжал за полчаса и еще успевал выпить чашку кофе и выкурить сигарету.

Бурцев заполнил таможенную декларацию, где указал, что у него нет валюты, нет наркотиков, нет драгоценных металлов и оружия, и встал в очередь для прохождения таможенного досмотра. Раньше он и деклараций не заполнял, и досмотра не проходил. Таможенник, молодой и мордатый, попросил открыть чемодан и, хотя ничего неположенного в чемодане не было, Бурцев разволновался, долго не мог найти ключ от чемоданных замков, а таможенник ждал. Бурцев потел, искал, задерживая очередь. Пришлось отойти в сторону, снова проверить все карманы. Ключ нашелся, он открыл чемодан, таможенник запустил руку, выгреб нижнее белье, застиранное и не новое. С бельем стало совсем туго, и жена даже штопала носки. Уже объявили о посадке на Токио, а он еще стоял в очереди на пограничный контроль. Пограничник, двадцатилетний белобрысый мальчишка, то смотрел на него, то в его паспорт, держал, что называется, паузу, и он перестал себя чувствовать взрослым и солидным. Этот мальчишка мог его не пропустить. Наконец пограничник стукнул штампом и протянул молча паспорт. Он вышел в уже якобы зарубежное пространство, то есть, пересек государственную границу. Выходы к самолетам шли по кругу, он остановился, не зная, в какую сторону направиться. Раньше всегда был сопровождающий, который из зала VIP вел их в салон самолета.

Бурцев внимательно осмотрел свой авиационный билет, не указан ли на нем номер выхода. Мимо него прошла толпа неторопливых мужчин и женщин. Они говорили то ли по-испански, то ли по-итальянски. Среди них были два низкорослых, косоглазых человека, но он рассудил, что в Японию должны лететь, наверное, намного больше японцев, и не пошел

за этой группой. Он пристроился за другими маленькими, желтолицыми, косоглазыми, которые тащили множество сумок. Маленькие женщины поглядывали на него, мужчины не обращали внимания. Хорошо бы такую, подумал он, – очень контактные и удобные женщины, его жена крупная, пышная, на нее заглядывались мужчины, надо же – такое обилие, но заниматься с нею интимными любовными процессами было неудобно.

Ему не везло. Маленькие желтолицы оказались вьетнамцами и летели в Ханой, он бросился в ресторан, где договорился встретиться с Серегиным и Шишовым. В ресторане он их не застал. Пока нашел табло с указанием номера выхода на Токийский рейс, тоже прошло время. Он влетел в салон самолета одним из последних, мокрый от пота и с сильным сердцебиением.

После взлета предложили спиртное, летели они бизнес-классом, он взял коньяк, слегка успокоился и решил провести совещание с Шишовым и Серегиным, чтобы выработать линию поведения на переговорах с японской фирмой. Но они сидели на разных рядах, к тому же, сразу после ужина Шишов укрылся пледом и уснул, а Серегин стал читать детектив по-английски.

Бурцев выпил еще коньяку, решил подремать, а проспал до завтрака. Перед посадкой стюардесса раздала декларации. Бурцев заволновался. Текст в декларации был напечатан по-английски и по-японски. Когда он летал в страны народной демократии, никаких деклараций он не заполнял. То ли их заполняли референты, то ли вообще не заполняли. Надо было просить или Серегина, или Шишова, а это значит, признаться, что он не знает ни одного слова по-английски, сразу попасть в зависимость от них. Они и друг с другом начнут говорить по-английски, а если он сделает им замечание, то вполне могут ответить, что это для тренировки. И ему стало совсем тоскливо. Он глянул на часы, время посадки стремительно приближалось. И тогда Бурцев вызвал стюардессу. Извинился, соврал, что забыл очки, и попросил заполнить декларацию. Стюардесса что-то быстро нацарапала шариковой ручкой, глянув на номер его паспорта и фамилию. И он успокоился.

В Токийском аэропорту Бурцев заспешил, стараясь не отстать от Шишова и Серегина, но в очереди на паспортный контроль между ним, Шишовым и Серегиним вклинилась японка с детьми. Он слышал, как Шишов отвечал на вопросы японского чиновника. Вопрос – ответ, вопрос – ответ. И у него похолодело в груди: если чиновник его спросит, он ведь ничего не поймет. Бурцев попытался протиснуться между японскими чемоданами, но ему это не удалось. А Шишов и Серегин уже уходили.

Японский чиновник глянул на его декларацию и о чем-то спросил. Бурцев на всякий случай перед поездкой выучил одну фразу по-английски. Жена эту фразу – “Ай дон-т спик инглиш” – записала ему русскими буквами в блокнот. Бурцев так и сказал, что он не говорит по-английски, заглянув для верности в блокнот. Но чиновник ткнул рукой в один из незаполненных пунктов декларации. Бурцев пожал плечами. Он знал свою особенность: в трудные моменты он переставал соображать. Это началось еще в школе, когда он стоял у классной доски и не мог сообразить, как решить уравнение. Он даже переставал слышать подсазки, не слышал – и все, в голове нарастал гул, он потел и ждал конца унижения. Все ведь заканчивается.

Чиновник что-то сказал в переговорное устройство и потом отодвинул его в сторону. К Бурцеву подошел другой чиновник и обратился к нему по-французски, потом по-немецки, потом то ли по-испански, то ли по-итальянски. Бурцев молчал. Потом японец сказал резко и отрывисто молодому, и тот набрал номер телефона. Пожилой японец, наверное, начальник, ненавидит нас, подумал Бурцев. Он же проиграл войну нам. Но, присмотревшись к пожилому и прикинув, что после войны прошло больше сорока пяти лет, он признал, что этот японец родился уже после войны, как и он, Бурцев.

К Бурцеву подошел еще один чиновник и попытался с ним заговорить то ли по-польски, то ли по-чешски. Бурцев молчал. В эти минуты он подумал, что, может быть, русских считают такими несговорчивыми потому, что мы не можем объяснитьсь ни на одном языке. Курить хотелось нестерпимо. Бурцев отметил, что один из чиновников вышел в зал и закурил. Бурцев достал сигарету, подошел к стеклянной перегородке и, опасаясь, как бы

не расценили его выход как попытку к бегству, закурил. Одним боком выставил свое тело в зал, оставив другую в каптерке. Но на него уже не обращали внимания. Он закурил, несколько раз затянулся, загасил сигарету и положил окурочок в карман. Урна стояла в нескольких шагах, почему-то вспомнилось: шаг в сторону – стреляю без предупреждения: Так было в наших лагерях, может быть, у японцев тоже строгие порядки. Они такие же, как мы, – азиатчина. И тут он увидел Шишова.

– Семен Иванович, в чем дело? – спросил он.

– Я чего-то не понимаю, – ответил он, хотя, наверное, надо было сказать – “Я ничего не понимаю”.

Шишов спросил у чиновника, тот протянул декларацию Бурцева и Шишов что-то в нее вписал. Японцы заулыбались. Оказалось, что надо было вписать название фирмы, которая их принимала. И японские таможенники улыбались, и представители фирмы – два молодых японца, хотя в Японии, в отличие от нас, все были японцами. И Бурцев тоже стал улыбаться. Японцы объяснили, что переводчик будет завтра во время переговоров, перевел ему Шишов. Ничего, до завтра продержусь и без разговоров, он решил, что не будет прибегать к помощи ни Шишова, ни Серегина.

Они вышли из здания аэропорта и мгновенно попали во влажную обволакивающую духоту. Все наоборот: у нас выходишь из тепла дома на холод, здесь – из холода кондиционеров в тепло улицы. Пока подогнали микроавтобус и погрузили чемоданы, он взмок. В автобусе работал кондиционер, и он начал просыхать от пота. Серегин и Шишов что-то обсуждали с японцами по-английски, а он от всего пережитого, от переходов с холода в жару и с жары в холод, будто то парился, то нырял в холодную воду, совсем ослаб и уснул. Проснулся он уже в Токио, глянул на часы – ехали они почти два часа.

В гостинице представители фирмы выдали им конверты с суточными и раскланялись, желая отдохнуть после утомительного перелета. Перед тем, как разойтись по номерам, Шишов предложил посмотреть на ночной Токио и поужинать. Договорились встретиться у входа в гостиницу через полчаса.

Номер оказался маленьким и душным. Бурцев попытался открыть окно. Форточки на окне не было, диковинное никелированное устройство, похожее на ручку для открывания окна, не поддавалось. Он оттягивал вверх, жал, потянул вниз и, обливаясь потом, вышел в коридор подышать. В коридоре было явно прохладнее. Если у них в автомобилях кондиционеры, то в номере должен быть обязательно, решил Бурцев, и начал обследовать номер.

Возле кровати он обнаружил пульт с десятком кнопок и стал нажимать. Загорелся свет настольной лампы, свет на потолке, свет ночника, включилось радио. В номере было по-прежнему душно. Надев очки, он попытался разобрать надписи на пульте, написано было по-английски, и он ничего не понял. Бурцев перевел рычажок на пульте, и вверху тихо заурчало, но пошел еще более горячий воздух. Потом разберусь, решил он. Он вошел в ванную, разделся. Только холодной водой, только холодной. Он еще ни разу в жизни не хотел так облиться холодной водой. Но в ванной не было привычных рукояток смесителя. В кафель было вделано колесо с делениями, как на замке от сейфа. Он осторожно повернул колесо и на него обрушился поток кипятка. Бурцев выскочил из ванной, решив больше не рисковать. Сполоснулся над раковиной, переменял рубашку. Можно, конечно, было идти без пиджака, но куда положить деньги и паспорт. Из заднего кармана брюк могут вытащить запросто, а кармана в рубашке не было. Бурцев надел пиджак и повязал галстук.

Шишов и Серегин в рубашках с короткими рукавами, легких брюках, матерчатых туфлях, с маленькими кожаными сумочками, которые у нас почему-то обозвали педерастками, уже ждали его внизу.

Серегин осмотрел его чешский темно-серый костюм – сорок процентов шерсти, шестьдесят – лавсана, предупредил:

– Зажаритесь.

– Пар костей не ломит, – ответил Бурцев. Не будешь же объяснять, что у него не оказалось летних штанов и такой “педерастки”. Бурцев предпочитал портфели, большие,

кожаные. Не брать же портфель, чтобы положить туда бумажник и паспорт.

Они вышли из гостиницы и сразу окунулись в духоту. Он взмок, пока дошли до метро. В метро было прохладно. Шишов быстро разобрался в схеме метро. В токийском метро не оказалось привычного московского кольца, с которого можно попасть на любое ответвление. Японцы разделили метро на линии, они находились на серой линии.

Проезд в метро стоил сто сорок йен. Бурцев перевел йены в доллары, получилось чуть больше доллара, потом доллар перевел на биржевой курс, и оказалось, что поездка на метро стоила несколько дней его работы. Если бы он был один, то тут же бы вернулся в гостиницу, но Серегину и Шишову очень хотелось посмотреть на ночную японскую жизнь. Суточные фирма им выдала купюрами по тысяче йен. Кассира, который бы менял деньги, в метро не оказалось. Шишов бесстрашно сунул в щель автомата бумажную кредитку, и автомат отсчитал сдачу. Бурцев тоже сунул кредитку в щель, решив, что, если не получит сдачи, то вернется в гостиницу. Но автомат выдал билет и отсчитал сдачу. И ему сразу стало хорошо, он ведь почти распрощался с этими деньгами.

До Гинзы, куда они ехали, было несколько остановок. Бурцев вначале считал, чтобы запомнить на всякий случай, потом отвлекся и сбился.

На эскалаторе они поднялись на улицу. И справа, и слева потянулись магазины. Магазины тянулись вверх на много этажей. Они почти бегом обходили очередной этаж и на эскалаторах поднимались вверх. Чтобы осмотреть эти этажи готовой одежды, белья, обуви, парфюмерии, электрических товаров, спортивных товаров, электронных товаров, мебели, посуды надо было потратить даже не часы, а дни, а, может быть, и месяцы.

Наконец, они поднялись на нормальную улицу, если можно назвать нормальной улицу, по которой двигались даже не сотни и не тысячи, а десятки, а может быть, и сотни тысяч людей. А сверху еще одна улица, по которой неслись только автомобили.

– Если кто потеряется, то в нашу гостиницу нужно ехать по серой линии, – предупредил Шишов, сам ошарашенный увиденным. Такого он, наверное, не видел ни в Париже, ни в Лондоне. – Вперед, – скомандовал он и ввинтился в толпу.

Бурцев старался не отставать. Они шли мимо ресторанов, мимо бесконечных магазинных витрин, поднимались, спускались. У толпы был свой ритм – ни быстрый, ни медленный, обгонять бессмысленно, потому что двигался еще и восточный поток. Бурцеву даже понравилось такое хождение. Но это его и погубило. Он остановился у витрины магазина рыболовных принадлежностей, как ему показалось, не больше, чем на несколько секунд, но именно в эти секунды он упустил желтую рубашку Серегина, в этот вечер он постоянно держал в поле своего зрения яркое желтое пятно серегинской рубашки. И он даже не упустил, а перепутал. Желтое пятно вдруг свернуло за угол, он бросился следом, почему-то Серегин пошел очень быстро, лавируя среди японцев. Наконец он догнал, но в такой же желтой рубашке оказался негр, тощий и длинный, как и Серегин. Он метнулся обратно, повернул налево и не нашел магазина рыболовных товаров. Он прошел вперед, вот здесь он рассматривал бамбуковые спиннинги, но вместо спиннингов за стеклами витрины теперь стояли женские манекены в легких шелковых платьях.

Спокойно, сказал себе Бурцев. Надо сосредоточиться и принять решение. Но решение не принималось. Он просто стоял и ждал, надеясь, что Серегин и Шишов вернуться и найдут его. Он выкурил сигарету, глянул на часы, прошло уже больше десяти минут, как он стоял, и если Шишов и Серегин вернулись к магазину с рыболовными товарами, то они уже наверняка пошли дальше, потому что найти одного человека среди сотен тысяч людей, это все равно, что искать иголку в стоге сена, а он знал, что такое стог сена.

Он выкурил еще одну сигарету и попытался представить, как отсюда добраться до метро. Они шли прямо и только дважды поворачивали направо: один раз у ресторана, возле которого стоял Роллс-Ройс – основательная английская машина, он впервые видел такой автомобиль; и второй раз возле бара, в котором сидели молодые японцы и ели мороженое из больших цветных стаканов или из небольших ваз: посуда явно не по размерам для маленьких японцев.

Бурцев пошел обратно, повернул налево, потом еще раз налево, но не обнаружил ни

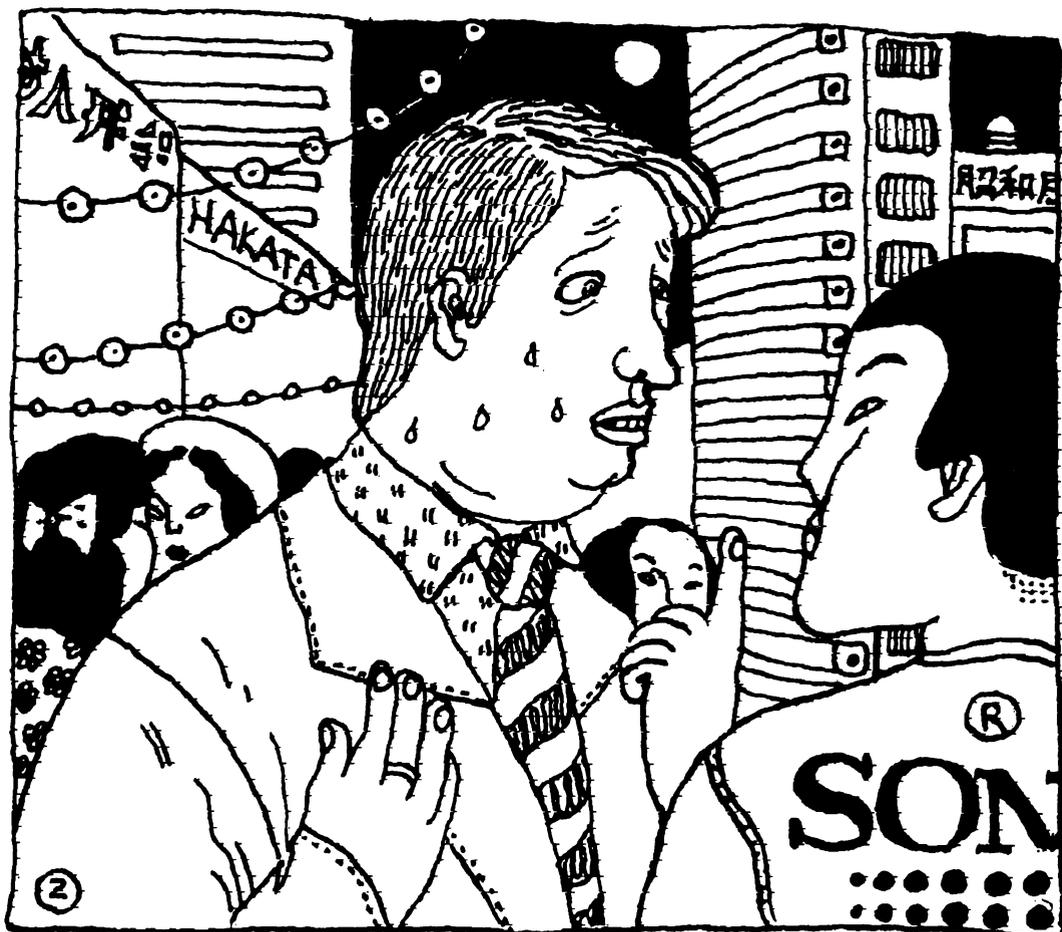

Рисунок Юлии Зубревой

ресторана с Роллс-Ройсом, ни бара с мороженым в больших бокалах или небольших вазах.

Один из баров ему попался, но в нем ели лапшу из мисок. Бурцев пошел назад, снова пошел вперед, снова повернул налево и еще раз налево и попал во двор, где разгружали рыбу, переложенную льдом. Бурцев вышел со двора и оказался на перекрестке магистрали, по которой неслись не сотни, а тысячи автомобилей.

Надо возвращаться в гостиницу, решил он, надо только найти метро и поехать по серой линии. Станция метро была под большим универмагом.

Он огляделся. Большие универмаги были всюду. Надо спросить у японцев, подумал Бурцев и остановил пожилого японца.

– Битте, – сказал Бурцев, он вспомнил немецкое слово “пожалуйста”. – Метро. Метрополитен.

Японец широко улыбнулся и тоже о чем-то спросил.

– Метро, – повторил Бурцев и изобразил звуково: – чик, чик, – и добавил, – отель.

– Ес, – японец еще шире улыбнулся, поднял руку и тут же к тротуару подрулило такси.

– Такси, – сказал японец. Задняя дверца такси распахнулась сама. – О'кей. Американ!

– Русский, – сказал Бурцев. – Рашен.

– О, Перестройка, Горбачев, Ельцин. Петербург, Москва, Сибирь. – японец, по-видимому, выпалил все знакомые ему русские слова, посмотрел озабоченно на часы, улыбнулся,

помахал рукой, сказал: – Гуд-бай, – и скрылся в толпе.

Поеду на такси, – решил Бурцев. Конечно, японские таксисты, как и московские, ездят не по самому короткому пути, он меня, конечно, покатает, на метро они добирались не больше получаса, ну двадцать километров, прикинул Бурцев.

Таксист молча ждал, пока он сядет. И вдруг он ощутил, как быстро забилося сердце. Он еще даже не осознал беду, которая к нему подбиралась, только беспокойство от незаданного еще вопроса, на который его мозг не выдавал ответа. Он боялся себе признаться, что через несколько секунд, оттягивай, не оттягивай, но придется сказать очень четко: он попал в беду, а может быть, даже и в катастрофу...

- Я, пожалуй, еще погуляю, – сказал Бурцев японцу. – У меня есть время. Я еще посмотрю на ночной Токио.

Японский таксист молча ждал. Если я сяду, подумал Бурцев, он тут же включит счетчик, а если не включил, – надо обрываться. И Бурцев, помахав таксисту, вступил в поток и заспешил, понимая, что таксист вряд ли погонится за ним, оставив свою машину на дороге. Ему еще надо припарковать машину, и на это уйдет время.

Бурцев свернул налево, потом направо, вытер лоб уже мокрым платком. Он еще надеялся на чудо. Сейчас он проверит все карманы, бумажник, паспорт. А вдруг? Но он отчетливо представил, как положил “карточку гостя” на стол у себя в номере. На карточке английскими буквами была написана его фамилия: Bourtsev и название отеля. Название он не запомнил, отметил тогда, что слово очень напоминает название птицы. Раньше он никогда не брал с собою этих карт. Его привозили и отвозили и, сколько он себя помнил, карту у него никогда не спрашивали. Портые его запоминали сразу, то ли было такое указание запоминать советских товарищей, то ли опытные служащие сами знали, кого запомнить. Обычно, когда он подходил к стойке, портые улыбался и протягивал ключ от его номера.

Бурцев достал бумажник. В нем лежали серо-зеленые японские тысячи. Он перелистал паспорт, проверил карманы пиджака, брюк, еще раз просмотрел бумажник, паспорт, карман за карманом. Чуда не произошло.

Однажды в детстве он разбил бутылку с брагой, которую отец заварил на майские праздники. Доставал в чулане с полки варенье и уронил бутылку. Конечно, он собрал осколки, вытер пол. Тогда он забрался на печь, укрылся полушубком и мгновенно уснул. Когда надо было что-то решать, а решения не находилось, ему нестерпимо хотелось уснуть.

И когда он работал в ЦК, прежде, чем доложить заведующему неприятное известие, он закрывал кабинет, составлял стулья, ложился, укрывался плащом и засыпал, зная, что, когда проснется, что-нибудь произойдет: или справка не понадобится, или кто-то из инструкторов позвонит в область и договорится с обкомом, чтобы оттуда не жаловались.

Он огляделся. Лечь некуда. В России такого быть не могло. Даже в Москве, самом крупном городе, всегда можно зайти за угол любого магазина и устроиться на груде ящиков, ящиками же забаррикадироваться, чтобы никто не увидел. Здесь не было ни одного свободного метра, чтобы прилечь. Перед одним из домов он увидел маленькую площадку, где можно бы лечь и даже вытянуть ноги. Но на этой площадке росли три карликовых дерева, из камней была сложена небольшая горка и даже было озерко с миску величиной. А если полиция? Заберет в вырезыватель наверняка, пиво-то он пил. Утром сообщат в посольство. А если самому позвонить в посольство. Все же русские люди, поймут. С каждым может такое случиться. А как же по-английски – “посольство”? “Посольство” – это по-русски, от послать, посылать, во всех странах, где он побывал, посольство называлось одинаково, он только не помнил, – от английского или от французского слова. Не зная языков, он искал похожее русское слово, чтобы по ассоциации запомнить иностранное. Он точно помнил, что слово “посольство” было похоже на русское слово “посад”. Значит, – поселились, сели, осели. И все-таки без переводчика, понимающего по-русски, он не разберется. Должен быть в японской полиции чиновник, который говорит по-русски. Наши тоже совершают преступления, может и не очень по-крупному. В институте один знакомый предлагал ему набрать монет по двадцать копеек, которые японские автоматы по весу принимают за монеты в сто йен. Доход почти в тысячу процентов. Он,

конечно, не согласился, но некоторые, наверное, соглашаются.

Теперь, когда он просчитал почти все варианты и не нашел выхода, он рассуждал почти спокойно. Даже если японская полиция свяжется с российским посольством, он ничего сказать не сможет и в посольстве. Название отеля, где они остановились, он не помнил. Название японской фирмы записано у Серегина и Шишова, когда он работал в ЦК, он никогда не записывал и не запоминал ни вывесок отелей, ни названий улиц, для этого существовали референты и переводчики. Его отвозили, привозили, вели в рестораны, прогуливали по Будапешту, Берлину или Варшаве. В этих городах он ни разу не спускался в метро.

Конечно, завтра Серегин и Шишов заявят об его исчезновении. В полиции размножат его фотографию и описание. Таких крупных мужчин среди европейцев в Токио наберется не больше сотни. Его, конечно, обнаружат. Это все равно, что в Москве появился бы очень крупный негр. Конечно, в Москве негров хватает, но московской милиции все равно в сотни раз больше, к тому же, если привлечь ГБ, то есть органы государственной безопасности, и военные патрули, через час все крупные и даже средние и мелкие негры будут зафиксированы и доставлены в ближайшие отделения милиции. Он прикинул, сколько времени может уйти на его поиски, и по самому заниженному лимиту вышло, что его найдут не раньше, чем через двенадцать часов.

Бурцев продолжал идти вперед. Поток на улицах то редел, то уплотнялся. То ли от выпитого пива, то ли от волнения Бурцеву давно хотелось помочиться. Теперь рези в мочевом пузыре становились нестерпимыми. Как и во всех столицах мира, в Токио должны были быть общественные туалеты. Однажды в Берлине он не дотерпел до гостиницы и зашел в платный туалет. У него не оказалось пфенингов, мелкой монеты, и он дал старухе десять марок. Старуха улыбнулась, поблагодарила, но сдачи не дала. А у него не хватало немецких слов, чтобы выяснить, сколько это стоило. Если бы сейчас, сразу попался туалет: треугольник вниз – это для мужчин, углом вверх – это для женщин, он не пожалел бы и тысячи йен, но туалета не было, были сплошные витрины со спортивной одеждой, аудио и видеоаппаратурой. Он ведь собирался купить видеомагнитофон. Все его знакомые уже купили видеомагнитофоны. Поездка в Японию – это единственная возможность приобрести видео. Командировочных, при нормальной экономике, а он запаса и сигаретами, и Краснодарским чаем, должно хватить на видеомагнитофон. Рези в мочевом пузыре все усиливались, он готов был заплакать сколько угодно, только бы облегчиться. И вдруг он увидел переулок, в который никто не сворачивал. Он свернул и стал считать. Только через десять секунд двое пожилых японцев свернули в этот переулок. Еще через пятнадцать секунд прошли мимо три девушки, по возрасту явно школьницы старших классов. Он больше не мог терпеть. Прислонился почти вплотную к стене дома, стал считать. Но уже на пятой секунде услышал стук женских каблучков. Он повернул голову. К нему приближались две японские пары. Один из японцев помахивал переносным телефоном, чуть утолщенной телефонной трубкой в кожаном футляре и встроенной антенной. Они не могли не видеть, что он совершал. Струя его мочи стекала с тротуара на проезжую часть, по которой шли японцы. Что они сделают? Закричат от возмущения? Начнут ругаться японским матом или вызовут полицию? Японцы были низкорослыми, с двумя такими он бы справился, если они не каратисты. А то положат его на тротуар и будут тыкать носом в его же собственную мочу. У нас бы тоже обругали, но и понять бы тоже могли, ну приперло, ну что же поделаешь, бывает.

Но японцы прошли мимо. Они даже не оглянулись. Прошли и все. Культурная нация, подумал он о японцах с благодарностью. На всякий случай он все же бросился назад по подземному переходу, перебежал на противоположную сторону улицы, прошел несколько кварталов назад и свернул на другую улицу.

Теперь Бурцев шел легко, самое страшное уже позади, о том, что впереди, думать не хотелось. Он почувствовал, как промок от пота пиджак, он мечтал хотя бы о нескольких секундах пролады, но пиджак все-таки не снял. За последние годы у него живот стал переваливаться через ремень. Пиджак скрывал живот, поэтому он ходил в пиджаке, причем

всегда застегнутым, поэтому его считали педантом и занудой, хотя он таким никогда не был.

Бурцев достал из пачки последнюю сигарету, хорошо бы, конечно, сигарету приберечь, неизвестно, сколько ему еще шляться по этому Токио, но не выдержал и закурил, может быть, чем меньше у него останется возможностей, тем быстрее он примет решение.

И тут он увидел полицейского. Он заметил движение, надо бы свернуть, не исключено, что проходящие мимо японцы с переносным телефоном сообщили в полицию, что на улице мочился большой белый человек. Полицейский приближался. Приземистый, с револьвером в полукрытой кобуре, наручниками, баллончиком с газом, дубинкой, вооружение дополняли мощные ботинки, которыми можно запросто перебить ноги. Он даже не шел, он почти плыл, как небольшой, но очень хорошо вооруженный корабль. Полицейский прошел мимо, даже не скосив своего косога глаза на Бурцева. Он докурил последнюю сигарету и от этого стало еще тоскливее, ему хотелось уже есть, но особенно пить. Всюду стояли автоматы, заполненные сигаретами, кока-колой, пивом. Он внимательно осмотрел автомат и не понял, как им пользоваться. Подошел японец, бросил несколько монет, нажал на клавишу снизу, и автомат выбросил в жолоб пачку "Мальборо". Но у него не было монет. Он ходил по Токио уже три часа, если в среднем по пять километров в час, значит, он прошел около пятнадцати километров, столько было от его деревни Блины до райцентра Опочка.

И вдруг он понял, что дальше идти не может, ему необходимо присесть или прилечь. Когда он шел от Блинов в Опочку, он сворачивал с дороги, ложился в прохладную траву, лежал и смотрел в серо-голубое, неяркое небо с проплывающими облаками.

Но сесть было негде. Если бы вспомнить название отеля. Он точно помнил, что название напоминало какую-то нашу птицу. Он уже много раз перебирал в памяти названия птиц, но отель не мог называться, ни вороной, ни воробьем, ни голубем или кукушкой, ни дроздом. О том, что название отеля напоминает птицу, он подумал сразу, как только увидел название отеля. Надо только вспомнить птицу.

Бурцев вытер платком лицо. Он потел уже три часа, а пот все не кончался. Возле него остановилась крупная, почти одного роста с ним европейка с белыми волосами и голубыми глазами. Финка или шведка, решил он. Она тоже обливалась потом, хотя на ней, кроме шорт и легкой кофточки, ничего не было. На тротуаре стояла вешалка с кофтами. Японцы перебирали кофты и, что самое удивительное, они совсем не потели. А он и шведка обливались потом. Не для этого климата мы созданы, подумал Бурцев, рассматривая шведку. Мы для зимы, для лесоповалов, когда и рост нужен, и сила, и лишний жирок не помешает, как предохранение от морозов.

Шведка выбрала кофту, о чем-то спросила продавца, по-видимому, не поняла, переспросила, продавец написал цену на листке бумаги. Шведка расплатилась, пересчитала сдачу, тут же, не отходя, сняла свою, мокрую от пота кофту, выкатив огромные белые груди, надела новую кофту, а только что снятую сунула в урну для мусора, улыбнулась продавцу, ему, Бурцеву, и он улыбнулся ей, очень уж все это поразило его.

И тут он увидел небольшой скверик с тремя скамейками, четырьмя деревьями и фонтанчиком. На одной скамейке расположилась молодая японская пара, на второй спал пожилой японец, он спал уютно, сняв башмаки. Третья скамейка была свободной. Он спешно направился к ней, боясь, что если на нее сядут двое японцев, он уже на скамейке не поместится.

Он успел сесть, снять башмаки, носки, чувствуя подошвами ног уже прохладный асфальт. Полежу немного, решил он. Бурцев лег, подогнул ноги по длине скамейки и получилось, что он свернулся калачиком, совсем, как в детстве. Он закрыл глаза и мгновенно уснул.

Он проснулся только через два часа. Первое, о чем он подумал: все, ботинок нет, ботинки хорошие, чешские, твердоватые, но прочные. Он глянул вниз. Ботинки стояли там, где он их поставил.

Бурцев сел, вытянул ноги, откинулся на спинку скамейки, с тоской подумал, что придется вставать и снова идти по этому бесконечному Токио. Не пойду, решил он. Буду сидеть,

пока не найдут. И тут он услышал, что совсем рядом говорили по-русски. Говорок был московский, быстрый. Один тенористый матерные слова вставлял пару раз. Бурцев и сам матерился, когда бывал за границей. И все наши матерились, никто же не понимает, всегда хочется на стороне высказать вслух то, чего нельзя сказать дома. Можно и козлом обозвать, зная, что тебе не ответят – сам козел, а только улыбнутся в ответ на непонятное слово.

Теперь Бурцев разглядел двух молодых парней в шортах и кедах, у одного из них на шее болталась зеленая сумка из-под противогаза.

– Ребята! – позвал Бурцев. Но, по-видимому, Бурцев сказал слишком тихо, парни, не услышав, уже проходили мимо.

– Ребята! – почти крикнул Бурцев.

Парни остановились, увидели его.

– Вроде, нам, – сказал один.

– Надрался, – сказал второй.

– Ребята, помогите, – попросил Бурцев. – Я не пьяный, я заблудился.

– Надо помочь россиянину, – сказал первый и они подошли к Бурцеву. Парни оказались аспирантами из Московского университета и проходили стажировку в Токийском университете. Одного звали Кириллом, другого Никитой. Из интеллигентных семей, подумал Бурцев. Лет двадцать назад интеллигенты стали называть своих детей исконно русскими именами – Иванами, Филиппами, Евдокиями. Свою фамилию и имя Бурцев не назвал. На всякий случай. Но честно рассказал аспирантам, как он отстал, не называя фамилий Серегина и Шишова и института консервов, рассказал, как оставил карточку гостя в отеле, а название отеля забыл.

Аспиранты попросили вспомнить район, где находится гостиница. В Токио нет привычного центра, есть районы со своими центрами. Бурцев ничего не помнил, он только помнил, что название отеля, как он это прочел, напоминало какую-то птицу, но какую, он тоже забыл.

– Отведом его в полицию, – предложил Никита, тот, что с противогазной сумкой. Он сказал так, будто Бурцев был иностранцем и не понимал даже по-русски. “Я тебе это припомню,” – решил Бурцев и сказал:

– Нет. Я не пойду в полицию.

Он не стал объяснять им, что если полиция найдет его гостиницу, об этом узнают все: и в посольстве, и на фирме, и в институте, и тогда уж точно никто к нему не будет относиться всерьез.

– Ну, попытайтесь сосредоточиться, – попросил Кирилл. – Вот вы подходите к отелю, смотрите на вывеску и решаете, что название отеля напоминает название птицы. Почему?

Бурцев сосредоточился. Вот он подошел к отелю, задрал голову и прочел название, все-таки он когда-то изучал немецкий, и латинские буквы еще помнил. Вывеска была на фронтоне последнего этажа, дальше было небо, почти такое же, как дома: голубовато-белесое, и тогда он подумал, что хорошо бы сейчас лечь в прохладную траву, смотреть вверх... И тут он вспомнил.

– Пиздрик! Так называется птица. Пиздрик!

Увидев некоторое недоумение на лицах аспирантов, Бурцев объяснил:

– Это у нас на Псковщине так называется чибис. Он то взлетает вверх, то опускается вниз. И кричит: “Пиз! Пиз!” Вот его и прозвали пиздриком.

– Нет, – сказал Кирилл, – без компьютера не обойдешься. Это же десятки тысяч вариантов. И непонятно, по какой ассоциации искать, по чибису или по пиздрику... Пойдемте в полицию.

– Нет, – сказал Бурцев. – Вы что-то должны придумать!

Когда у него в доме ломался телевизор, из мастерской всегда приходили такие же молодые, вынимали какие-то приборы, что-то заменяли, и телевизор начинал работать.

– Ладно, – сказал Никита. – Есть идея. Последняя. Только слушайте очень внимательно и рассказывайте подробно. Вы входите в свой номер. Что вы сделали?

– Попробовал открыть окно. Не получилось. Потом хотел включить кондиционер. Не получилось.

Он не стал рассказывать, как хотел принять душ и едва не ошпарился, зачем уж так позориться-то.

– Потом вы сели за стол, – напомнил Никита. – На столе лежала папка. В ней открытки и шариковая ручка. Дайте ручку!

– Ручка без колпачка, в карман не положишь. Я не взял.

– В пепельнице лежали спички, – продолжал Никита. – Вы же взяли их?

– Вообще-то я пользуюсь зажигалкой, но спички взял. Как сувенир.

– Дайте мне спички.

Бурцев достал спички и протянул их Никите, тот, глянув на них, протянул их Кириллу.

– Как ты догадался? – удивился Кирилл.

– Да они все семьдесят лет подворовывали. Не мог не прихватить.

Значит, мы подворовывали, – обиделся Бурцев. – А вы совсем другие, что ли? Он почему-то вспомнил, что, выезжая в командировки от ЦК читать лекции, он всегда говорил, что у нас нет конфликта поколений. Конфликта, может быть, и нет, они нас просто вытесняют.

– Ваш отель называется “Айбис”. Район Рапонги.

– А как вы узнали? – поразился Бурцев.

– Так на них же написано, – Кирилл протянул Бурцеву спички. – И станция метро указана. Но айбис, действительно, птица, это как фламинго, только поменьше. Но как вы это прочитали – вы же не знаете английского?

Бурцев взял коробок со спичками.

– Я прочел как ибис, а ибис напоминает чибис, а чибис и есть пиздрик.

– Да, – сказал Кирилл, – С такими русскими ассоциациями ни один современный компьютер не справится. Спускайтесь в метро.

– А где метро?

– А вон, – и Кирилл ткнул в сторону подземного перехода над которым светилась латинская буква “М”, как в Москве.

И ребята, помахав ему, растворились в японской толпе. Даже не довели до метро, обиделся Бурцев, и не спросили, где я работаю. Ведь им после окончания университета придется устраиваться на работу, и я мог бы позвонить. А звонить-то некому, тут же подумал он. Те, что все решали, уже ничего не решают. И чего им помогать? Со знанием английского и японского и после стажировки в Японии не они будут искать место, а их будут искать места.

И весь его опыт и знания номенклатуры уже невозможно использовать. И от этого Бурцеву стало совсем грустно, успокаивало единственное: теперь он знал, где метро.

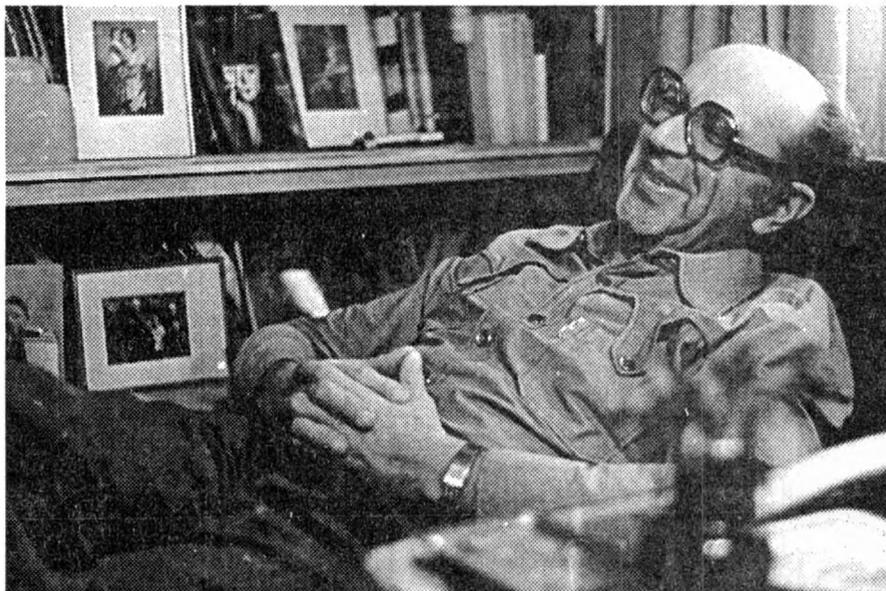
Бурцев спустился вниз. На платформе спросил у пожилой японки, ткнув в приближающийся поезд:

– Рапонга?

Японка заулыбалась и согласно закивала. Бурцев вышел на третьей остановке. Слева был табачный киоск. Это он помнил. Он повернул налево, посмотрел наверх. Ярко светилась неоновым вывеска “Айбис”. На лифте он поднялся на пятый этаж. Написал на бумажке номер своей комнаты и получил ключ. Еще не очень веря, он открыл дверь, в комнате стоял его чемодан.

Бурцев разделся и лег в постель. Никуда больше по границам не поеду, решил он. И вообще уеду домой, в деревню. Поговорю в райкоме, подберут ведь какую-нибудь работу. Но тут он вспомнил, что райкомов больше нет. С его-то опытом он, конечно, мог бы стать председателем колхоза, но отец писал, что колхоз в их деревне вроде бы собираются ликвидировать. В конце концов он может и просто пахать, косить, скирдовать, силы еще есть. С этими мыслями он и уснул. И снилось ему, что лежит он на прохладной траве и смотрит в не очень голубое, но все-таки голубое небо и там, в вышине вьется пиздрик, то спускаясь, то взмывая вверх, и кричит, кричит “Пиз”, “пиз”. И ему стало хорошо и спокойно-первые за многие, многие годы...

Валерий Фрид

58 1/2

IV. "Церковь"

Третья моя тюрьма началась с того же, что и первые две. Всех нас поодиночке развели по боксам – торопливо, бегом, будто боялись не успеть. И куда спешили, интересно?..

Часа два мы просидели в боксах, пытаюсь угадать, есть ли кто из наших по соседству. Послышался голос Шурика Гуревича: он запел – опытный конспиратор! – старую солдатскую песню, которую от кого-то узнал Сулимов. Володя научил и нас – а больше нигде я ее не слышал:

– Ты не плачь, моя красавица, расстаемся

мы всего на десять лет...

Чей-то фальшивый голос – не Юлика ли?

– подхватил:

– Проводи меня ты до околицы...

– Помоши, помоши платочком вслед. –

Это пропел я. Естественно, сразу же прибежал вертухай, велел замолчать. Но уже ясно было: Фрид здесь, Дунский здесь, Гуревич здесь.

Потом дверь моего бокса открылась, вошел офицер в фуражке с васильковым верхом и протянул мне бумажку:

– Прочтите и распишитесь, что ознакомлены.

Это было постановление ОСО: – За участие в антисоветской молодежной группе

и высказывание террористических намерений в отношении главы советского правительства и партии направить в исправительно-трудовые лагеря сроком на десять лет". Не ручаюсь, что привожу текст дословно, но помню, что меня тогда еще удивило – нигде не сказано – “осудить, приговорить”. Просто – “направить”. Как в командировку... Вот это удивило, а срок 10 лет – нисколько, я другого и не ждал.

А Юлик Дунский рассказал мне, когда встретились, что он, расписавшись, сказал офицеру “спасибо”. На что тот, кажется, обиделся. А вежливый Юлик и не думал издеваться: просто дал ему человек ручку; возвращая ее, Юлик и поблагодарил. За ручку, не за срок же.

К вечеру меня и остальных развели по камерам. От первой из бутырских камер у меня в памяти никаких ярких впечатлений не осталось: большая, человек на двадцать, довольно грязная и с режимом, против Лубянки, очень либеральным. Койки, которые, по идее, должны были в вертикальном положении пристегиваться после подъема к стене, не пристегивались. Можно было весь день валяться на них, громко разговаривать и петь – это тоже не возбранялось. А про общипанные курильщиками книжки я уже упоминал. Пробыл я там дня два, ни с кем не успев толком познакомиться, и был переведен в “церковь”. Так назывался пересыльный корпус Бутырской тюрьмы, куда собирали всех, получивших срока от Особого Совещания, народных судов и военных трибуналов. До революции это действительно была тюремная церковь. В связи с требованиями нового времени ее перестроили, уложили перекрытия и на двух или трех этажах разместили очень просторные камеры*).

Впрочем, просторными они были по замыслу тюремных архитекторов; а в мое время камеру, рассчитанную на пятьдесят человек, населяло сотни полторы арестантов. Взамен коек были сплошные нары, но все равно места на всех не хватало, многие спали под нарами, на полу.

Не успел я хорошенько оглядеться в своем новом узилище как дверь с грохотом открылась и в камеру, к великой моей радости, запустили Мишку Левина и Лешку Сухова. А чуть погода – еще троих моих

Шурик Гуревич (правда, 50 лет спустя) – слева

однodelьцев: Юлика, Шурика Гуревича и Рыбца – Виктора Левенштейна.

Завидев его, в углу – самом удобном месте камеры – поднялся на нарах некто с лихими усами врзлет и радостно заорал:

– Перс! Здорово!.. Иди сюда.

Оказалось, это староста камеры Иван Викторович – вот фамилию не помню. Знаю только, что он был “вояка”, как называли всех армейских, в большинстве своем побывавших в немецком плену. Иван Викторович – так его все величали, несмотря на молодость, – был человеком волевым, энергичным и справедливым. Старостой он назначил сам себя, и никто этому не воспротивился.

На Лубянке они с Витькой сидели в одной камере. Там Рыбцу дали новую кличку, Перс – а он и был похож на чернобрового красавца перса с иранских миниатюр (живых-то персов мы и в глаза не видели). Следовательно об этом прозвище не знал – а то бы протоколы наверняка обогатились еще одной подпольной кличкой: Рыбец, он же Перс... Бывшие сокамерники обнялись.

– Это твой? – спросил Иван Викторович.
– Ребята, вас-то мне и не хватало. Будете моей полицией?

Мы не поняли, но староста объяснил: он задумал установить в камере закон фраеров. Кто такие фраера, мы уже знали: не блатные. Блатных Иван Викторович решил держать в строгой узде, благо, их здесь было мало: наша камера предназначалась для “пятьдесят восьмой”. Предназначалась, но гарантией это служить не могло: дело в том, что и вора за побег из лагеря судили за саботаж – по статье 58, пункт 14; эту же статью давали “саморубам”, т.е. виновным в умышленном членовредительстве (по

воровскому закону блатным не положено было работать). А бандит, напавший на милиционера, шел под суд за террор: ст.58-8.

Чуть отвлекаясь, скажу, что этот наш восьмой пункт был очень вместительным: Юлик встретил в лагере четырнадцатилетнего деревенского мальчика, который стрелял из самопала, заряженного шариком от подшипника, в председателя колхоза: тот несправедливо обошелся с его матерью. А я на Вологодской пересылке познакомился с "войкой", который на вопрос, за что ему дали 58-8, хмуро ответил:

– Они написали – за теоретические высказывания против командира.

Так ему запомнилась стандартная формулировка – "террористические высказывания". Он и правда сказал сгоряча взводному:

– Убить тебя, гада, мало...

Словом, среди "террористов" можно было встретить кого угодно, от безвредных очкариков до всамделишных бандюг.

В нашей же бутырской камере сидела в основном настоящая "пятьдесят восьмая": "болтуны", они же "язычники" (п.10, антисоветская агитация), "пленники" (п.1-6, измена родине – для военнослужащих) и гражданские изменники родины (п.1-а). К слову сказать, до сих пор не понимаю, почему закрепился в языке этот нелепый оборот. Герой родины – это понятно, но не изменник же! Почему "родины", а не "родине"?.. Но это к делу не относится.

Мы согласились стать полицией Ивана Викторовича, получили места на щитах, из которых собраны были необъятные нары посреди камеры – этакий остров, отделенный проливами-проходами от боковых нар, – и стали нести службу по охране фраерского порядка. Она была неприятна, хоть и необременительна – нарушения случались нечасто. Но об этом чуть погодя. А пока скажу: приглядевшись к новым сокамерникам, мы поняли, что попали в другой, сильно отличавшийся от лубянского, мир. Там в основном сидели москвичи, и самым распространенным преступлением была антисоветская болтовня. А здесь собрались люди, побывавшие у немцев – кто в плену, кто во власовской армии, кто просто – или непросто – на оккупированной территории. Были тут и арестанты со стажем,

привезенные из лагерей на переследствие, были осужденные по закону от 7-го августа, именуемого в просторечии 7/8 – "семь восьмых" ("хищение социалистической собственности в особо крупных размерах", кажется, так; это приравнивалось к экономической контрреволюции). Ко всей этой публике нас тянуло обыкновенное мальчишеское любопытство, а их не меньше интересовали мы.

О нашем деле слух если не по всей Руси великой, то по московским тюрьмам точно прошел. И то один то другой подсаживался к нашему кутку и уважительно спрашивал, понизив голос:

– А правда, что вы хотели бросить бомбу и усатого – к ебене матери?

Нет, отвечали мы, не было этого; но нам не очень верили.

На третий день в камере появился Володька Сулимов – наш главарь и идеолог согласно материалам следствия. Худой, бледный, он с ходу поинтересовался:

– Как вы тут живете? По-блядски, каждый свое жрет, или коммуной?

– Коммуной, коммуной, – успокоили мы его. Дело в том, что только он и Юлик Дунский не получали с воли передач: никого из родных в Москве не было. И оба здорово отошали, особенно Юлик. У него за этот год прямо-таки атрофировались мышцы. Мы просили его напрячь бицепс, он напрягал – а там такой же кисель, как и в расслабленном состоянии.

Но остальным передачи таскали чуть ли не каждый день – здесь это разрешалось, а родные боялись, что нас вот-вот увезут неизвестно куда. И на общих харчах Володька и Юлик очень быстро отъелись. Не прошло и недели – а Юлик уже дул на пенку, когда кому-нибудь принесли кипяченое молоко: пенку он терпеть не мог, как большинство человечества (я принадлежу к меньшинству). Такому быстрому его восстановлению даже трудно было поверить.

В камере сидел пожилой военврач; он говорил уверенно:

– Нет, нет. Вы не понимаете: у Юлия пастозное лицо.

(Признак дистрофии; попросту сказать, Юлик, по мнению доктора, не поправился, а распух от голода.) Доктор тыкал пальцем в пухлую щеку дистрофика, уверенный, что

останется вмятина. А палец отскакивал, как от мяча.

Этого полковника медицинской службы по закону от 7/8 приговорили к расстрелу: вроде бы он в должности начальника фронтового госпиталя совершил многотысячную растрату. Может, и совершил, не знаю. Но после того как он провел в камере смертников сорок семь суток, каждую ночь ожидая вызова на расстрел и обмирая от ужаса при звуке шагов в коридоре, ему объявили, что он помилован, а “вышью меру” заменили десятью годами. Это было счастье, конечно. Доктора перевели в общую камеру, и он, попав с того света к живым людям, говорил, говорил и не мог наговориться – будто хотел удостовериться, что он тоже живой...

Между прочим, судьба его не была исключительной: в “церкви” мы встретили еще нескольких смертников, которым заменили смертную казнь на срок. Всех их почему-то держали под угрозой расстрела некруглое число дней – 28, 43, 57 – и заменяли “вышку” всегда десятью годами. У нас даже создалось впечатление, что тогда, в сорок пятом году, вообще не расстреливали, а всем меняли смертную казнь на червонец – даже тем, кто не подавал прошения о помиловании: лагеря нуждались в рабочей силе. Может быть, мы ошибались. На фронте-то, конечно, расстреливали, а вот в тылу – не знаю. Но точно помню прямо-таки анекдотический случай.

В нашей камере сидели пять “парашютистов” – т.е. русских, согласившихся работать на немцев, прошедших подготовку в тамошних спецшколах и заброшенных к нам в тыл в качестве диверсантов. Вся эта пятерка шла по одному делу. Руководителю группы дали “вышку”, двоим – по двадцать пять лет и еще двоим – по пятнадцать. И вдруг в камере объявляется приговоренный к расстрелу и рассказывает, что ему объявили о помиловании и заменили “вышку” десятью годами... Большой радости его однодельцы не испытали: им-то срока не снизили.

Мы с ребятами строили всяческие теории насчет этого и пришли к выводу, что, возможно, раньше, когда в УК не было сроков больше десяти лет, предлагалось при помиловании заменять смертную казнь этим предельным сроком заключения. Потом

катушка разматалась до двадцати пяти лет, а пункт о помиловании забыли изменить. А что? В нашем царстве бюрократии и не такое могло быть. Но, повторяю, это наши умозаключения, построенные на довольно скудном материале. Возможно, все было не так – возможно, и стреляли, и заменяли на двадцать пять...

В Бутырках мы провели несколько месяцев – времени для наблюдений и размышлений хватало. Но, конечно же, в начале этого в общем спокойного периода все дни напролет мы разговаривали только о своем деле. Это как в больничной палате: в первые дни человек сосредоточен на своих болячках и только потом уже начинает обращать внимание на соседей. А поговорить было о чем. Каждому ведь хотелось знать в подробностях, как у других складывалось следствие: били ли, лишали передач, сажали в карцер? Кем из оставшихся на воле интересовались следователи?.. Конечно, многое мы уже знали: ведь при подписании 206-й нам давали – нехотя – прочесть и чужие протоколы. Мой Райцес подгонял, сучил нетерпеливо ножками, но я все-таки весь толстенный том прочитал – ну хотя бы проглядел.

Но одно дело – прочитать, совсем другое – услышать. В первом же разговоре выяснилось, что никто ни на кого не в обиде. А могли бы обижаться: ведь оговорили друг друга все. Правда, каждый на себя наговорил больше, чем на других. Был с нами и Мишка Левин, единственный несознавший, но он не заносился над остальными – понимал прекрасно, как на них давили.

Сулимов рассказывал, что его лупили, сажали в какой-то особый карцер – не то холодный, не то горячий. Ребята отнеслись к этому рассказу с некоторым сомнением, но спорить с Володькой не стали. Как никак, он был центральной фигурой в нашем деле и заслуживал особого внимания чекистов.

Вообще-то на Лубянке били. Я уже упоминал про треснувшее небо Александровского, соседа Юлика по камере. Двадцатидвухлетнему Юлику он казался стариком; на самом деле Александровскому было тогда меньше пятидесяти – об этом мне сказал недавно его сын. “Старик”, кроме того, что был нашим послом в довоенной Праге, первым перевел на русский рассказы

Чапека. Во время войны он оказался на оккупированной территории и выдавал себя за неграмотного крестьянина, чтобы не вызвать интереса оккупационных властей. Зато вызвал живейший интерес советских: едва кончилась война и Александровский объявился, его привезли на Лубянку, потребовали признаться, что сотрудничал с фашистами, – и били нещадно. Скорей всего, это были несанкционированные побои, следовательский экспромт. (Да и самому Юлику следователь пару раз вмазал сапогом по ноге.) А на серьезную обработку резиновой дубинкой требовалась, говорили, санкция высокого начальства – и присутствие врача...

Итак, мы лежали на нарах, вспоминали весь прошедший год и поражались. Нет, не тому, что нас арестовали, – арест это, в конце концов, дело житейское: кого посадили, кому повезло, – а своей ненаблюдательности. Ведь были же такие громкие сигналы – а мы их не услышали.

Незадолго до ареста Сулимов встретился с очень интересным парнем по имени Аркадий Белинков.

– Он пишет книгу, – рассказывал Володя, – которая делится не на главы, а на сомнения: Сомнение 1-е, Сомнение 2-е... Обязательно познакомлю вас!

И повел знакомить – Шурика Гуревича и Лешку Сухова. Поднялся по лестнице, позвонил в дверь и спросил у открывшей ему женщины:

– Аркадий дома?

– Аркадия арестовали.

По словам Сухова, Володька на своей хромой ножке с необычайной быстротой скатился вниз по ступенькам – знакомство не состоялось. Этот арест нас не насторожил: не мы же писали книгу, состоящую из сомнений.

А вскоре одного из нашей компании, трусоватого и большого фантазера, вызвали на Лубянку, о чем он нам тут же рассказал – то ли по простоте душевной, то ли по мазохистской потребности как бы повиниться, но и не до конца – в нем была, была достоевщина!.. В его рассказе история выглядела так. На даче у них ночевал целую неделю один старичок. Ну, ночевал и ночевал. Но старичок-то оказался нелегальный!.. Вот о нем и спрашивали на Лубянке.

Мы все приняли на веру, даже не стали интересоваться подробностями – не придали значения. И в Бутырках как-то не усомнились. А теперь-то мне кажется, что именно во время этого его визита на Лубянку энкаведисты получили какие-то сведения о наших “сборищах” – так в протоколах назывались выпивки, ребяческая болтовня и игра в “очко” на копейки. Сначала, наверно, было донесение сулимовских соседей – чекистского семейства, а затем понадобились дополнительные зацепки. Так альпинисту достаточно выдолбить крохотную ямку в отвесной стене, опереться носком – а дальше дело само пойдет!.. Пошло и наше “дело”.

Припомнили мы и “галошников” (они же “топтуны”), которые торчали возле Нинкиного дома на Арбате. Потом эти же двое в сапогах с галошами, в одинаковых пальто с белыми шарфами и в кубаночках на голове оказались возле моего подъезда в Столешниковом. С ними была и девица; для правдоподобия они время от времени целовались.

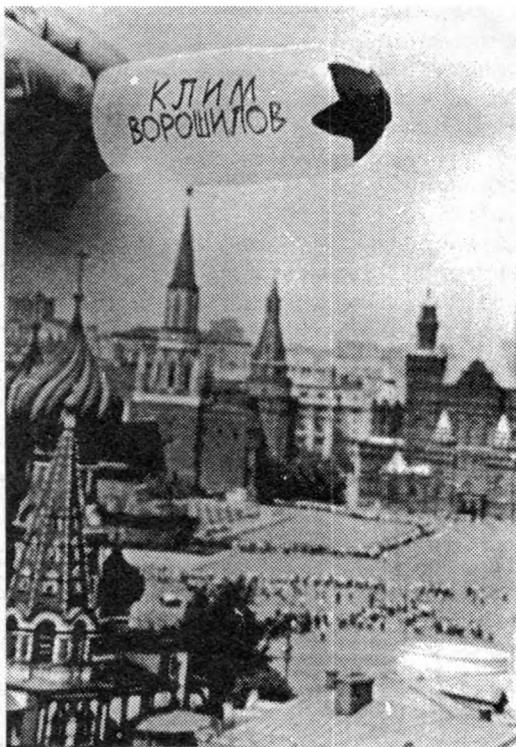
Их увидел и опознал Володька Сулимов. Ворвался в комнату с радостным криком: за нами следят!.. Шутил, разумеется. Посмеялись тогда, всерьез не приняли. А теперь, в “церкви”, удивлялись своей тупости.

Понудивлялись немножко и топорной работе следователей: где дедукция, где методы Шерлока Холмса? Но очень быстро сошлись на том, что особой тонкости не требовалось. Ведь они и не думали доискиваться до истины – на кой ляд она была нужна? Нужны были наши подписи под их сочинениями – а этого следствие добилось безо всяких Шерлоков Холмсов. Повторю: ведь Лубянка имела дело не с врагами, а со своими вполне советскими людьми.

Меня часто спрашивают: а когда у вас появились первые сомнения в святости и непогрешимости Сталина? Очень, очень поздно.

Хотя меня за первую “антисоветскую вылазку” могли бы притянуть к ответу еще в 31-м году, когда мне было девять лет.

Вместе с соседским мальчиком Борькой мы надули найденный где-то презерватив, завязали ниткой. Потом нарисовали на тупом конце красную звезду, на боку написали

Я в год инцидента с "Климом Ворошиловым".

Дирижабль.

"Клим Ворошилов" и через форточку пустили по ветру. (Был такой знаменитый дирижабль; по-моему, флагман воздушного бескрылого флота.) Если не у нас, несмышленишей, то у родителей могли бы быть крупные неприятности. По-счастью, никто не наступал...

А вообще-то мы росли очень советскими. Так нас и воспитывали в семьях – прямо с младенчества. Помню, лет пяти, еще не умея читать, я обратился за помощью к своей тетке Марусе: в детской книжке с картинками под названием "Все наркомы у тебя дома" я увидел портрет человека в буденовке, с острой бородкой и пенсне на крючковатом носу. По всему выходило, что это наркомвоенмор. Но что-то было не так.

– Кто это? – спросил я. Тетка, глазом не моргнув, ответила:

– Клим Ворошилов.

(Это был, конечно, Троцкий – книжку напечатали лет за пять до нашего разговора и до опалы Льва Давыдовича.)

– А почему с бородой? Ворошилов ведь без бороды.

– Ну, не знаю. Наверно, сбрил.

Вот так... Росли в стерильно-советской атмосфере. Как-то раз к Дунским в квартиру постучалась плохо одетая женщина с ребенком, попросила хлеба себе и девочке.

– У нас на Украине, – сказала она, – люди с голоду умирают.

Юлик затопал ногами, закричал:

– Это неправда! Вас надо в милицию отвести!

Женщина испугалась и ушла – о чем Юлий в зрелом возрасте очень часто вспоминал со стыдом. А я в том же 32-м году топал ногами на свою няньку, умнейшую старуху**), которая уверяла меня, будто Сталин убил свою жену.

Когда меня приняли в пионеры ("Я, юный пионер Эсэсэсэр, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича"... и т.д. До сих пор помню.), я два дня не давал снять с себя красный галстук, так и спал в нем – к умилению родителей. Впрочем, что они говорили об этом за моей спиной, не знаю. Возможно, и не умилились.

Мы выросли, не ведая сомнений, веря самым диким слухам о вредителях и шпионах. Вместе со всеми поворачивали боком зажим для красного галстука, на котором изображен был пионерский костер. В острых языках эмалевого пламени мы пытались разглядеть профиль Троцкого: вся Москва знала, что это чье-то вредительство. Никакого Троцкого там нельзя было увидеть при всем желании, зато обнаружилась идиотская накладка художника: плохо знакомый с пионерской символикой, он вместо пяти поленьев (пять континентов) изобразил три; а в пламени революции, долженствующей охватить эти пять континентов, вместо трех языков (три поколения – коммунисты, комсомольцы и пионеры) нарисовал пять. Перепутал. Поэтому зажимы действительно стали изымать из обращения.

Верили мы и всему, что писали о процессах над врагами народа газеты. Правда, уже тогда нам, четырнадцатипятилетним, резала слух безвкусица судебных репортажей: “Подсудимый Гольцман похож на жабу, мерзкую отвратную жабу”. Этот пассаж я запомнил дословно. Помню и то, что месяца через три автор репортажа Сосновский сам был посажен и, видимо, тоже превратился в мерзкую отвратную жабу.

Но это были претензии к форме. А суть у нас не вызвала подозрений. Раз посадили, значит, было за что. И добрый немец Роберт с нашего двора, работавший на киностудии и даривший малышам голубые и розовые куски кинолент, оказался шпионом – раз его забрали. Позакрывались все китайские прачечные – стало быть, выявили целую шпионскую сеть. (Правда, над этим уже тогда посмеивался безвестный автор анекдота: заказчик приходит в китайскую прачечную с претензией – почему так плохо постирали? А китаец ему: “Я не пластика, я сапона...” Но существовал и другой, официальный юмор: знаменитая карикатура “Ежовы рукавицы”.)

Говорили – и никто не удивлялся, – что весь американский джаз “Вейнтрауб синкопаторс”, приехавший на гастроли, оказался шпионской бандой и арестован. Впрочем, в газетах я об этом не читал.

Любопытно, что я даже не задавался вопросом: куда деваются те, кого забрали?

Мы видели, конечно, пьесу “Аристократы” и сделанный по ней фильм “Заключенные”***), читали книгу про Беломорканал – но там речь шла больше об уголовниках. А политические – в моем затуманенном сознании – просто исчезали. Как человечки, нарисованные мелом на школьной доске: прошелся мокрой тряпкой, и они исчезли. Не переместились в пространстве, а именно исчезли – в никуда.

Только финская война заставила нас задуматься – как так? Финляндия – такая маленькая и напала на такого большого? Этому даже мы не могли поверить.

Незадолго до этого был еще один повод призадуматься: “юнкерс” со свастикой на хвосте в московском небе – прилет Риббентропа. Но в школе нам объяснили, что это просто политика, дружбу с Гитлером не надо принимать всерьез. Я попытался втолковать это своему отцу; профессор Фрид не спорил, только горестно вздыхал. Так же вздыхал он еще раньше, в тридцать восьмом – днем вздыхал, а по ночам мучился бессонницей. Только много лет спустя я узнал от него, что тогдашняя волна репрессий накрыла с головой научно-исследовательские бактериологические институты. Пересажали всех директоров и научных руководителей, чудом уцелел только отцовский институт в Минске... Но в те годы детям о таких вещах предпочитали не рассказывать.

И мы оставались патриотами, были, как писали тогда в характеристиках, активными, политически грамотными комсомольцами. Я даже был секретарем институтского комитета (и выбыл из комсомола только по техническим причинам, в связи с арестом).

Когда началась война, мы с Юликом Дунским слегка поугрызались совестью, что не пошли сразу добровольцами – его старший брат Виктор ушел на фронт в первые же дни. На трудфронте мы честно вкалывали, рыли эскарпы и контрэскарпы под Рославлем, но когда осенью студентов отозвали в Москву, в военкомат мы не побежали, а продолжали учиться. Правда, утешали мы себя, на передовую нас все равно не послали бы: очкастые, освобождены от армии по зрению. А идти в стройбат, строить в тылу дороги, нам совсем не хотелось.

К этому времени мы достаточно

поумнели, чтобы понимать, скажем, несправедливость массовых арестов, но воспринимали их как стихийное бедствие, как мор или потоп, как божью кару. Да Сталин ведь и был богом – всемогущим и беспощадным, не прощающим ереси.

Тому, кто не жил при Сталине, не понять отношений простого смертного с тогдашним государством. Под гипнозом страха перед его карающей десницей – НКВД, жила вся страна. Этот страх парализовал волю, подавлял способность к сопротивлению – во всяком случае, у большинства советских людей. В истории человечества я не знаю аналогий. Обойдусь примером из зоологии: кролик и удав. Государство – удав, его право глотать кроликов. А мы все – кролики; на кого упал его взгляд, сам лезет к нему в пасть – обреченно и покорно. Для наглядности расскажу историю “парашютиста” Володи Яблонского, московского парня лет двадцати пяти, красивого, но уже лысоватого.

На фронт он отправился лейтенантом, попал в плен и, поймавшись пару месяцев в фашистском лагере, согласился поступить в школу диверсантов. Многие соглашались, чтобы таким способом вернуться на родину: выполнять задание они не собирались, а думали сразу явиться с повинной. Были у нас в камере и такие; добровольная явка им не очень помогла. Но Володя предчувствовал такой исход и сдаваться своим не торопился.

Сбросили его под Москвой в форме старшего лейтенанта (прибавили звездочку!) со всеми документами – в том числе с “аттестатом” на получение довольствия. Этот аттестат и сыграл печальную роль в Володиной судьбе.

Встретиться со своим напарником-радистом – тоже москвичом – они должны были у колонн Большого театра на следующий день. При каждом из диверсантов была приличная сумма денег – несколько тысяч. Естественно, что, попав в родную Москву, Володя прежде всего раздобыл водки, выпил для храбрости и пошел в военную комендатуру отоваривать аттестат – т.е. получать причитающийся паек. Оказалось, что он опоздал; его вежливо попросили прийти завтра. Но пьяному, как известно, море по колено. Яблонский взломил в амбицию, стал орать на тыловых крыс: он фронтовик, он контуженный и не

уйдет, пока не получит свое. Ну и получил. Тыловые крысы обиделись, строгим голосом потребовали, чтоб он предъявил документ. И тут, рассказывал Володя, его как морозом обожгло. В пьяном мозгу мелькнула мысль: это конец, всё, разоблачили!.. И он положил на стол кобуру с пистолетом, сказал:

– Ваша взяла. Сдаюсь. Я немецкий диверсант.

А ведь документы у него были в полном порядке, немцы за этим следили.

Дело Яблонского было таким ясным, что следствие получилось очень короткое: месяца три, не больше. Вот срок ему дали длинный – двадцать пять и пять “по рогам”. Так называлось поражение в правах.

В отличие от судов и военных трибуналов, ОСО поражения в правах не давало – так что, отбив “командировку”, мы сразу становились полноправными гражданами. Но до этого было еще далеко. А пока что мы продолжали копаться в подробностях следствия: рассказывали друг другу о соседях по камерам, о вертухаях, о следователях. Суховский, например (не Рассыпнинский ли? Нет, тот вел, по-моему, Сулимова. А потом, лет через пять, он был следователем у Ярослава Смелякова), – так вот, суховский со своим клиентом держался запросто, называл его Лёхой. Однажды спросил – это же была любимая забава:

– Как думаешь, Лёха, сколько тебе впают?

– Десять лет?

Следователь хохотнул:

– Тебе? Десять?.. Смотри сюда. – Он вытащил чье-то чужое “Дело №...” и прочитал: “Подтверждаю, что являлся сотрудником польской, английской и американской разведок”. – Видал? Вот каким десять лет даем! А тебе... Тебе – восемь.

И ведь обманул: Сухову дали все десять...

Не могу сказать, что настроение у нас было очень унылое – хотя основания для уныния были. Гуревич оставил на воле жену с маленькой дочкой, вместе с Сулимовым посадили жену и мать, вместе со мной – невесту. Конечно, радовало то, что мы с ребятами встретились, что унижительные месяцы следствия позади. Но ночью, когда камера затихала, на меня наваливалась тоска. Я ведь очень любил Нину, любовь к ней казалась мне смыслом жизни – а теперь, когда мы расстались навсегда (в этом я не

сомневался), когда все, что надо было сказать друзьям, сказано, вроде бы не было смысла жить.

И однажды, дождавшись, когда все кругом заснул, я выдал из оправы очков стеклышко, разломил его пополам и стал пилить вену.

Я даже предусмотрительно раздвинул щиты на нарах, чтобы просунуть в щель руку: пусть кровь стекает на пол, а не на спящих соседей. Но кровь не желала стекать – ни на пол, ни на соседей. Видимо, я пилил, не вкладывая в это занятие душу. Разум подзуживал меня: давай-давай, самое время произвести с жизнью все расчеты! Но это разум – а все остальное во мне сопротивлялось, хотело жить. И стеклышко только царапало кожу. А тут еще каждые пять минут кто-нибудь из соседей вставал и направлялся к параше. И каждый раз я замирал, притворялся, что сплю. Когда, пописав, сосед укладывался на нары, я продолжал свою работу – и опять переставал пилить, потому что кто-то еще вставал к параше. С меня семь потов сошло, так волновался. А до вены так и не сумел добраться...

И в конце концов сдался, подсознательное нежелание умирать в двадцать три года взяло верх. Я отложил стеклышко и заснул, а утром объяснил ребятам, что раздавил очки во сне. Не уверен, что они поверили, но в душу лезть никто не стал, за что я был им очень благодарен: стыдился слабости характера.

После этого происшествия дни потянулись вполне безмятежные. На Лубянке мы жили в постоянном напряжении, как цирковые звери в клетках: каждую минуту может явиться укротитель и заставит проделывать неприятные унижительные трюки. А здесь была тоже неволя, но не тесная клетка, а как бы вольера. Хочешь – расхаживай от стенки до стенки, бия себя по бокам хвостом, хочешь – валяйся целыми днями, поднимаясь только при раздаче пищи.

Тюремная пища в “церкви” была отвратительная, не сравнить с лубянской. Пайка хлеба и каждый божий день суп из полугнилой хамсы, чья зловонная золотистая шкурка плавала на поверхности, будто тина в зацветшем пруду. Но нам хватало передач из дому; тюремную баланду мы чаще всего

отдавали кому-нибудь из товарищей по камере.

Здесь собралась очень пестрая публика. С первого взгляда можно было угадать, кто из тюрьмы, а кто из лагеря. У лагерников кожа на лице, задубленная дымом костров и морозом, бурая и шершавая, как старое кирзовое голенище; у “тюремщиков” лица серые, мучнистые. (Забавно, что в народе тюремщиками зовут и тех, кто сидит, и тех, кто сторожит, – но вспомним деваху-надзирательницу с Лубянки и ее рассуждения.) Московские интеллигенты спали на нарах и под нарами впритирку со смоленскими колхозниками, раввин по фамилии Бондарчук делился передачкой с блатным Серёгой из Сиблага.

Раввина очень огорчала матерщина, без которой в камере не обходился ни один разговор. Услышав очередную фиориттуру, он вскидывался:

– Кто тут ругался матом? Мы этого не любим! Мы этого не любим!

Над стариком беззлобно посмеивались, но материться старались потише: своей наивностью и добродушием он вызывал симпатию и даже уважение.

Не могу не упомянуть здесь другого раввина по фамилии Вейс. С тем мы повстречались уже в лагере. К нему соседи по бараку относились плохо; особенно донимали его блатные – дразнили, обижали, отнимали передачи. И раввин повредился в уме. В один прекрасный день вбежал в барак к ворам и, подсакивая то к одному, то к другому, закричал визгливо:

– Я старший блатной! Иди на хуй! Иди на хуй! – именно с таким логичным, но нетипичным ударением. Вскоре его отправили от нас куда-то – наверно, в лагерную психушку.

А возвращаясь в “церковь”, скажу, что симпатии и антипатии возникали там по не совсем понятным причинам. Над московским студентиком Побиском Кузнецовым ядовито посмеивались. Был он, видимо, из ортодоксальной партийной семьи, и странное имя расшифровывалось как “Полколение Октября Борец И Строитель Коммунизма”.

Поскольку сел Побиск по 58-й, однокамерники переделали это в “Борец Истребитель Коммунизма”. (А когда не дразнили, называли просто Бориской.)

Вадик Гусев (идеолог союза четырех) перед посадкой

Впоследствии я узнал от своего интинского приятеля Яшки Хромченко, что Кузнецов был его однодельцем. А еще позже, лет шесть назад, прочел – кажется, в “Правде” – правоверно советскую статью за подписью Побиск Кузнецов. Дивны дела твои, Господи! Вряд ли однофамилец и тезка? Кузнецовых полно, но имечко такое два раза не придумаеть. ****)

Дружно не залюбила вся камера другого студента, Феликса Иванова – неприветливого, надменного парня чуть не двух метров ростом. И когда блатные уговорили его отдать им “по-хорошему” новенькое кожаное пальто, никто Феликса не пожалел, никто не заступился – наоборот, позлорадствовали.

Очень нравился нам застенчивый и скромный власовец Володя. Он совсем отощал за время этапов и следствия, но ничего не просил – никогда ни у кого. Мы его с удовольствием подкармливали, а он нам рассказывал про власовскую армию – РОА. (Немцы, считая “Р” латинским “П”, называли Русскую Освободительную “ПОА”). Нам интересно было: где про такое прочтешь?

Алик Хоменко в штатском обличье

Выяснилось, что Володя знает знаменитую солдатскую песенку “Лили Марлен” – такую немецкую “Катюшу” (не гвардейский миномет, а “Расцвели яблони и груши”). Он сказал нам и немецкие слова, и перевод, сделанный каким-то власовским поэтом:

Возле казармы, где речки поворот,
Маленький фонарик горит там у ворот.
Буду ль я с тобой опять
У фонаря вдвоем стоять,
Моя Лили Марлен?..

– А мелодия? – допытывались мы. – Спой, Володя.

Но он категорически отказался. Объяснил смущенно:

– Неудобно как-то... Скажут: доходной, а поет.

Так и не спел. А мы пели, даже сами сочиняли песни – довольно дурацкие.

В камере оказались двое из “Союза Четырех” – Вадим Гусев и самый младший из четверки Алик Хоменко, очень милый мальчик; его все называли ласково Хоменок. Двое из нашего дела – М. Левин и А. Сухов – изложили историю “Союза Четырех” в балладе на мотив “Серенького козлика”:

Он же в форме младшего лейтенанта "Союза Четырех". Ему 17 лет.

Жил-был у бабушки умный Хомёнок,
Делал в горшочек, не пачкал пеленок,
Раз повстречался ему Идеолог –
Был разговор между ними недолог:
Надо из фетра сделать погоны,
Гимн сочинить и выпустить боны... – ну,
и т.д. (Идеологом "Союза" следствие
назначило Вадима.)

Бабка Хомёночка очень любила.
Вот как! Вот как! Очень любила!

И передачи ему приносила! – горланили
мы, а сам Хомёнок с удовольствием
подпевал, заливаясь детским смехом.

Великое дело – ребяческое легкомыслие!
Именно оно помогло большинству из нас
перенести и тюрьму, и лагерь без особого
ущерба для психики...

По молодости лет мы, отъевшись на
передачах, испытывали то, что в старину
называлось "томлением плоти". Я и сам
однажды проснулся от громкого гогота: спал
я на спине, и оказалось, что, выбившись из
ширинки тюремных кальсон и прорвавшись
через прореху в жидком бутырском одеяле,
– так пробивается стебелек через трещину
в асфальте, – к потолку тянется мой
детородный (в далеком будущем) член. Но

Миша Левин

больше всех томилась женатика – Сулимов
и Гуревич.

Это нашло отражение в непристойных
куплетах – переиначенной солдатской
песенки из репертуара Эрнста Буша "О,
Сюзанна". (Впрочем, и она неоригинальна:
пелась на мотив американской "I came from
Alabama".)

Обращаясь к жене, Шурик Гуревич в этих
куплетах жаловался:

О, Татьяна!
Вся жизнь полна химер,
И всю ночь торчит бананом
Мой выдавший виды хер.

А Володька вместо "О, Татьяна!" пел "О,
Елена!" и в соответствии с требованиями
рифмы, вместо "торчит бананом" – "торчит
поленом"...*****)

Не могу умолчать о том, что во время
серьезного разговора – велись на нарах и
такие – Володя Сулимов с грустью рассказал
нам, что с героиней этого куплета у него
была очная ставка, и Лена ухитрилась
шепнуть ему, что следовательно убедил ее
стать "наседкой", камерной осведоми-
тельницей. Потому-то и провела она весь
свой срок в тюрьме, а не в лагере.

Думаю, что не страха ради и не за следовательскую сосиску (их подкармливали, вызвав будто бы на допрос) Лена Бубнова согласилась на эту роль. Скорее всего сработала знаменитая формула: "Ведь вы же советский человек?!" А она была очень, очень советская, я уже писал об этом.

Года два назад "Мемориал" попросил меня провести вечер, посвященный жертвам репрессий. На этом вечере мне прислали записку: "Знаете ли вы, что ваша Бубнова была на Лубянке "наседкой"? Я знал. Знал даже, что ее и к матери Миши Левина, Ревекке Сауловне, подсаживали. Но из уважения к памяти Лениного мужа Володи соврал: мне об этом ничего не известно.

Я и сейчас не сужу ее слишком строго. Из-за своей подлой обязанности Лена – дважды жертва репрессий...

Там, в Бутырках, Володька предложил нам сочинить песню на мелодию из фильма "Иван Никулин, русский матрос". Он ведь работал помрежем на этой картине и в мальчишеской гордыне своей полагал, что из-за его ареста фильм не выпустят на экран. Выпустили, конечно; и хорошая песня "На ветвях израненного тополя" была в свое время очень популярна. Сулимов насвистел мелодию, она нам понравилась, и мы всем колхозом принялись придумывать новые слова. Вот они:

Песни пели, с песнями дружили все,
Но всегда мечтали об одной –
А слова той песенки сложились
За Бутырской каменной стеной.
Здесь опять собрались, как прежде, мы,
По-над нарами – табачный дым...
Мы простились с прежними надеждами,
С улетевшим счастьем молодым.
Трижды на день ходим за баландою,
Коротаем в песнях вечера
И иглой тюремной контрабандною
Шьем себе в дорогу сидора.
Ночь приходит в камеры угрюмые,
И тогда в тюремной тишине
Кто из нас, ребята, не подумает:
Помнят ли на воле обо мне?
О себе не больно мы заботимся,
Написали б с воли поскорей!
Ведь когда домой еще воротимся
Из сибирских дальних лагерей...

Складывалась песня быстро, без споров – каждое лыко было в строку. "Контрабандную иглу" придумал, по-моему, Юлик,

"по-над нарами" – любитель стилизаций Миша Левин. Сочинивши, несколько раз громко пропели. Сокамерникам песня понравилась, они охотно простили несовершенство стихов. Во всяком случае, когда мы с Юликом вернулись в Москву – это было уже в 57-м году, – раздался телефонный звонок и чей-то голос пропел:

– Трижды на день ходим за баландою,
коротаем в песнях вечера...

Это оказался Саша Александров, замечательный мужик – но о нем речь впереди, когда буду рассказывать о Красной Пресне.

А второй раз нам напомнила об этой песне книга века "Архипелаг Гулаг". В конце первого тома Солженицын рассказывает, как московские студенты сочиняли на нарах своево тюремную песню, и приводит два куплета. Вообще-то, Александра Исаевича с нами в камере не было: он прошел через бутырскую "церковь" несколько раньше. А песню услышал, наверно, в Экибастузе от Шурика Гуревича – и одну строчку воспроизвел не совсем точно. Но человеку, написавшему "Один день Ивана Денисовича" – лучшее из того, что я читал о лагере, и, возможно, лучшее из всего, что он написал, – этому человеку можно простить маленькую неточность. Тем более что у него получилось интереснее. И потом – шутка ли: благодаря "Архипелагу" наши два куплета оказались переведены чуть ли не на все языки мира. Ни одно из других сочинений Дунского и Фрида такой чести не удостоивалось...

В один прекрасный день в камере появился новый жилец. На нем были армейская шинель, потрепанная кубанка; остроносый и чернявый, он смахивал на кавказца, а по обветренному шершавому лицу мы решили: этот из лагеря.

Окинув камеру быстрым наметанным глазом, новичок сразу направился к нам, представился:

– Петька Якир.

Он действительно оказался бывалым лагерником, но сейчас прибыл не из далеких краев, а с Лубянки. Там он проходил следствие по своему второму делу – вместе со Светланой Тухачевской и Мирой Уборевич.

С обеими этими девочками он, после расстрела военачальников-отцов, попал в специальный детский дом, но надолго там

не задержался: получил срок и отправился путешествовать по лагерям. Над шустрым и смышленным пацаном – Петьке было лет тринадцать-четырнадцать – взяли шефство обе фракции лагерного контингента: и блатные, и “политики”. Старые большевики считали своим долгом опекать сына прославленного командарма; что же касается блатных, то замечено, что ворье с интересом и уважением относится к обладателям каких-нибудь выдающихся достоинств – к чемпиону, скажем, по боксу, знаменитому артисту, дважды Герою Советского Союза и так далее. Вот и малолетний Якир в отблеске отцовской славы пользовался расположением блатных. Им льстил его интерес к воровской жизни, и они, опекая Петьку, учили его всяким премудростям лагерной жизни. В результате, когда мы встретились, руки у него были в наколках и шрамах от мастырок*****); а от своих покровителей-интеллигентов он нахватался самых разных сведений из области истории, искусств и литературы. Со своими семьёю или восьмью классами средней школы он на равных беседовал с главными бутырскими зрудитами.

Пр Петькиным словам, отбыв первый срок, он приехал в Москву, пробился на прием к самому Берии и закатил блатную истерику: что ж ему теперь, всю жизнь оставаться сыном врага народа?! И Лаврентий Павлович – опять-таки по рассказу Петьки – распорядился принять его в какую-то чекистскую школу. Там он задержался не дольше, чем в свое время в детдоме: встретился с подругами детства Светой и Мирой, и в дружеских разговорах они все трое заработали себе срока: Якир – восемь лет, а девочки по пять.

Петька и в нашей камере делил свое внимание между блатарями и интеллигенцией, которая состояла в основном из нашей компании и очкастого однодельца Белинкова, Генриха Эльштейна, по кличке “Мацуока”. *****)

Нас Якир просвещал по всем вопросам лагерной жизни, а с Серегой из Сиблага вел вполголоса профессиональные разговоры на странном диалекте, в котором половину слов мы не понимали: “сунули в кандей... отвернул угол... битый фрей... пустили в казачий стос...”*****)

С Петром Якиром мне предстояло – чего

я не знал – провести два года на одном лагпункте и хавать из одного котелка. Но об этом после. А Серега вскоре исчез из моей жизни, и запомнил я его только потому, что это был первый встреченный мною вор в законе.

В наши дни, судя по газетам, ворами в законе считаются только видные фигуры преступного мира, которых чуть ли не единицы – что-то вроде крестных отцов мафии. А в те времена в законе считался любой вор – пока не скомпрометирует себя и за какой-нибудь поступок, несовместимый с воровской этикой, будет “приземлен”. Акт приземления, т.е. исключения из воровской корпорации, не сопровождался, как в теперешних колониях, омерзительным содомитским ритуалом, “опущением”. Просто приземленному перекрывали доступ к “воровскому куску” – общему котлу.

Согласно неписаной традиции, вор в тюрьме имел право отобрать у фраера половину передачи. Из этих половин и складывается воровской общий котел. Но в нашей камере, как уже сказано, был установлен закон фраеров, и воры – те, что были поумней – мирились с этим. Серега, вкрадчивый, внимательный, ошивался около нас в надежде, что его чем-нибудь угостят. Улыбался, сверкая рыжими фиксами – половина зубов у него была под золотыми коронками. (А может, и не золотыми: блатари для форсу ставили себе и латунные.) Слушал мои умные рассуждения – о том, что вот скоро окончится война и жизнь станет лучше, кивал, говорил душевно:

– Золотые твои слова, товарищ!

Воровать он не пытался. И правильно делал.

Его приятель рыжий Женька Кравцов украл чью-то пайку (не у нас), попался с личным, и нам, камерной полиции Ивана Викторовича, пришлось – второй раз за все время – выполнять свои обязанности, т.е. произвести экзекуцию. Женьку усадили на нары, и мы с Сулимовым стали бить его, требуя признаться: с кем воровал? Ясно было, что ни с кем, но просто молча лупить человека как-то не получалось. А так, в ходе допроса, бить было легче.

Я бил его ребром ладони по шее – старательно бил. Кто-то из свидетелей восхитился:

– Во бьет! Прямо как следователь.

Этот комплимент сильно охладил мой пыл. Женька вырвался из наших рук и бросился к двери, заколотил руками и ногами:

– Гражданин начальник! Убивают!

Открылась тяжелая дверь. Вертухай мрачно спросил:

– Что тут у вас? – и, услышав: “Пайку спиздил!” – молча захлопнул дверь.

Больше рыжего не били – удовлетворились картиной его унижения: законный вор кинулся за помощью к тюремному начальству! А Женька был в законе; еще до этого инцидента в камеру заходил очередной “покупатель” (так звали на пересылках вербовщиков рабочей силы для лагерей). Он спросил и у Женьки:

– Профессия?

– Бандит, – отчеканил рыжий и горделиво оглянулся на нас. Мы ведь были фраера, т.е. “черти”, а они “люди” – так называют себя воры. А человек – это звучит гордо... И вот теперь такое позорище, такой удар по воровскому самолюбию.

Впрочем, Петька Якир объяснил нам, что в “законе”, а по другому сказать, в воровском кодексе чести, появилось много послаблений – в прямой связи с ужесточением режима в тюрьмах и лагерях. Например: пайка – это святое, ее нельзя отобрать даже у фраера, – но ради спасения жизни можно. “Ради спасения жизни” можно искать защиты и у вертухаев. Разве непохоже это на бюрократическое “в порядке исключения”, позволявшее советским боссам хватать без очереди машины, квартиры и дачи?..

История с Женькой Кравцовым имела свое продолжение.

Месяца через два на Красной Пресне – в тюрьме-пересылке – рыжий снова встретился с Юликом: их привезли туда почти одновременно. И все шансы были на то, что попадут они в одну камеру. На тюремном дворе обе партии держали порознь. Женька бесновался, выкрикивал угрозы: сейчас он очкастому шнифты выколет, пасть порвет, задавит на хуй!.. И ведь сделал бы: в его компании было полно блатарей. Убить, скорее всего, не убили бы, но избили б до полусмерти. По счастью, их развели по разным камерам.

Расправы над рыжим я не стыжусь, он был редкостный гад. Но мы, неся свою

полицейскую службу, избили еще одного нарушителя – опять же за украденную, и опять же не у нас, пайку. Этот был не блатной – просто оголодавший вояка.

Разумеется, воровать пайки нехорошо. Но не очень хорошо, когда трое сытых парней бьют голодного, не смеющего сопротивляться человека. Я писал раньше, что тюрьма учит терпимости. Теперь добавлю: но и жестокости тоже. Если завели порядок, приходится его поддерживать. Не очень приятно вспоминать, что именно на нас выпала роль экзекуторов – но что было, то было. Из песни слова не выкинешь.

Население пересыльной камеры безостановочно мигрирует – кого-то увозят, кого-то привозят. Ушла от нас большая партия специалистов – электрики, слесари, радиотехники. С ними увезли и Мишку Левина – потом выяснилось, что недалеко, в подмосковную шарагу. Ту самую спецлабораторию, которую Солженицын описал в “Круге первом”.

А появился в камере загадочный молчаливый человек в полной форме американского солдата – только что без знаков различия. Держался особняком, в разговоры ни с кем не вступал. Так мы и не узнали о нем ничего, кроме странной фамилии – Скарбек.

Но месяца через два Юлик Дунский попал со Скарбеком в один этап, они вместе приехали в лагерь – под Фатежем, в Курской области. Скарбек долго присматривался к окружающим и наконец остановил свой выбор на Юлике. Походил, походил вокруг него – и раскололся. Вот что он рассказал.

Он, Скарбек Сигизмунд Абрамович, польский еврей, работал на советскую разведку. Много лет он прожил в Италии, был хозяином не то лавочки, не то какой-то мастерской. Жена тоже была нашей шпионкой. Подрос сын – включился в “Большую Игру” и он. Незадолго до войны итальянцы Скарбека арестовали и посадили в тюрьму на маленьком острове – вроде замка д’Иф, где сидел граф Монте-Кристо, объяснил Сигизмунд Абрамович.

Жена в пироге – классический способ, если верить старым романам, – передала ему записку: “Скоро тебя освободят. Сталин сказал: “Такие люди, как Скарбек, не должны сидеть”. Но время шло, а Скарбека не освобождали.

На волю он вышел при очень неожиданных обстоятельствах – когда открылся второй фронт. Американцы, высадившись на юге Италии, стали на радостях освобождать заключенных. Дошла очередь и до узников “замка д’Иф”. В бумагах янки не любили копаться: просто расспрашивали, кто за что сидит. Скарбек не стал хвастать своими шпионскими заслугами; соврал, будто сидит за убийство жены. Его выпустили, и он тут же связался с советским офицером связи: были такие при американских частях.

Сигизмунда Абрамовича срочно отправили в Москву, подержали сколько-то времени на Лубянке и дали срок – кажется, не очень большой. И вот теперь он решил написать письмо Ворошилову, чтобы тот разобрался в его деле, наказал следователей и велел выпустить Скарбека. За годы, проведенные в Италии, – почти вся жизнь, – Сигизмунд Абрамович подзабыл русский язык. Говорить мог, а писать затруднялся. Поэтому-то ему и пришлось волей-неволей обратиться за помощью к Юлику.

Тот послушно изложил на бумаге просьбу Скарбека – пересмотреть дело. Но когда дошло до заключительной части: “А пока, до освобождения, прошу Вас, т.Ворошилов, прислать мне две банки мясных консервов, две банки сгущенного молока и три метра ткани на портянки” – Юлик усомнился:

– Сигизмунд Абрамович, может быть, не стоит? Ну не станет Ворошилов бегать по магазинам, искать Скарбеку портянки.

– Вы не понимаете, Юлий. Ворошилов знает, что я сделал пользы больше, чем три дивизии Красной Армии... Пишите, пишите!

Юлик написал. Посылку Ворошилов не прислал и вообще не ответил, но много лет спустя из книги Евгения Воробьева “Земля, до востребования” (о героическом разведчике Маневиче, заграничном шефе Скарбека) мы узнали, что Сигизмунд Абрамович освобожден и живет в Москве. Подумали: не повидаться ли? Но решили, что не стоит: все-таки очень чужой был человек.

Время от времени в нашу камеру попадал кто-то прямо после суда. К таким сразу кидались, выпрашивали новости: что там на фронте? Что вообще слышать? Шел май 1945-го, ясно было, что война вот-вот

кончится. Всей камерой обсуждали настойчивый слух: Сталин сказал, вот окончится война – и будет амнистия, которая удивит мир.

Слух этот сбился, и амнистия сорок пятого года действительно удивила мир: уголовников повыпускали, “пятьдесят восьмую” оставили в лагерях. Между прочим, эта параша широко ходила по лагерям, каждый год возникая в той же редакции: Сталин сказал... удивит мир... И точно: следующая, так называемая бериевская амнистия – уже после смерти Иосифа Виссарионовича – опять удивила, освободила одно ворье.

9 мая привезли двоих с заседания трибунала. Прямо с порога они заорали:

– Война кончилась!!!

А вечером был салют Победы. В зарешеченные окна, над намордниками, виднелось небо; видно было, как взлетают в него огни салюта. С улицы до нас доносилось приглушенное толстыми бутырскими стенами “ура!”. Вся камера подхватила его. Вместе со всеми радостно орала и наша антисоветская террористическая группа. В грядущую амнистию, честно говоря, мы не верили. Просто радовались за своих родных и друзей на воле, за свою страну.

Примечания автора:

*) “Все возвращается на круги своя”. Говорят, пересыльный корпус в Бутырках снова перестраивают: переделывают в храм Божий.

**) Нянька была личностью незаурядной. Заядлая курильщица, она собирала на тротуарах окурки, вытряхивала остатки табака и сворачивала сигарку. Боясь, как бы она не подхватила какую-нибудь гадость и не заразила ребенка, мама давала ей деньги на папиросы, но это не помогало: окурки казались няне слаще. У нее были и другие, такие же независимые взгляды на жизнь.

– Елена Петровна, – говорила она маме, – любви нет. Есть только страсть.

***) Отвлекаясь от политики, скажу, что в фильме Астангов играл вора Костю Капитана просто замечательно. Худой,

нервный, даже истеричный – сколько точно таких я повидал за свой срок! Но Астангов-то не сидел... В вахтанговском спектакле Рапопорт, играя Костю, повторял своего Фильку-анархиста из “Интервенции” – т.е. мастерски лепил забавную, но совершенно условную фигуру. А что касается достоверности самого сюжета – “перековки” рецидивиста, – тут фильм и спектакль друг друга стоили. Уверен, что драматург Погодин не кривил душой сознательно; скорее, это было, выражаясь языком юристов, “добросовестное заблуждение” – как у всех у нас тогда.

*****) “Побиск” – это еще что! Во дворе у Юлика Дунского жил мальчик, которому его сознательные родители дали и имя идеологически выдержанное, и фамилию – Догнатий Перегнатов. (Тогда в моде был лозунг “Догнать и перегнуть Америку”.) Дворовые ребята звали его Догонялкин. Но мучился он от родительской глупости не долго: погиб на войне. А сколько было Социал, Индустриев, Интерн, Энергий! Загляните хотя бы в справочник Союза кинематографистов.

*****) В 59-м году Юлик Дунский услышал в подмосковной электричке, как эту “Сюзанну” с бутырскими словами поют совсем молодые ребята. Спросил, откуда знают; ему объяснили: а ее на всех армейских сборах поют. Юлик был польщен.

*****) Мастырка – от слова мастырить, т.е. мастерить, делать. Так называется, скажем, искусственная язва: ее можно сделать на руке соком лютика едкого; а можно прижечь папиросой головку члена – проходит за сифилитическую язву. Можно вызвать флегмону, продернув через кожу нитку, намоченную в керосине или на худой конец выпачканную зубным налетом. Можно насыпать в глаза истолченный грифель химического карандаша – получится сильнейший конъюнктивит... И так далее – до бесконечности. Цель мастырщика – получить освобождение от работы, а то и попасть в лазарет, отдохнуть.

*****) Настоящий Мацуока был

министром иностранных дел довоенной Японии – тем самым, кого Сталин после переговоров в Москве самолично, в нарушение протокола, проводил до вагона. Видимо, на радостях: обдурил очкастого, подписал договор, по которому обязывался не нападать на Японию – а ведь знал, что нападет. И напал-таки... в сорок пятом. Это как в старой шутке: хозяин своему слову – хочу дам, хочу возьму назад. А что касается Мацуоки-Эльштейна, кто-то из его знакомых уверял меня, что это он, а не Арк. Белинков, писал “роман в сомнениях”. Но я точно помню: Сулимов говорил о Белинкове. Впрочем, какая разница? Посадили-то обоих.

*****) Кандей – карцер (он же торба, он же трюм, он же пердильник). Отвернуть – украсть, угол – чемодан. Битый фрей (или битый фраер) – не вор, но авторитетный опытный лагерник. Таким был сам Якир: никогда “не ставил себя блатным”, но бывал допущен к воровским толковищам.

Феня – по-старому “блатная музыка” – заслуживает отдельного разговора. Здесь скажу только, что с удивлением прочел в латвийском журнале комментарии автора к составленному им же – с хорошим знанием дела – глоссарию. Перенося свою вполне заслуженную неприязнь к блатным на их язык, он отказывает фене в выразительности, считает ее тупой и безобразной. Мы с Ю.Дунским так не думали. Есть в блатном жаргоне и юмор, и образность:

Последний хуй без соли доедаем – живем голодно;

Ударить по старому рубцу – совокупиться (с женщиной);

Или всем известное – “надеть деревянный бушлат”.

Под влиянием фени формировался и общелагерный язык:

Фитиль – доходяга (потому что “догорает”); лебединое озеро – компания доходяг (доходить имеет много синонимов, в том числе “поплыть”).

Интересны и источники, часто самые

неожиданные, за счет которых феня пополняет свой словарный фонд; среди них даже иврит:

кешер, ксива, хевра, динтойра ("суд торы" – так называлось всесоюзное толковище, высший воровской суд чести).

Интересующихся могу отослать к нашему с Юликом рассказу "Лучший из них" (журн. "Киносценарии" № 3, 1992 г.).

И последнее примечание к главе "Церковь". Я написал ее в городе, название которого начинается с той же буквы "Ц" – Цинциннати, штат Огайо. Мы с женой Мариной гостим у дочки Юли. Жарко; в соседней комнате капризничает по-английски внук Сашка, скулит вполне порусски лабрадор-ретривер сучка Люси, орет двухмесячная Франческа-Габриелла, она же Гаврюша-Хрюша – а я сижу в трусах и вспоминаю... (Юлик Дунский сказал бы: "Давно ли по помойкам ползали?")

Неожиданный и приятный отклик на публикацию.

*Уважаемый г.г. Петербург,
2 июня, 1994г.
Валерий Семелевич,
Госпланов Валли фотограф
Филипп Сергеев Фейервикча
Даты: 1916-1917гг и 1924-
1925гг. - офицерской службе.
на восточной от с моей
Мамой - Татьяной Ерми-
ловной.
Благодарен Вам за
написание об этом.
Храни вас Бог!
Ваш Н. Семелевич*

Татьяна Ермиловна тоже отбыла свой срок (такой же незаслуженный, как у мужа и сына)

V. Красная Пресня. Места революционных боев.

К концу мая "церковь" стали энергично разгружать. Каждый день увозили несколько партий, человек по тридцать – сколько удавалось закинуть в "воронок". Известно было, что сейчас повезут в пересыльную тюрьму на Красной Пресне, а оттуда этапом в лагерь. Мы надеялись попасть все вместе, но не тут-то было: гулаговское начальство не любило, чтоб однодельцы оказывались в одном лагере. Боялись, похоже, что "из искры возгорится пламя" и антисоветчики продолжат свою контрреволюционную деятельность в лагерях. Но антисоветчики-то были липовые, а "деятельности" не было вообще. Чекисты сами придумывали себе страхи – как героиня Корнея Чуковского: "Дали Мурочке тетрадь, стала Мура рисовать..." Нарисовала чудище и заплакала: "Это бяка-закаляка рогатая, я ее боюсь!"

Ну хорошо, нашу "группу" легко было разослать по разным лагерям: всего четырнадцать человек. А вот с настоящими однодельцами-бандеровцами, власовцами, литовскими "бандитами", т.е. партизанами-националистами, – с теми было посложней, на всех отдельных лагерей не напасешься... Короче говоря, всех нас увезли из Бутырок порознь, и снова встретиться нам пришлось очень нескоро.

"Воронок", в котором ехал я, на этот раз был не купейный, а общий и набит до отказа. Пассажиры стояли, притиснувшись друг к другу, и слушали поучения доцента Каменецкого. Где, кого и чему он учил до ареста, я забыл, но эту его лекцию помню наизусть:

– Товарищи, – вещал он, – сейчас нас привезут на Красную Пресню. Там мы, возможно, встретимся с уголовниками и, возможно, их будет много. Но ведь они все трусы, это всем известно! Если дать им организованный отпор, они ничего не посмеют сделать! Давайте держаться так: один за всех, все за одного!

Путешествие было не очень долгим. На Красной Пресне нас высадили и велели ждать на дворе. Новоприбывшие – кучек пять-шесть – сидели на земле в разных углах тюремного двора.

Подъехал еще один "воронок", и из него

с веселыми криками вывалилась очередная партия. Даже я, с небольшим моим опытом, определил сразу: это Индия. Еще в "церкви" Петька Якир объяснил нам, что Индией называется камера или барак, где держат одних блатных. От нечего делать они режутся в стос – штосс пушкинских времен – самодельными картами; за неимением денег, играют на одежду. Проигравшиеся сидят голые "как индейцы" – отсюда название "Индия". Такая камера имелась и в Бутырках; и вот, ее обитателей привезли и посадили на землю рядом с нами. Едва надзиратель отошел, оголодалые индейцы кинулись к нам:

– Сейчас похаваем! – радовались они: у всех фраеров были узелки, набитые, как надеялись воры, продуктами. – Давай, мужик, показывай – чего у тебя там?

Молодой вор схватился за мой рюкзачок, но я держал крепко – помнил, как мы управлялись с блатными в "церкви", под водительством Ивана Викторовича. Сказал: – Ничего нет.

– Думаешь, твое шмотье нужно? Да на хуй оно мне усралось!.. Бациллу давай, сладкое дело!*)

Он потянул рюкзак к себе, я – к себе. Тогда он несильно стукнул меня по морде, а я в ответ лягнул его ногой – так удачно, что ворёнок завалился на спину. Доцент Каменецкий и остальные, замерев от страха, наблюдали за этим поединком, довольно нелепым: драться, сидя на земле, очень неудобно.

Заметив беспорядок, подбежал вертухай:

– Почему драка?

– Сами разберемся, – сказал я. Не хотелось уподобляться рыжему Женьке, просить у них защиты. Надзиратель удалился, а мой противник зашипел:

– Ну, сукавидло, тебе не жить! Попадешь со мной в краснуху – удавлю! В рот меня ебать!

– Видали мы таких! – ответил я. Хотя таких – во всяком случае, в таких количествах – не видал и даже не все понял из его грозной речи. Потом уже узнал, что "сукавидло" – это композиция из двух ругательств: "сука" и "повидло дешевое", а "краснуха" – это товарный вагон, теплушка.

Разговор наш был недолгим: Индию подняли и куда-то увели. Тогда вернулся дар речи и к Каменецкому:

– Очень правильно, Валерий! Вы молодец. только так и надо.

А Саша Стотик - однодевец моего однокамерника Володи Матвеева - обнимал меня за плечи и причитал:

- Pobre chico! Pobre chico!

Это я понимал. “Побре чико” - по испански “бедное дитя”. Ребята с факультета международных отношений очень гордились своим испанским языком. Кстати, это от Стотика я узнал, что любимая с детства романтическая “Кукарача” - просто похабные мексиканские частушки...

Я не стал выяснять отношений, интересоваться, почему не сработал лозунг “один за всех... и т.д.”. Тем более, что и нас вскоре завели в корпус и определили в одну из пустующих камер.

Там было чисто и просторно. Но недолго мы радовались. Только-только стали обживать новую квартиру, вольготно разместились на двухэтажных сплошных нарах – я на втором этаже, в углу, – как снова лязгнул замок, дверь распахнулась, и в камеру ворвалась волчья стая: наши недавние соседи-индейцы. Вожак – невысокий, золотозубый, в отобранной у кого-то велюровой шляпе – огляделся и бросился назад к двери, забарабанил кулаками:

– Начальник! Куда ты меня привел? Здесь, блядь, одни фашисты! Я их давить буду!

– Дави их, Лёха! – отозвался из-за двери веселый голос. Так я узнал, что мы не просто контрики, но и фашисты. Скоро узналась и кличка “старшего блатного” – Лёха с ржыми фиксами. А еще немного погодя ясно стало, какие интересные отношения связывают воров с тюремной администрацией. Но буду рассказывать по порядку.

Лёха взвыл по-волчьи и стал бегать взад-назад по проходу между нарами.

– Фашисты! Контрики!.. Вот кого я ненавижу! – выкрикивал он, задыхаясь от ярости. На губах – честное слово! – выступила бешеная пена. – Нет жизни, блядь! Всю дорогу через них терплю!

Его хриплый баритон взвивался все выше, до истерических альтовых высот. Остальные вору бегали за ним, успокаивали:

– Брось, Лёха! Не надо! Не психуй!

Но он не унимался. Продолжая симулировать истерику, оторвал от нар

узкую доску, заорал:

– Кто там на дворе заедался?! Где очкастый?

Я придвинулся к краю нар – без особой охоты. Но держа фасон, сказал спокойно:

– Я, что ли?

Шарах!!! Лёха со всего размаху двинул доской – но не по мне, а рядом, по нарам. Тут я окончательно убедился, что это спектакль – наверняка не в первый раз разыгранный и целью имеющий навести ужас на фраеров, подавить в зародыше волю к сопротивлению. Сработало. Камера затихла в ожидании дальнейших неприятностей; никто не вступал в дискуссию.

И воры приступили к главному делу. Расползлись по нижним и верхним нарам, стали потрошить узлы, чемоданы и вещмешки, забирая еду и что получше из барахла. У них ведь были налажены деловые контакты с тюремным начальством. Через одноглазого нарядчика – заключенного, но не “фашиста” и не блатного, а бытовика – скорей всего, проворовавшего снабженца – все, отнятое у фраеров, уплывало за зону в обмен на водку и на курево.

Поэтому-то блатных перебрасывали из камеры в камеру, расширяя, так сказать, фронт работ. Прибывали из Бутырок новые партии “чертей”, и “люди” пускали их в казачий стос.**)

Дошла очередь и до меня. На этот раз мной занялся один из самых авторитетных воров – Петро Антипов, который, как сообщили его коллеги, “по воле хлябал за дважды героя”. Т.е. носил украденные где-то Золотые Звезды и ордена Ленина, выдавая себя за дважды Героя Советского Союза.

Он подсел ко мне, спросил миролюбиво:

– У тебя правда ничего нет?.. Ну ладно...

А ты кто? Студент?

Я ему рассказал, кто я, где учился, за что сижу. Петро выслушал с интересом, посоветовал:

– Вообще-то, не лезь на рога. Лучше держись с нами.

Ко мне в рюкзачок он не заглянул. А мои сокамерники безропотно позволяли копаться в своих пожитках. Один попробовал было протестовать – Эмиль Руснак, красивый молдаванин, по делу – шпион румынских королевских войск. Но получив в глаз,

смирился и он. Вся операция заняла не больше часа. После этого воров от нас перевели – наверно, на следующий объект, в соседнюю камеру.

С некоторыми из них я потом встречался – в этапах, в Каргопольяге. Они были мне интересны. Я присматривался и прислушивался – и со временем кое-что понял в “цветном народе”, как они именовали себя. А еще называли себя – с гордостью – “босьяки”, “воры”, а также “урки”, “жуковатые”, “жуки-куки” и “люди”, о чем уже сказано. Они делятся по рангам: самые авторитетные – “полнота”, самые презираемые – “порчаки”, т.е. воры с подпорченной репутацией.***) Есть еще “полуцвет” – приклатненные, но не всем критериям отвечающие. А есть и “суки”. Сука – существо презираемое и ненавидимое законными ворами. Он ссучился, т.е. изменил воровскому закону и пошел в услужение лагерному начальству: согласен быть комендантом зоны, заведовать буром – баракком усиленного режима, внутрилагерной тюрьмой; даже дневальным у “кума”, оперуполномоченного, согласен стать!.. Война между ворами и суками шла в прямом смысле не на жизнь, а на смерть. Пользуясь этим, администрация иногда нарочно сводила их вместе и тем провоцировала кровавые побоища – чтобы проредить ряды и тех и других: ведь суки были очень ненадежными и опасными союзниками. О “перековке” никто никогда всерьез не говорил и не думал. По образу мыслей и действий суки оставались такими же уголовниками, как законные воры, но не были связаны моральными обязательствами, которые – хотя бы формально! – накладывает “закон” на честного вора (частое словосочетание; для блатных оно не звучит смешно). Честный вор не должен иметь с ссученным никакого дела. Если он, даже по незнанию, с сукой похавет, т.е. поест, то сам будет считаться ссученным. Что ж, и в мире нормальных людей незнание закона не служит смягчающим обстоятельством.

Воры не очень уважают убийц, “мокрушников”****). Объясняется это не природным добродушием, которого у блатных сроду не водилось. Просто не хочется лишних осложнений с милицией. А одна из самых уважаемых воровских профессий это ширмачи (или шипачи), т.е.,

карманники. Их ремесло требует многих качеств: высокой техники, сметливости, небоязни риска.

Терпеть не могут блатные хулиганов с их бессмысленными жестокими драками. Сами воры между собой решают споры на толковищах, которые я уподобил бы, пожалуй, закрытым партсобраниям. Убить вора можно только по приговору воровского суда.

Друг к другу настоящие босьяки относятся с подчеркнутым уважением. Никаких Петек, Сашек, Колек и в помине нет. А есть, уважительно и ласково, Петро, Шурик или Сашок, Никола. Иван всегда Иван, а не Ванька (часто – Иван-дурак; эта кличка, как и у героя сказок, вовсе не свидетельствует о нехватке ума). Степан всегда Степан, а вот Сергей – Серега, Алексей – Лёха, Леонид – Лёнчик и т.д. Я встречал Леву-жида и двух Володь-жидов; эта кличка также не означает дискриминации. Антисемитизма в воровском мире нет, каждого судят по заслугам.

Правда, когда нас на Красной Пресне выводили на прогулку – из-за невыносимой духоты по несколько камер сразу (в камерах каждый день случались обмороки), – так вот, увидев мою еврейскую физиономию во время прогулки, молоденький блатарь, сидевший со своими метрах в тридцати от нас, принялся молча дразнить меня. Без слов, одной мимикой он ухитрялся совершенно отчетливо прокартвить:

- Ой, Абрам Моисеевич! Ви-таки попали?!
Что ви говорите! Какой кошмар!

Но это не по злобе, а так, для забавы. Многие из воров по-настоящему артистичны – что, впрочем, не делает их лучше ни на копейку.

Я бы долго мог рассуждать на воровские темы, но случай еще представится.

А сейчас продолжу историю своей жизни на Красной Пресне.

После того, как воры во главе с Лехой удалились с добычей, нас тоже перевели в другую камеру. Там меня ожидала приятная встреча с Юркой Михайловым, моим однодельцем, и Сашей Александровым, с которым мы подружились в “церкви”. (Его фамилия почему-то произносилась с ударением на последнем слоге, Александрóв; так же непривычно, как Всеволод Иванов.)

Юрка и Саша немедленно согнали на пол

какого-то латыша, и я, с легкими угрызениями совести, лег на его место.

У Саши правая рука была на перевязи: оказалось, подрался с ворами и ему сделали "прививку" - т.е. черкнули ножом по руке. До войны он был инженером; воевал, попал в финский плен и три раза бежал из лагеря военнопленных. Каждый раз его ловили и наказывали. Невысокий, но крепко сложенный, лицом и фигурой похожий на молодого Бонапарта, в финском лагере он доходил: был момент, когда весил всего сорок килограммов. (А в московских тюрьмах набрал прежний вес, из дому ему носили хорошие передачи.)

После третьего побега финны решили больше не рисковать и из лагеря перевели Александра в тюрьму. Тогда он решил на хитрый, как ему казалось, ход: написал заявление, что готов пойти в школу диверсантов. Забросят на советскую территорию, думал Саша, и - терве-терве! По-русски сказать - привет!.. Но умные финны понимали, что такой неутомимый беглец честно служить им не будет. В школу диверсантов его не взяли, оставили в тюрьме, однако, заявление не уничтожили. А когда после конца войны военнопленных возвращали на родину, вместе с Александровым советским властям передали и его заявление - то ли по равнодушию, то ли по пакостности. Так Саша получил свои десять лет по ст. 58-1б, измена родине...

Блатных в нашей камере было мало, поэтому мы решили - опять же по инициативе доцента Каменецкого - ввести здесь закон фраеров, как в "церкви". Договорились: кто первый получит передачу, не позволит ворами ее "ополовинить", а в случае каких-нибудь осложнений все вместе дадим отпор. Ну как же: один за всех, все за одного!

Понятно, первому принесли передачу мне. Я вернулся в камеру с глиняной миской в одной руке и с алюминиевой в другой. В обеих мисках было молоко. Я поставил их на нары - и сейчас же сверху, где обитали блатные, ко мне спустился Васька Бондин, здоровый лоб, "тридцать два в отрезе". (Это определение пришло из северных лесорубных лагерей: так маркировали солидное бревно толщиной в 32 см. "Ворья! - говорили про кого-нибудь мордатого. - Тридцать два в отрезе!") Васька

потребовал:

- Фрид, выдели и нам.

Как условлено было, я отказал ему:

- Своих едоков много.

- Смотри, будет как с Александровым!

Сашу "пописали" в аналогичной ситуации.

Но я, верный уговору, сказал:

- Попробуй.

Он и попробовал. Слезил к себе на верхние нары, вернулся с ножом:

- Ну? Дашь?

- Не дам.

Тогда он воткнул нож в мою ногу, повыше колена, рванул вниз - и распорол, вместе с кожей и мясом, брюки. Это я заметил, а боли сгоряча не почувствовал. Второй ногой, обутой в сапог, я двинул Ваське в морду. Сапоги были юфтовые, тяжелые; воры называют их "самосудскими" - такими, считается, мужики забивали насмерть цыган-конокрадов.

Бондин вывалился на середину камеры, а я выскочил следом - как был, с миской молока в руке. Миску я разбил о его голову. Потекла кровь, смешиваясь с молоком. "Красавец парень, кровь с молоком!" - смеялись потом в камере. Но это потом, а пока что он еще два раза ударил меня ножом - в грудь и в руку. И опять я не почувствовал боли, а стал колотить его по башке другой миской, алюминиевой.

Так мы кружились в проходе, неравно вооруженные гладиаторы - ретиарий и - забыл, как называется, - другой, с мечом. И в первую минуту ни одна сволочь не ввязалась в драку - если не считать Васькиного дружка Женьки Рейтера, который, свесившись, с верхних нар, дал мне в глаз кулаком. А на второй минуте драки нашелся и мне защитник. Саша Александров, со своей пораненной рукой на перевязи, единственный из всех пришел на выручку: захватил своей левой Васькину правую с ножом, оттащил его. Тот не очень сопротивлялся. Дело в том, что поножовщина в камере - явление нежелательное для всех - в том числе и для воров: набегут вертухаи, устроят шмон и отберут ножи, а то и в кандей посадят. Поэтому до драки стараются не доводить: надо суметь взять у фраера полпередачи "за уважение" или "за боюсь".

Мы с Васькой разошлись по своим углам, как боксеры на ринге. Из трех моих порезов

текла кровь; он тоже был весь в крови – череп я ему не пробил, но кожу рассек в нескольких местах. Надо было идти на перевязку.

Мы заключили перемирие: договорились, что скажем надзирателю, будто подрались с кем-то дня два назад в другой камере, а теперь вот открылись раны, надо бы перевязать.

Так и сделали. Вертухай с удовольствием принял на веру эту малоправдоподобную версию: ему тоже ни к чему были лишние хлопоты. Но как только нас двоих вывели в коридор, у Каменецкого опять прорезался голос:

– Гражданин начальник, не верьте! Этот Бодин хотел отнять передачу, у него нож!

Пришлось гражданину начальнику принимать меры; после медпункта Ваську отправили в карцер, а меня вернули в камеру.

Произошел короткий разбор учений. Каменецкий вины за собой не чувствовал, считал, что свою миссию выполнил. Румяный здоровяк, генеральский сын Блох на вопрос, почему не вмешался, ответил, не смущаясь:

– А я ждал сигнала.

И только Юрочка Михайлов признался честно:

– Валер, я испугался.

К нему я претензий не имел. А Сашу Александрова после этого случая зауважал еще больше: во время драки ни боли, ни страха не чувствуешь – и то и другое приходит назавтра, ноют, не переставая раны, и уже кажется, что знал бы – ни за что не полез на нож. А Саша, с его незажившей “прививкой”, знал – и полез.

Много позже, в Инте, лагерный врач во время осмотра обратил внимание на шрам у меня на груди и поинтересовался его происхождением. Я рассказал. Доктор поахал и поставил диагноз:

– Валерий, вам повезло. Этот тип не знал, что у астериков сердце расположено ниже.

Симпатичный доктор ошибался: “этот тип” не собирался убивать меня, он не “порол”, а “писал”, резал не глубоко, – только для остратки. Правда, порезы те заживали долго – месяца три-четыре. Сперва из-за жары, потом из-за плохой лагерной кормежки.

Там, на Красной Пресне, я понял, почему блатное меньшинство всегда одерживает

верх над фраерским большинством. Если воров в камере пять, а “чертей” сорок, то все равно блатные в пять раз сильнее, потому что они-то действительно держатся один за всех, все за одного. А остальное население камеры – каждый за себя.

Та драка укрепила мою репутацию храбреца, который прямо-таки рвется в бой. Репутация совершенно незаслуженная: я физический трус, с детства боялся высоты, боялся хулиганистых ребят с соседнего двора, бахрушени, и никогда не дрался. Но в тюрьме и в лагере обстоятельства заставили – а главное, надежда хоть таким способом вернуть себе самоуважение.

После схватки с Васькой Бондиным, всякий раз, как в камере возникала напряженная ситуация, Блох с Каменецким кидались останавливать меня:

– Ради бога, Валерий! Не лезьте!

А я и не собирался лезть. Но все равно был очень доволен собой.

Еще когда возвращался после перевязки из медпункта, я увидел в коридоре женский этап. Их должны были разместить по камерам, а в ожидании этого они стали свидетельницами нашей стычки. И я первым делом спросил:

– Девочки, никто не сидел с Ниной Ермаковой?

– Я сидела, – откликнулась одна, с бледным хорошеньким личиком. До сих пор помню ее имя и фамилию: Ася Пятилетова.

– Ася, я Валерий Фрид, Нинин жених. Если увидишь ее, расскажи, ладно?

Мне очень хотелось, чтоб Нинка узнала об этой драке. Я думал: вот, если чудом встретимся когда-нибудь, дам ей потрогать мои героические шрамы. Через двенадцать лет встретились, дал потрогать – но большого впечатления они на нее не произвели... Забавно, что Юлику в его первом лагере кто-то из “очевидцев” сообщил: твоего кирюху на Пресне зарезали.

За время, что мы с Васькой отсутствовали, в камере произошло еще одно маленькое событие: Женька Рейтер попросился у надзирателей, чтоб и его перевели куда-нибудь: боялся, что я отыграюсь на нем, когда вернусь. Не стал я его бить – противно было.

Дело в том, что этот Женька никаким блатным не был, и даже не Женька был настоящим, а Кирилл. Московский студент,

он сел по ст.58-10, а попав на пересылку, сделал выбор: решил держаться не с интеллигентами, а с ворами – сила ведь была за ними. В нашей камере сидел и его отчим, которого Женька-Кирилл люто ненавидел (боюсь соврать, но кажется, он и посадил отчима, с удовольствием дав на него показания). Теперь вместе со своими цветными друзьями он отбирал у него передачи – вел, как ему казалось, воровскую жизнь. Но у цветных в ходу была присказка: “Воровскую жизнь любит, а воровать боится”. Рейтер был из таких. В лагере он быстро понял, что с ворьем ему не по пути.

Мы встретились с ним в Инте через семь лет. Он пришел ко мне с повинной, я зла не помнил, и мы даже стали приятелями. Почему он не хотел быть Кириллом – не могу сказать. Впрочем, и Кирилл Симонов тоже предпочел стать Константином. А в лагерях смена имен – дело обычное. Были у нас в Каргопольлаге Никифор, которого звали Володей, и Мечислав, ставший Витькой. Да и будущая жена Петра Якира Валя Савенкова в лагере называлась Ритой – наверно, не хотела отставать от своих подруг с красивыми заграничными именами, Нелли и Анжелы...

Был в камере еще один фраер, которого воры с радостью приняли в свое братство – летчик Панченко, дважды Герой Советского Союза (настоящий, не то, что Петро Антипов, хлябавший за героя). Панченко импонировал блатным и своим титулом, и отвагой, и злой медвежьей силой. Он и похож был на медведя – огромный, сутуловатый, с маленькими умными глазками.

Почему-то он любил поговорить со мной, интересовался книгами и фильмами – бывает такая неожиданная тяга к культуре у людей совсем необразованных. А Панченко был не просто необразован – дикарь дикарем! Он, мне кажется, просто не знал разницы между “хорошо” и “плохо”, и поэтому рассказывал о себе такие вещи, о которых другой промолчал бы.

Так, рассказывал Панченко, приехал он в самом начале войны в Харьков. По рангу – а он получил первого Героя еще за Испанию – его должны были встретить с машиной, но почему-то не встретили. И он в раздражении пошел с вокзала пешком. А тут началась воздушная тревога. К нему кинулась старуха еврейка, истерически

закричала, колотя кулачками в его широченную грудь:

– Почему ви тут? Ви должны быть на фронте! Должны защищать!

– Я вытащил пистолет и три пули всадил в нее... А что? Ничего мне не было. Посчитали, как покушение на Героя Советского Союза, – смеялся Панченко.

Ворам особенно нравилась история, за которую он получил свой первый срок: пьяный, полаялся в московском “Военторге” с милиционерами, открыл стрельбу и уложил двоих на месте. Тот срок ему заменили штрафбатом; там он не только “смыл кровью”, но и заработал вторую Золотую Звезду Героя. А сейчас сидел, по его словам, из-за ерунды. В должности командира эскадрильи он спал с женами двух своих непосредственных начальников, и обиженные мужья подстроили ему хозяйственное дело: нехватку бензина или еще что-то в этом роде.

Вместе с ворами дважды Герой отбирал у сокамерников передачи – не целиком, а по-честному, половину. Вместе с ворами и хавал. Продуктов у них накопилось много, их хранили на “решке” – решетке окна. Не боялись, что украдут – кто осмелится?.. Один доходяга осмелился, и расправа была короткой: ухватив доходягу за рубаху и мотню штанов, летчик поднял его высоко в воздух и отпустил. Тот грохнулся о цементный пол – и не поднялся, унесли в лазарет. Не знаю, выжил ли.

Да, дикий человек был Панченко. Но интеллигентов уважал. Узнав, что под нарами живет профессор Попов – тихий, глубоко религиозный старичок, биолог, кажется, – Герой потребовал, чтобы Попов вылез на свет божий:

– Ты правда профессор? – а получив утвердительный ответ, согнал кого-то с нижних нар и уложил туда профессора. Тот сопротивлялся: его пугала шумная и безобразная жизнь камеры; под нарами, затаившись в темноте, старик мог шопотом молиться. Но Панченко настоял на своем.

Профессор затих. Полежал с полчаса и сказал:

– Товарищ Панченко, можно к вам обратиться?

– Обращайся.

– Я хочу попросить вас об одолжении.

– Каком?

– Нет, вы пообещайте, что сделаете. Да это нетрудное!

– Ну, обещаю.

– Товарищ Панченко! Можно, я залезу обратно под нары?

Панченко разрешил.

Недели через две после драки с Васькой в камеру вернулся из карцера Никола Сибиряк. Это был серьезный вор, не чета той мелюзге, с которой мы имели дело раньше.

Никола был уже в курсе всего, что у нас произошло в его отсутствие.

Подсел ко мне, уважительно поговорил. Похвалил:

– Ты духарь. *****) А Васька, падло, много на себя взял. Он порчак, натуральный торбохват, его уже приземлили, лишили воровским куском хлеба... Слушай, ты все-таки, когда тебе кешер обломится, немножко мне давай. Немножко. А то неудобно, понял? А не будет у тебя, возьми у нас. – Своими светлыми, широко расставленными глазами он показал на решку, утыканную пайками и свертками с едой. – У нас много.

Я его понимал: Николе не хотелось шумного скандала, зачем? У них действительно еды было много. Но для поддержания авторитета надо было взимать с меня хотя бы символическую дань. И я пошел на компромисс, мне тоже не хотелось скандала. Угощал его чем-нибудь, но от его угощения мягко отказывался.

Воры относились с Николе с почтением, даже с подобострастием. Сама кличка Сибиряк этому способствовала: сибирские воры считались наиболее уважаемыми. За ними следовали ростовские, а московские стояли на нижней ступеньке иерархической лестницы.

Сибиряк большую часть дня сидел в задумчивости у окна на верхних нарах – воры предпочитают верхние, потому что там можно играть в карты, не боясь, что вертухай увидит через волчок. Или ходил по камере, голый до пояса, в белых кальсонах, заправленных в хорошие хромовые сапоги. На животе у него розовели еще свежие шрамы – штук пять параллельных полосок. Это он резал себе живот, чтоб не пойти на этап. Способ был довольно распространенный: оттягиваешь кожу и режешь бритвой, ножом или осколком стекла. Раны неглубокие, только кожа, ну и

соединительная ткань – а крови много; зрелище пугающее! Правда, со временем врачи перестали пугаться. Накладывали несколько скобок, талию, как кушаком, обматывали бинтом и выносили вердикт: может следовать этапом.

Слушать “романы”, которые тискали на нарах интеллигенты (пересказывали книги или фильмы; фильмы были по моей части), – этого Никола не любил, не мог сосредоточиться. Его мозг – думаю, не совсем здоровый – был занят какими-то своими мыслями. Пока остальные по-детски увлеченно слушали, Сибиряк расхаживал по проходу, обхватив плечи руками, и тихонько напевал:

... Ту-ру, ту-ру, ту-руту... полный зал,
Волчицею безжалостной, опасной,
Я помню, прокурор ее назвал.
Хотела жить счастливо и богато,
Скачки лепить, мадеру, водку пить –
Но суд сказал, что ваша карта бита
И проигрыш придется уплатить.

Скачки лепить – заниматься квартирными кражами. Всех слов песни Никола, по-моему, не знал; не знаю и я. А мотив был “Зачем тебя я, миленький, узнала”.

Там, на Красной Пресне, я впервые услышал знаменитую “Централку” – или “Таганку”, кому как нравится. Ее очень трогательно пели на верхних нарах:

Цыганка с картами, дорога дальняя,
Дорога дальняя, казенный дом:
Быть может, старая тюрьма центральная
Меня, несчастного, по новой ждет.
Централка! Те ночи, полные огня...
Централка, зачем сгубила ты меня?

Централка, я твой бессменный арестант,
Пропали молодость, талант в стенах твоих!

Отлично знаю я и без гадания:
Решетки толстые нам суждены.
Опять по пятницам пойдут свидания
И слезы горькие моей жены.

Припев и потом:

Прощай, любимая, живи случайностью,
Иди проторенной своей тропой,
И пусть останется навеки тайною,
Что и у нас была любовь с тобой... *****)

За свои десять лет в лагерях я слышал много песен – плохих и хороших. Не слышал ни разу только “Мурки”, которую знаю с детства; воры ее за свою не считали – это, говорили, песня московских хулиганов.

Рядом с Сибиряком спал смазливый толстомордый ворёнок по кличке Девка. У этой девки, как я заметил в бане, пиписька была вполне мужская – висела чуть ли не до колена. Никола время от времени тискал его, смачно целовал в щеку. Тот лениво отбивался: бросай, Никола!.. Не думаю, чтоб Никола приставал к малолетке всерьез – а если и так, то сразу скажу, что в те времена мы не знали “опущенных”, т.е. опозоренных навсегда “петухов”. (Не было и этих терминов; я их вычитал в очерках о современных колониях.) Педерастия в лагерях была – но на добровольных началах; к пассивным участникам относились с добродушной насмешкой, не более.

За стеной, в женской камере, обитали две блатные бабенки, “воровайки”, “жучки”, – Нинка Белая и Нинка Черная. С ними переговаривались через кружку: приставишь кружку к стене и кричишь, как в мегафон. (У кружек было и другое назначение, служить подушкой. Ложишься боком, голова опирается на обод кружки, а ухо внутри.)

Я-то с воровками не переговаривался, а блатные кокетничали всюю:

– Нинка, гадюка семисекельная! Тебя вохровский кобель на псарне ебал!.. Давай закрутим?

– Закрути хуй в рубашку, – весело отзывалась “гадюка” – не знаю, Белая или Черная. Я долго размышлял над этим “семисекельная”, пока Юлик Дунский не обьяснил: “семисекельная” – вместо старинного “гадюка семибатюшная”, т.е., неведомо от кого зачатая...

В один из дней пришли за нашим дважды Героем.

– Собирайся с вещами!

Он отказался – и не в первый раз: не желал идти на этап. Смешно сказать, Панченко требовал гарантии, что ему и в лагере найдут лётную работу.

– Пойдешь как миленький! – крикнул вертухай и захлопнул дверь. А через полчаса вернулся с подкреплением: за его спиной маячили еще трое синепогонников.

Но Панченко подготовился и к этому. Сидел рядом с Николой на верхних нарах – оба в одних кальсонах и сапогах, оба готовые к бою. У Сибиряка из голенища выглядывала рукоять ножа.*****) И надзиратели отступили, ушли ни с чем.

Потом до меня дошел слух, что Панченко

действительно отправили в какой-то северный лесной лагерь – летать на У-2, нести противопожарную охрану. Может быть, легенда, а может, и правда. Срок у летчика был детский, два или три года. По его словам, даже орденов и звания его не лишили.

Но я ушел на этап раньше Панченко.

Железнодорожные пути – наверно, Окружной дороги – подходили вплотную к тюрьме. Нас вывели из корпуса, построили в колонну и повели грузить в телячьи вагоны. Солдаты с красными погонами и в голубых фуражках – конвойные войска НКВД – подгоняли:

– Быстро! Быстро!

Пятерками взявшись под руки, мы шли, почти бежали, к составу. И вдруг я увидел за линией оцепления своих родителей. Они тоже увидели меня.

– Валерочка! – жалобно закричала мама.

А я в ответ бодро крикнул:

– Едем на север! Наверно, в Карелию!

– Разговорчики! – рявкнул конвоир, и на этом прощание закончилось.

Много лет спустя мама рассказала, что в то утро они с отцом привезли мне передачу, вернулись домой – и вдруг она забеспокоилась:

– Семён, поедем назад. Я чувствую, что его сегодня увезут.

Отец ничего такого не чувствовал, но спорить не стал. Они приехали на Пресню – и как раз вовремя... Вот такое совпадение.

Примечания автора:

*) Сладкое дело – сахар (он же сахареус, сахаренский), а бацилла – масло или сало. Бацильный – толстый, жирный (про человека). Слова из интеллигентского лексикона феней переиначиваются – иногда просто для смеха, а иногда очень выразительно. Например, атрофированный – потерявший совесть.

**) Пустить в казачий стос, оказачить – ограбить, отнять силой.

***) Все эти сведенья относятся к сороковым годам. Уже в начале пятидесятых мы услышали, что в бытовых лагерях появились “масти”, новые воровские касты. У нас в Минлаге их не было. А из категорий, которые существовали в мое время, я не упомянул “отошедших”. Это воры, по тем или

Мама и отец в те годы

иным причинам "завязавшие", покончившие с воровской жизнью, но к сукам не примкнувшие. Их не одобряли, но терпели.

****) Термин "мокрое дело" – убийство – в воровском жаргоне бытует с незапамятных времен. А вот глагол "замочить" – в смысле убить – появился сравнительно недавно.

*****) Дух, душок – по-блатному отвага, сила характера.

*****) У Сергея Довлатова, в "Зоне", зеки поют:

Цыганка с картами, глаза упрямые,
Монисто древнее и нитка бус...
Хотел судьбу пытаться бубновой дамою,
Да снова выпал мне пиковый туз.
Зачем же ты, судьба, моя несчастная,
Опять ведешь меня дорогой слез?
Колючка ржавая, решетка частая,
Вагон столыпинский и шум колес.

Этих двух красивых куплетов я нигде не слышал. Подозреваю, что придумал их сам Довлатов. Что ж, честь ему и слава – и не только за это.

Вообще же у лагерных песен очень много

вариантов – и мелодий, и слов. На три разных мотива поют "Течет речка да по песочку"; а в тексте известного всем "Ванинского порта" есть такое разночтение:

Вариант А):

Я знаю, меня ты не ждешь
И писем моих не читаешь,
Встречать ты меня не придешь,
А если придешь, не узнаешь.

Вариант Б):

Я знаю, меня ты не ждешь.
Под гулки своды вокзала
Встречать ты меня не придешь –
Мне сердце об этом сказало.

*****) Кого-то удивит: откуда в камере ножи? Ведь обыскивают, наверно? Обыскивают, и очень тщательно. Но если сунуть нож в подушку, его не так просто обнаружить: чем больше вертухай мнет ее в руках, тем плотнее перья сбиваются в комок. Для страховки блатной свою подушку с запрятым в нее ножом давал пронести какому-нибудь безобидного вида старичку: ~~то~~ сильно шмонать не будут.

Подписаться на журнал "Киносценарии"
вы можете, начиная с любого номера
Наш индекс 70434, цена одного
экземпляра -1200 р. на II полугодие
1994 года.

Галерея "Дом Нащокина"
при журнале "Киносценарии"
в 1994 году представляет выставки работ
Дмитрия Краснопевцева, Дмитрия Плавинского,
Олега Целкова, Рустама Хамдамова.
Информацию о времени проведения выставок мы
дадим в следующем номере журнала.
Также справки можно получить по адресу: Москва,
Воротниковский пер, д. 12
т. 299-11-78, 299-47-74, факс 209-60-23

Как было объявлено ранее, редакция журнала "Киносценарии"
в ближайших номерах журнала (а далее – в специальном
приложении) начинает публикацию сценарных заявок. Заявка
будет опубликована при соблюдении двух условий: объем
заявки не должен превышать 5 страниц машинописного
текста, и к заявке должен быть приложен бланк денежного
почтового перевода на сумму 50 долларов в рублях по курсу
на день отправления перевода. Итак, дерзайте, – и с вашим
творчеством ознакомились продюсеры, киномагнаты, алчущие
новых идей режиссеры! Не упустите свой шанс всего за 50
долларов!

Заявки присылайте по адресу: 103006, Москва,
Воротниковский пер., д. 12.

Handwritten text in Urdu script, likely a caption or title, positioned vertically along the right side and bottom of the image. The text is written in a cursive style and appears to be a name or a title related to the subject of the photograph.

Посвящается моей матери
Г.Д.Катанян

В. КАТАНЯН СЕРЕЖА

или Страсти по Параджанову

Главы из книги*

“Мною всю жизнь движет зависть”

Александр Атанесян:

„Вскоре после тбилисского суда его пригласили в Госкино Грузии:

– Мы готовы дать вам работу, снимайте что хотите, ищите сценарий. А пока, чтобы вы получали зарплату, мы назначим вас художественным руководителем на картину Манагадзе. (Манагадзе впервые увидел Сережу полгода спустя после сдачи своего фильма, и тот сказал со смехом: „Здравствуй, я у тебя худрук на картине!“)

Через несколько дней в кабинете министра Двалишвили Сергей что-то неуверенно предложил, сам колеблясь. Министр сказал, что хорошо бы сначала ему сделать картину с кем-нибудь на пару, ведь он долго не стоял у аппарата... Министр желал ему добра и как мог деликатнее с ним говорил. В кабинете был Додо Абашидзе, который тут же предложил Сереже сотрудничество, – он запустился с „Сурамской крепостью“. Это было очень благородно, ведь Додо понимал, что в случае провала будет виноват он, если наоборот – решат, что это победа Параджанова.

Всю картину Сережа раскадровал своими руками, нарисовал каждый кадр – небольшой рисунок, чуть больше спичечного коробка. Он нарисует композицию и передает ее нам: „Вы такими каляками-малыками все окружите“. Мы зачерчивали, подклеивали, вырезали – словом, делали всю черновую работу. Потом он сверху просто пальцем – помадой ли, маникюрным лаком, горчицей ли – давал тональность. Весь фильм предстал в последовательности. К началу съемок Параджанов был абсолютно готов. Он – да, но не мы. И вот почему. Сергей был совершенно непродуцированный человек, он знал, что хочет, но точно поставить нам задачу не мог. Мы не понимали, что от нас требует постановщик, и всегда опаздывали – ассистенты, помрежи, бутафоры. Мы не могли не опоздать, ибо не знали, что у него в голове. Он видит готовый кадр, каждый из нас должен сделать маленькую деталь, но Параджанов не объясняет, какую именно, и получаются неувязки, нервная обстановка и крик. Для него – ясность творческой цели, для нас – абсолютная неорганизованность. И съемки были сплошь и рядом мучительными.

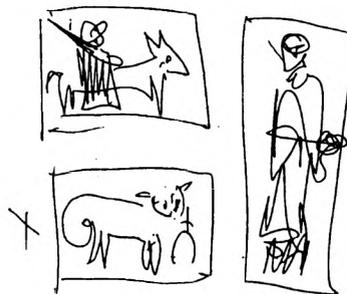
Он работал с сотрудниками по многу лет, хотя про одних говорил, что это разбойники, про других – что „их видели уходящими в горы с двумя мешками денег“, и прочую чушь. И все же он сам никогда не расставался с работниками, это они уходили от него. Редко, но уходили, не выдерживая необузданности его характера, даже коварства. Одного человека спросили:

- Вот вы проработали с ним картину. Так какой же он – Параджанов?
- Вы видели когда-нибудь зло?

* Начало публикации см. в № 6 – 1993 г.

Параджанов с Додо Абашидзе

Рисунки к фильму
"Легенда о Сурамской крепости"

– Нет, как же можно зло – видеть?

– Можно. Зло – это Параджанов".

(Не могу не согласиться с А. Атанесяном. Так же как и многие, знавшие Сережу, не удивляюсь этому суждению. Я почти не знаю ни одного друга Параджанова, которого на определенное время не разделяла бы с ним вражда, порожденная Сережиным поведением. Что было – то было. Но и они сегодня не поминают его лихом – таков феномен Параджанова.)

Александр Атанесян:

„Это был человек с пластическим мышлением, он мыслил пластическими образами, он не рассказывал, а рисовал. Для него сценарий был музыкой, которую следует перевести на язык танца. Но он переводил сценарий на язык художественных символов. С драматургией же у него были вечные нелады, и он любил пользоваться титрами. Это были названия глав (если сравнивать с романом), избавлявшие его от логических связей сюжета. В „Сурамской крепости“ каждый эпизод – это самостоятельный фильм, с другими эпизодами не связанный, не создающий композиции картины в целом. Например, Сергей сделал титр „Как Зураб увидел войну“. Эпизод никуда не ложился, ни с чем не сочетался, он сам по себе. Возникали эти фантастические бараны и эти воины... Никакой войны нет, но так ее увидел Зураб.

Параджанов этими титрами спасался, но возводил их в принцип. И зритель, подчиняясь режиссеру, не вникал в сюжет, постигая суть поэтических образов в череде живописных кадров.

Все костюмы Сережа делал своими руками. Шили их, конечно, портные, но он потом так драпировал, укрывал и комбинировал, что получалось нечто ни на что не похожее. Больше вы нигде не увидите таких одежд, ни в одном фильме. В нем умер гениальный кутюрье. Впрочем, нет, не умер, поскольку костюмы, им сочиненные, остались навсегда в его фильмах. Только не надо искать в них исторической достоверности, школьники не будут по ним изучать эпоху. Достоверность его не интересовала, и курдский платок, повязанный на голове грузинской княжны, отлично уживался с туркменским тюльпеком, поверх которого была накинута узбекская паранджа задом наперед, а сбоку висела кисть, которой обычно подхватывают портьеры в буржуазных гостиных...

По этим костюмам вы всегда узнаете его фильм, даже если это будет всего один кадр.

Это не поэтический кинематограф, это – „кинематограф Параджанова“.

Однажды в перерыве между съемками я спросил его, что им движет, есть ли какая-то закономерность в том, что он снимает этот эпизод так, а не эдак? Он ответил поразительно: „Мною всю жизнь движет зависть. В молодости я завидовал красивым – и стал обаятельным, я завидовал умным – и стал неожиданным“. Конечно, это была зависть особого, параджановского толка.

Как он снимал? Определенного метода не было, и мы никогда не знали, что нас ждет. Вот случай на съемках

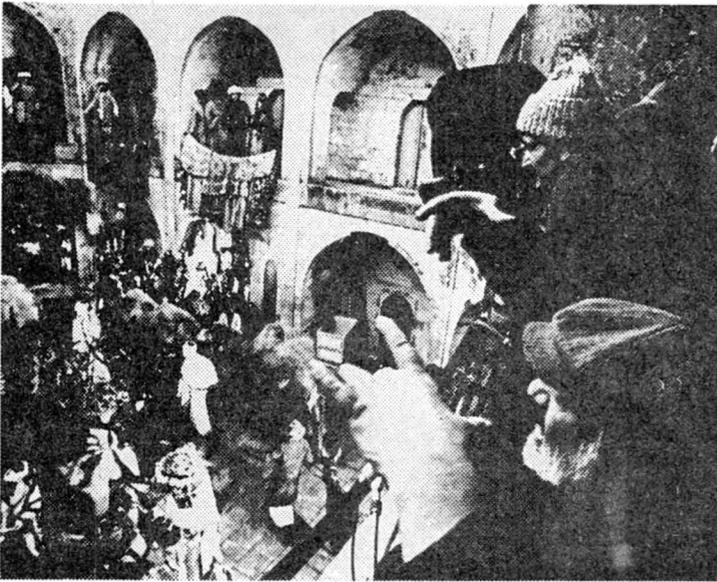

Рабочий момент съемок фильма „Ашик Кериб“.

„Легенды о Сурамской крепости“, эпизод „Базар в Стамбуле“. Сережа утверждал, что это XIV век, хотя совершенно непонятно, какой это век и Стамбул ли это вообще. Вся группа по различным причинам не разговаривает с Параджановым: сопостановщик Додо Абашидзе за то, что застал Сережу за поеданием осетрины в одиночестве. Директор потому, что Параджанов написал на него шесть доносов. Я потому, что Сережа меня обвинил: „Ты не уследил, и агенты ЦРУ украли у меня паспорт!“ Оператор Юрий Клименко с ним не разговаривал потому, что не понимал, как можно „честно посадить в тюрьму“. Словом, все, кроме куратора студии Мананы Бараташвили, которая все ему прощала и звала его „пупусь“.

Так вот, мы все с ним в ссоре, и нужно сделать так, чтобы он ни к чему не смог придраться. А мы готовим чудовищный по освоению объект. Нужно было одеть четыреста человек массовки, двенадцать героев, пригнать восемь белых и восемь черных лошадей, четырех верблюдов, шесть ишаков, двух мулов, обнаженных невольниц и подготовить весь реквизит. Труднее всего было дело с Додо Абашидзе, который играл эпизод. За его большой рост Сережа звал его Эльбрусом, на него ничего не налезало, и он снимался весь фильм в спортивных штанах с надписью „Adidas“ (где-то в фильме это даже мелькает). Сшить новые было нельзя, потому что Параджанов требовал штаны именно XIV века, а никто не знал, какие тогда были штаны. В том числе и сам Сережа. Историческая скрупулезность отнюдь не была сильной стороной его творчества, он мог нацепить на героя две серьги, и когда ему замечали, что мусульмане носят серьгу лишь в одном ухе, он парировал: „А я повешу ему вторую и возьму шестнадцать международных премий за красоту!“ Так вот, Сережа заявил нам: „Я приду в два часа, и чтобы все было на месте!“ Появляется за пятнадцать минут до начала, садится, как всегда, на стуле задом наперед:

- Ну что, бездари, объект готов?
- Готов.
- Где четыреста человек массовки?
- Вот. И еще резерв – пятьдесят.
- Все одеты? А ну иди сюда, грим проверю!
- И грим есть!
- Где сто штук лимонов?
- Вот они.

На съемках "Легенды о Сурамской крепости"

- Где китайские вазы, ковры, оружие?
- Все на месте!
- Где Эльбрус?
- Здесь я!

И оператор Клименко говорит, что все готово. Это совершенно добило Сережу, но он не сдавался:

- А где лошади и верблюды?

- Вон они.

- А где фураж для скота?

- Вот сено, вот овес.

Он ехидно прищурился:

- А где человек, что будет за скотом убирать навоз?

Выходит усатый дворник:

- Я буду!

- Видишь, пупусь, все готово! Можно начинать.

- Так, значит, все сделали? Ну и снимайте сами, зачем я вам нужен?!

И ушел с площадки обиженный. Мы не оставили ему процесса творчества...

На другой день не было массовки, Эльбрус был не одет, операторы не готовы. Был час крику-визгу, но съемку провели, и все разошлись довольными.

А если вспомнить, как он выбирал актеров, то я не знаю, найдется ли на земле еще такой режиссер. Только один пример – как он искал исполнителя роли волынщика для „Сурамской крепости“. Сережа говорит мне: „На завтрашнюю съемку на роль волынщика надо пригласить Отара Мегвинетухуцеси“. Я послал записку. Возвращается трясущийся от ужаса второй режиссер Хута Гогиладзе и говорит: „Шура, я не знаю, как сказать это Сереже... Отар попросил сценарий!!!!“ Я тоже не взялся говорить такое: Параджанов никогда в жизни не давал актерам читать сценарий. Хута продолжает: „Мало того. Отар спросил, как Параджанов видит эту роль“. Тут я понял, что скандал неминуем: „Ладно, я скажу ему сам, но ты стой рядом, как гонец“.

- Сережа, у нас накладка с Отаром.

- Он заболел?

- Хуже. Он спрашивает сценарий. И концепцию роли.

- Он что, идиот? Я его снимать не буду. Отбой. Вызови Тенгиза Оквадзе, я придумал, я же гений.

- Сережа, он был хорош в „Киевских фресках“ – молодой, красивый, а сейчас... и потом... он выпивает...

- Ты бездарь! У меня двадцать девять медалей за вкус, я лучше тебя знаю, кого снимать.

Он кричит, ходит возбужденный, все перевешивает и переставляет, все ему не так. Минут через двадцать заявляет:

- Слушай, я вспомнил. Этот Оквадзе какой-то кишмиш. Он что-то мне разонравился. Наверно, надо снимать Отара Маридзе, как ты думаешь?

- По-моему, Отар хороший актер, но декоративный, не для этой роли и вообще не твой актер. У нас крупные планы, а он манерный, зачем это тебе?

- Ты бездарь, у меня тридцать одна медаль за вкус! И ты будешь меня учить?

Скандал, Сережа орет, что-то ломает. И я смиряюсь:

– Ладно, снимай Отара, снимай кого хочешь. Что ты со мной советуешься?

Наутро говорит:

– Я придумал гениальную вещь. Я снимаю Рамаза Чхиквадзе в костюме Аздака из спектакля Стура.

А у Додо Абашидзе свои счёты с Театром Руставели. И он начинает нависать над Параджановым. Огромный человек в 160 килограммов, в прошлом „гремучий хулиган“, как говорили в Тбилиси: „Кого?! Да как можно искать актёров среди этих убийц грузинского театра?!“ А я думаю, что у него сейчас

будет инфаркт, у Сережи тоже, они оба диабетики и очень тучные шестидесятилетние люди. И Параджанов, спрятавшись за меня, спрашивает:

– А что, я тебя буду снимать, что ли?

– Лучше меня, чем этих негодяев!

– Да? А ну, сделай так!

И Сережа показал как. Додо сделал.

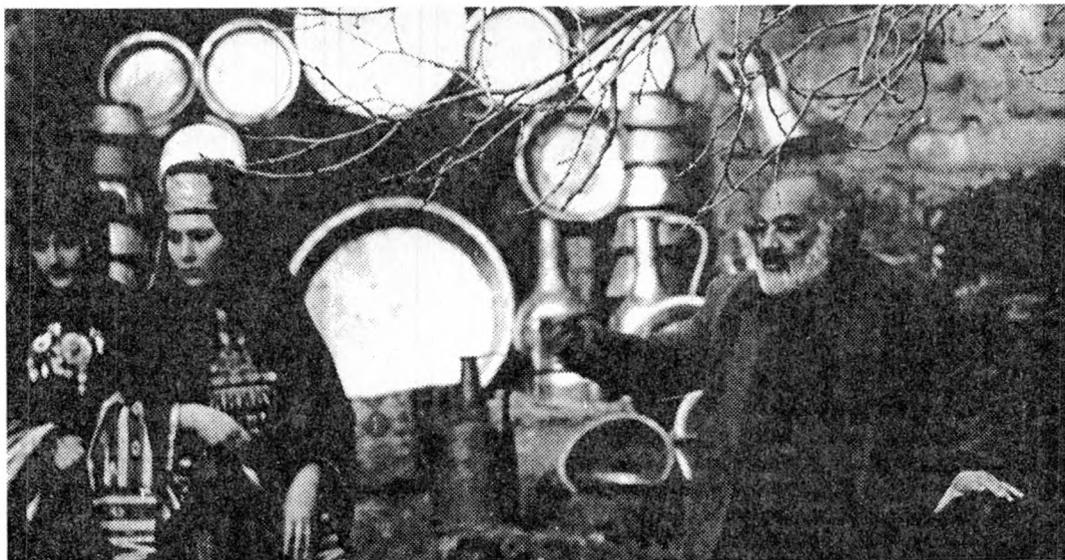
– А ну, скажи что-нибудь.

И Додо вдруг начал петь каким-то странным голосом старую грузинскую песню вольтыжника. Сережа вышел из-за моей спины и, присев, снизу взглянул на него. „Все! Никого не вызывать! Снимаем Додо Абашидзе!“ Вот так был выбран актёр.

Анекдот? Нет. Кто бы ни приехал завтра на съёмочную площадку, уверяю вас, он всех одел бы и поставил в кадр“.

Додо Абашидзе в фильме “Легенда о Сурамской крепости”

„Зритель часто покидает меня во время просмотра“

Время от времени мы, естественно, говорили с ним о кино, и в моих записях есть несколько его суждений:

„После обеда смотрели на видео „Кабаре“. Картина Сереже очень понравилась, но – странное дело – он внимательно следил за сюжетом, а все номера с Лайзой Минелли, все это кабаре его совершенно не заинтересовало. Он выходил, разговаривал, откровенно скучал.

Вчера С. смотрел „Амадея“ и вернулся злой. В целом он против версии Формана, считает картину слабой, легкомысленной: „Форман увлекается перерезанными венами Сальери и шляпами жены Моцарта“. Вместо Моцарта Хлестаков, мол. Красивые интерьеры, шкафы, кареты и костюмы. Считает, что Пушкин вошел в нашу плоть и кровь и надо делать по Пушкину. Я возражал, но это было ни к чему: раз уж Форман его не убедил... Он, вообще, не спорит, а молчит.

– Знаешь, как надо было снять пролог к фильму? Моцарт и Сальери в детстве дружили, и однажды они...

– Но Моцарт еще не родился, когда Сальери был мальчиком!

– Кого это интересует? Слушай. Однажды они гуляли по парку и любовались лебедями. Рядом садовник подрезал кустарник. Вдруг он схватил лебедя и отрезал ему крылья. Мальчики были потрясены. А много лет спустя Сальери обрезал крылья Моцарту!"

„В Тбилиси Сережа смотрел „Царя Эдипа“ Пазолини семь раз. Объяснил почему: „Чтобы не повториться! И смотрел бы еще, но картину увезли...“

„Амаркорд“ и „Зеркало“ им удалось снять потому, что их не сажали. Я тоже снял бы „Исповедь“ в свое время. Но у меня было пятнадцать лет вынужденного простоя, из меня абортировали несколько задуманных картин. Если бы Феллини и Тарковский сидели в лагере, они сняли бы свои мемуары трагичнее“.

„В понедельник мы с Инной и Сережа с Ниной Алисовой смотрели „Жестокий романс“. Ему фильм понравился, но он с возмущением сказал (почему-то Алисовой): „Как Эльдар мог поставить на стол такие фужеры?!“ Какие? Мы не обратили на них никакого внимания, а он – первым делом“.

„Вечером никого не было, С. томился и мешал мне: „Брось ты своего Антониони, такая скучища, и никто его не смотрит“. (Я читал „Антониони об Антониони“.) Но если бы это был Чаплин, он ради красного словца сказал такое же и о нем, ибо в это время ему нужно было общение. Сегодня утром говорю: „Вот ты отмахиваешься от Антониони, а он работает, как ты, только фильмы у вас получаются разные“. И прочел ему:

„Я всегда придавал особое значение объектам, окружающим человека вещам. Предмет, находящийся в кадре, может означать не меньше, чем персонаж. Мне было необходимо с самого начала заставить, научить зрителей относиться серьезно не только к героям, но и к окружающим предметам“.

Или вот:

„Актер – это элемент изображения, и далеко не всегда самый важный. Совершенно очевидно, что его значение в каждой конкретной сцене зависит от того места, которое он занимает в кадре...“

А это уж точно про тебя:

„Когда я снимал „Крик“, превосходная актриса Бэтси Блэр захотела пройти со мной по всему сценарию, чтобы я объяснил ей каждую строчку. Те два часа, что я провел с ней над сценарием, были самыми ужасными в моей жизни, поскольку я был вынужден выдумывать значения, которых там вовсе не было“.

– Повтори, кто это сказал?

– Антониони.

Параджанов сам сооружал головные уборы и придумывал грим артистам

В обеденный перерыв.

– Нет. Это сказал я!”

Сказать не сказал, но поступал именно так. Вообще, Параджанов воспринимал необычно чужие идеи и находки. Если они ему нравились, он бессознательно, не замечая этого, их присваивал. Так ему казалось, что рогожный занавес „Гамлета“ на Таганке придумал именно он. И разорванную карту Британии, где проходит поединок в спектакле Стурца, – тоже он. И, ничтоже сумняшеся, говорил об этом налево и направо. (Если бы он увидел „Служанок“ у Романа Виктюка, то, несомненно, заявил бы, что красное „сорт де баль“ – тоже его находка...) Но со мной эти номера не проходили, так как я неизменно спрашивал:

– И танец булочек в „Золотой лихорадке“ тоже ты придумал?

Насчет заимствований. Он взял у художника Микеладзе идею коллажа на зеркале, но полагал, что придумал ее сам. При этом, правда, туманно рассуждал о диффузии в искусстве, о взаимообогащении. Это еще ничего. Хуже, когда он сочинял небылицы о знакомых, и далеко не всегда безобидные.

„...Критики должны прочесть в живописи Сезанна то, что сам Сезанн не сформулировал, – заметил однажды Тарковский. – А вместо этого критики обращают к режиссеру идиотский вопрос: что вы хотите сказать этим фильмом? Но ведь задавать этот вопрос критик должен не режиссеру, а самому себе: что сказал режиссер этим фильмом?“

Параджанов тоже не собирался никому ничего объяснять. Он знал, что снимает кино, трудное для восприятия. „Зритель часто покидает меня во время просмотра, и я остаюсь один в зале. Но он привыкнет“, – сказал Сережа в интервью Австрийскому ТВ.

Конечно, его фильмы требуют духовного усилия. Еще в Киеве на худсовете он сетовал: „Мне обидно, что меня не понимают. Невозможно представить, чтобы Пикассо сказали: „Я этого не понимаю, напиши мне, как пишет Лактионов, и я, как советский человек, это приму“. Я знаю, что я вас замучил своим сценарием“.

Он не мог себя перебороть и делать, „как Лактионов“.

Известно, что „публика любит не познавать, а узнавать“(Стравинский). И вот следует одно за другим:

– Сергей Иосифович, как вы объясните, что в „Ашик Керибе“ караван верблюдов с невольницами проходит по берегу моря, где плывет современный корабль?

– В самом деле? Может быть...

– И почему одалиски держат автоматы Калашникова?

– Разве? Кто бы мог подумать...

На вопрос ТВ, как он работает с актерами (нашли о чем спросить), он, помолчав, ответил: „Сижу ли я в кресле у камеры или бегаю по площадке, поправляю ли грим или сооружаю костюм – это все потом осмыслят киноведы“.

Я видел это интервью, на его лице уже лежала печать замкнутости, и потухшие глаза ждали беды. От него хотели обобщений, идей и теорий. Но какие теоретические идеи оставили после себя Блок или Чайковский? Оставили поэзию, музыку, красоту и судьбы, которые волнуют нас и сегодня.

Сережа молчал.

Очень не подходит Параджанову ранг авангардиста, наверно, потому, что эпохами, сюжетами и всей фактурой своих фильмов он обращен в прошлое, к теням чужих предков. Но по сути своего искусства он – авангардист. Именно он осветил дорогу новому направлению в кинематографе и вернул ему образ. Но это уже не моя область, а

Эскиз к одной из неосуществленных работ

В своих картинах он всегда снимал детей

кинокритиков, на которых возлагали надежду Тарковский и Параджанов. Я скорее описываю Параджанова, чем истолковываю его, не выходя за границы воспоминаний.

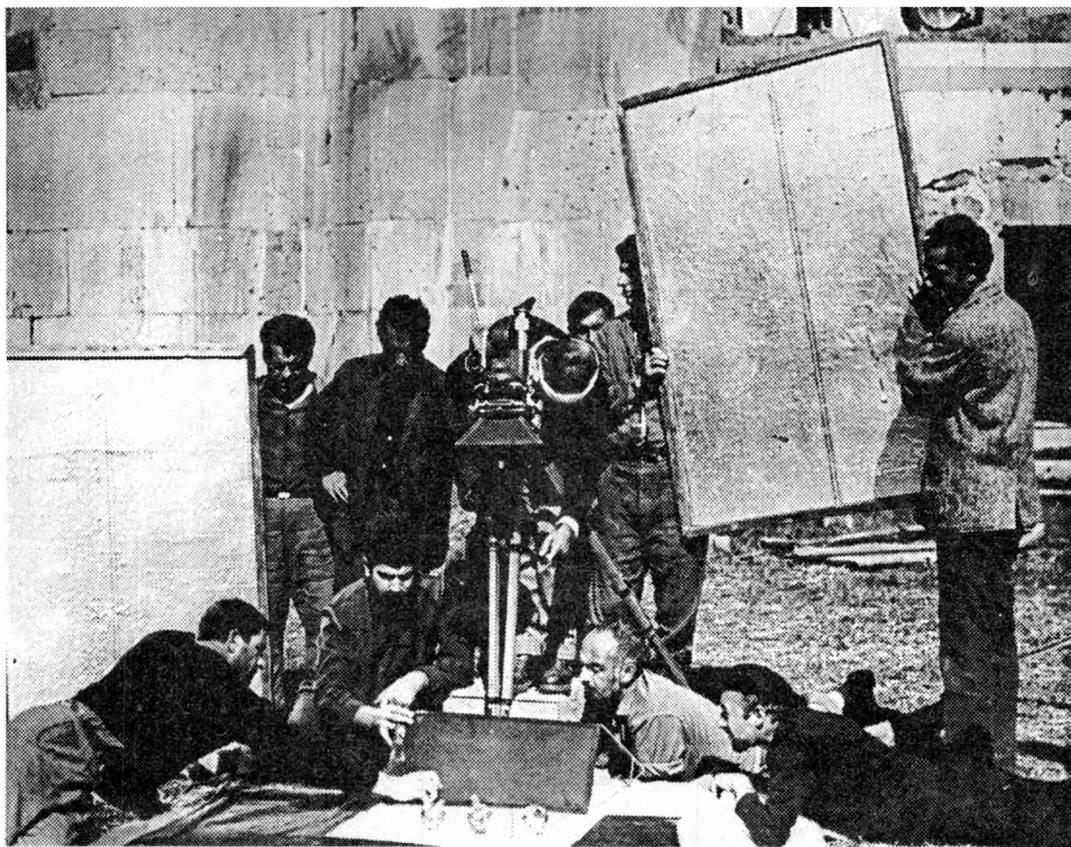
Сережа много раз возвращался к статье о нем замечательного филолога Юрия Лотмана. Она так ему нравилась, что он даже купил десять (больше в киоске не было) экземпляров пятого номера журнала „Искусство кино“ за 1989 год, где была опубликована эта статья.

– Я никогда не смог бы так сформулировать себя. Кто такой Лотман? Он гений, – говорил он и снова просил прочитать ему вслух:

„Когда смотришь фильмы Сергея Параджанова, охватывает присутствие сильного и покоряющего искусства. Размышлять некогда: ты захвачен врасплох и взят в работу. С тобой играют, как бурное море играет с пловцом: только сумел справиться с волной, как тебя накрывает следующая. А когда приходит время размышлений, то невольно восклицаешь: „Но это же ни на что не похоже! Это, знаете, не поймешь что!“ Поэтому фильмы Сергея Параджанова не только восхищают, но порой и раздражают, особенно зрителей, воспитанных на развлекательных фильмах, которые так любит кинопрокат, и

Кадр из фильма „Ашик Кериб“

Долго и скрупулезно... На съемках фильма "Цвет граната"

киноведа, давно уже положивших в карман теоретические отмычки ко всем „кинопроблемам“.

Уже в первых изобретательских патентах киноаппарат был зарегистрирован как „производящий повествование с помощью подвижных картин“. Иллюстрацию по контрасту можно определить, как „повествование с помощью неподвижных картин“.

Киноязык Параджанова обнаруживает сознательную ориентацию на некоторые черты языка иллюстраций. В „Цвете граната“ это, в частности, привело к включению в текст фильма элементов армянской средневековой книжной графики. Проявляется эта ориентация и в „Легенде о Сурамской крепости“ (созданной в соавторстве с Додо Абашидзе). Сюжетное движение фильма организуется, во-первых, легендой и, во-вторых, рядом литературных текстов грузинских писателей.

Книжную иллюстрацию можно представить себе как повествование, состоящее из одних стоп-кадров. Создатели „Легенды“ как бы расчленяют свой фильм на стоп-кадры, а затем приглашают нас внутрь этих остановленных кусков и там развертывают полную движения новеллу. Серия иллюстраций превращается в серию новелл.

Смысловая насыщенность кадров „Легенды“ поразительна: символика цвета, символика народных обрядов, символика грузинской поэзии, огромные пласты символических значений, почерпнутых из арсенала мировой культуры, и, что еще важнее, – установка на символическую значимость всех деталей, передающихся зрителю и овевающих дымкой таинственной многозначительности весь текст фильма, делают каждый кадр сложнейшим сгустком смыслов. Многие детали не поддаются (по крайней мере для пишущего эти строки) однозначной расшифровке. Таковы, например, явно внесюжетные „согледатаи“, мелькающие в некоторых кадрах и как бы остающиеся невидимыми для других персонажей

Софико Чиаурели в фильме "Саят-Нова"

этих же кадров (нечто вроде Ганса Вурста в средневековом театре). Так, в новелле „Отпущение грехов“ в момент вывоза сокровищ на экране появляется странная фигура в голубом, которая, прячась за колоннами и за углами здания, подглядывает за действием, совершающимся на экране. В новелле „Завещание“ она в образе шута в голубом прыгает вокруг беседующих Османа-аги и Дурмишхана (которые ее не замечают) и подслушивает, гримасничая и кривляясь, их разговоры“.

– Представляешь? Он увидел все! – замечал в этом месте Сережа.

„То, что в „Легенде“ образы просвечивают сквозь образы, роднит ее символический язык с древней мифологической традицией. Так, поверженный, но живой воин, на груди которого сидит орел, воин, как бы „одетый“ крыльями пожирающего его хищника, – это и Амиран-Прометей, и Зураб, который скоро „наденет“ на себя стены Сурамской крепости.

Этот же принцип проявляется в системе двойников. Разные роли исполняются одними и теми же актерами, не скрывающими, а подчеркивающими внешнее сходство персонажей. В сцене, где пьяные князья рубят саблями гранаты над головой раба, появляются актеры-близнецы. На экране два одинаковых лица, из которых одно хохочет, а другое искажено маской ужаса. Еще более сложен прием, когда в новелле „Молитва“ Вардо трижды дана в повороте профиля анфас, глаза в глаза со зрителем. Это „двойная“ Вардо, какой ее видят наблюдатели, и „внутренняя“, в момент, когда ломается ее душа и судьба, невольно напоминая кадр перед зеркалом в „Нескольких интервью по личным вопросам“ в исполнении той же Софико Чиаурели. Вообще, воля режиссера в „Легенде“ не подавляет воли актера, в частности великолепной игры С. Чиаурели, индивидуальность которой прекрасно гармонирует со своеобразием режиссуры.

Мифологизм языка фильма проявляется еще в одном: он панхронен. Определить время его действия в исторических категориях невозможно и не нужно. Он протекает в повторяющемся времени мифа и свободно совмещает приметы различных эпох.

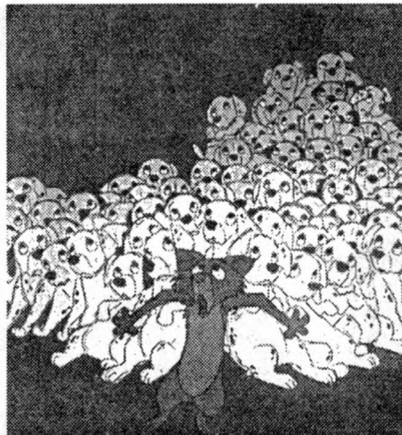
Итак, фильм-иллюстрация? Да.

Самостоятельное, себедовлеющее художественное целое? Да.

Более того, он – подтверждение того, что открытое использование в искусстве кино языков, совершенно иных по своей эстетической природе, смелость художника, который „берет свое там, где находит“, не ослабляет, а обновляет искусство. Художественный язык „Легенды“ нов потому, что не боится архаизма, глубоко кинематографичен, ибо нарушает каноны кинематографичности“.

“Инопланетянин”

“Сто один далматинский дог”

100 самых популярных фильмов Америки

Американский журнал “Entertainment” обнародовал список “100 наиболее популярных фильмов американского кино”. Использовались статистические данные как посещаемости кинотеатров, так и видеопроката. В публикуемом ниже списке числа в концах строк означают количество тысяч зрителей, просмотревших соответствующий фильм.

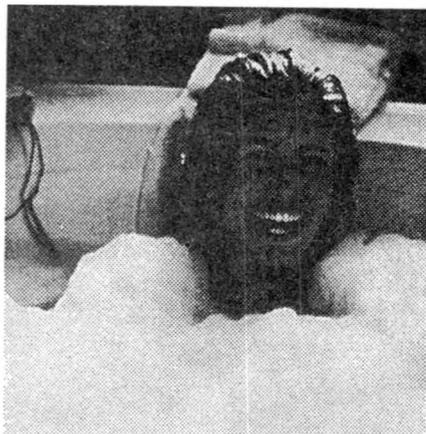
Как недвусмысленно явствует из обзора, самым популярным режиссером Америки является Стивен Спилберг. Шесть(!) его картин (“Инопланетянин”(1), Челюсти(6), “Искатели потерянного ковчега”(19), “Близкие контакты третьего вида”(59), “Индиана Джонс и последний крестовый поход”(76), “Индиана Джонс и Храм судьбы”(85)) вошли в заветную сотню. Любопытная ситуация сложилась с “Парком Юрского периода”. По кассовым сборам (346 миллионов долларов) он занимает второе место в истории американского кино после “Инопланетянина”. Но не вошел в сотню наиболее посещаемых фильмов, потому что демонстрировался после значительного повышения цен на билеты.

Конкуренцию Спилбергу смогла составить лишь продукция фирмы Уолта Диснея /”Сто один далматинский дог”(3), “Фантазия”(5), “Книга джунглей”(7), “Алладин”(10), “Красавица и чудовище”(17), “Пиноккио”(29), “Бэмби”(35), “Спящая красавица”(42), “Алиса в стране чудес”(81), “Леви и бродяга”(87), “Питер Пэн”(92)/

Хотя авторы основывались на тщательно выверенных статистических данных, существуют некоторые сомнения в абсолютной объективности этого списка. Демографическая ситуация в Америке постоянно изменялась, как и возможности просмотра фильмов. Например, знаменитая “Касабланка”(1941) с ее 113 миллионами зрителей заняла лишь 98 место. Но если соотнести эту цифру с реальным населением Америки той поры, то позиции “Касабланки” окажутся не менее весомыми, чем первое место, занимаемое “Инопланетянином” Стивена Спилберга.

“Унесенные ветром”

“Красотка”

1	Инопланетянин	1982	С. Спилберг	296 048
2	Унесенны е ветром	1939	В. Флеминг	281 000
3	Сто один далматинский дог	1961	Студия Уолта Диснея	258 451
4	Звездны е войны	1977	Дж. Лукас	251 645
5	Фантазия	1940	Студия Уолта Диснея	243 093
6	Челю сти	1975	С. Спилберг	235 329
7	Книга джунглей	1967	Студия Уолта Диснея	229 738
8	Полицейский из Беверли Хиллз	1984	М. Брест	221 669
9	Звуки музы ки	1965	Р. Уайз	219 250
10	Алладин	1992	Студия Уолта Диснея	217 299
11	Один дома	1990	К. Колумбус	212 580
12	Привидение	1990	Д. Цукер	211 499
13	Охотники за привидениями	1984	И. Рейтман	207 631
14	Красотка	1990	Г. Маршалл	207 176
15	Назад в будущее	1985	Р. Земекис	199 577
16	Супероружие	1986	Т. Скотт	197 800
17	Красавица и чудовище	1991	Студия Уолта Диснея	197 748
18	Афера	1973	Д.Р. Хилл	196 393
19	Искатели потерянного ковчега	1981	С. Спилберг	194 435
20	Трое мужчин и ребенок	1987	Л. Нимо	191 411
21	Возвращение Джидая	1983	Р. Маркванд	190 975
22	Представление сестер	1992	Э. Ардолино	188 740
23	Один дома II	1992	К. Колумбус	188 456
24	Роковое влечение	1987	Э. Лейн	186 912
25	Крестны й отец	1972	Ф.Ф. Коппола	185 896
26	Бэ тмен	1989	Т. Бартон	185 055
27	“Крокодил” Данди	1986	П. Файман	184 021
28	Империя наносит ответны й удар	1980	И. Кершнер	183 550
29	Пиноккио	1940	Студия Уолта Диснея	183 500
30	Молчание ягнят	1991	Д. Демме	179 555
31	Кто подставил кролика Роджера	1988	Р. Земекис	177 741
32	Экзорцист	1973	У. Фридкин	176 786
33	Мутанты -черепашки ниндзя	1990	С. Гиллиард	173 878

“Представление сестер”

“Основной инстинкт”

34	Основной инстинкт	1992	П. Ферхофен	173 568
35	Бэмби	1942	Студия Уолта Диснея	168 600
36	Отец невесты	1991	Ч. Шейер	168 023
37	Полицейский из Беверли Хиллз II	1987	Т. Скотт	168 000
38	Зверинец “Национального памфлета”	1978	Д. Лэндис	167 763
39	Несколько хороших парней	1992	Р. Райнер	167 708
40	Тутси	1982	С. Поллак	167 522
41	Большой	1988	П. Маршалл	166 309
42	Спящая красавица	1959	Студия Уолта Диснея	164 676
43	Бриллиантин	1978	Р. Клейзер	164 432
44	Терминатор II	1991	Д. Кэмерон	164 062
45	Мир Уэйна	1992	П. Сфирис	162 975
46	Их собственная лига	1992	П. Маршалл	162 830
47	Прибытие в Америку	1988	Д. Лэндис	161 531
48	Танцы с волками	1990	К. Костнер	160 656
49	Смертельное оружие	1987	Р. Доннер	160 223
50	Крепкий орешек	1988	Д. Мак-Тирнен	159 887
51	Грязные танцы	1987	Э. Ардолино	159 615
52	Терминатор	1984	Д. Кэмерон	158 248
53	Городские обманщики	1991	Р. Андервуд	158 043
54	Доктор Живаго	1965	Д. Лин	157 500
55	Кокон	1985	Р. Хоуард	153 380
56	Десять заповедей	1956	С. де Милль	153 000
57	Непрощенный	1992	К. Иствуд	151 425
58	Человек дождя	1988	Б. Левинсон	150 778
59	Близкие контакты третьего вида	1977	С. Спилберг	148 279
60	Дорогая, я уменьшил наших детей	1989	Д. Джонстон	146 612
61	Тельма и Луиза	1991	Р. Скотт	145 584
62	Рыбка по имени Ванда	1988	Ч. Криктон	144 946
63	48 часов	1982	У. Хилл	144 629
64	Смертельное оружие II	1989	Р. Доннер	144 155
65	Робин Гуд: принц воров	1991	К. Рейнолдс	141 610
66	Телохранитель	1992	М. Джексон	139 932
67	Родительство	1989	Р. Хоуард	138 768

“Близкие контакты
третьего вида”

“Запах женщины”

“Касабланка”

68	Волшебник из страны Оз	1939	В. Флеминг	138 646
69	Неприличное предложение	1993	Э. Лейн	137 952
70	Роки	1976	Д. Эвилдсен -	137 540
71	Жарены е зелены е помидоры	1991	Д. Эвнет	136 436
72	Посмотри, кто там говорит	1989	Э. Хекерлинг	134 110
73	Вспомнить все	1990	П. Ферхофен	133 826
74	9 1/2 недель	1986	Э. Лейн	133 590
75	Мэри Поппинс	1964	Р. Стивенсон	133 000
76	Индиана Джонс и последний крестовый поход	1989	С. Спилберг	131 882
77	Охота за “Красным октябрём”	1990	Д. Мак-Тирнен	130 830
78	Доброе утро, Вьетнам	1987	Б. Левинсон	130 694
79	Когда Гарри встретил Салли	1989	Р. Райнер	130 514
80	Детсадовский полицейский	1990	И. Рейтман	128 826
81	Алиса в стране чудес	1951	Студия Уолта Диснея	128 732
82	Смуки и бандит	1977	Х. Нидхем	127 833
83	Бетховен	1992	Ч. Гродин	127 611
84	Гремлина	1984	Д. Данте	126 598
85	Индиана Джонс и Храм судьбы	1984	С. Спилберг	126 132
86	Юные каратисты	1984	Д. Эвилдсен	126 028
87	Леди и бродяга	1955	Студия Уолта Диснея	125 735
88	Запах женщины	1992	М. Брест	125 664
89	Супермен	1978	Р. Доннер	125 358
90	Рэмбо: первая кровь II	1985	Д.П. Косматос	124 870
91	Американские граффити	1973	Д. Лукас	124 714
92	Питер Пэн	1953	Студия Уолта Диснея	124 623
93	Рука, качающая колыбель	1992	К. Хэнсон	121 737
94	Бэтмен возвращается	1992	Т. Бартон	121 736
95	Оставайся со мной	1986	М. Мансфилд	121 243
96	Лунатик (Очарованный луной)	1987	Н. Джунсон	117 750
97	Бен Гур	1959	У. Уайлер	115 000
98	Касабланка	1942	М. Кертис	113 511
99	Мой кузен Винни	1992	Д. Лейн	112 963
100	Горящие седла	1974	М. Брукс	111 227

Марлен Дитрих
Азбука моей жизни

Звезда американского кино Марлен Дитрих (1901–1992) прожила долгую счастливую жизнь. Деятельная натура актрисы не выдерживала и минуты покоя. Она десятки раз пересекала океан на пароходах и самолетах и уже в весьма преклонном возрасте совершила концертное турне по всему миру. Правда, как можно судить по книге ее дочери Марии Ривы "Моя мать Марлен", последние годы актрисы были отмечены стаческой немощью и болезнями: в 70-е годы Дитрих дважды ломала шейку бедра.

Потеряв способность двигаться, Дитрих поняла, что настала пора писать мемуары, ведь она дружила со многими великими людьми XX века. В 1978 году книга ее воспоминаний "Возьми лишь жизнь мою" увидела свет, а затем под разными названиями издавалась во всем мире, в том числе и в нашей стране, где ей было присвоено скромное название "Размышления".

Мало кто знает, что в литературном наследии Дитрих есть еще одна книга – "Азбука моей жизни", изданная в 1963 году. Это название очень точно формулирует суть книги, в которой в афористической форме Марлен Дитрих сформулировала свои главные житейские заповеди, описала людей, с которыми ее сталкивала жизнь, предложила свои кулинарные рецепты, дала советы как одеваться, выбирать обувь. И хотя со дня опубликования книги прошло уже тридцать лет, она не утратила своей ценности, поскольку Марлен Дитрих говорит в ней о вещах, которые неотделимы от человеческой жизни.

Эта книга принадлежит к числу тех, которые надо постоянно держать под рукой, ибо в ней можно найти советы на любой случай жизни: от восхитительных по своей простоте кулинарных рецептов, которые прославили Марлен Дитрих как великолепного кулинара, до житейской мудрости, которая не стирается от лишнего повтора: "Считай день потерянным, если заходящее солнце не увидит полезной деятельности твоих рук". Трудно не согласиться с актрисой, ведь благодаря такой неуемной энергии Марлен Дитрих прожила длинную и насыщенную жизнь.

Марлен Дитрих

Азбука моей жизни

А

АБРИКОСЫ (Aprikosen). Из них готовят мой любимый мармелад. Возьмите сухие плоды, засыпьте сахаром, варите на слабом огне, в конце варки добавьте ванилин. Дайте остыть, потом протрите через сито. Мармелад готов, его не нужно ставить на лед. Ни в коем случае не используйте миксер!

АВСТРИЯ (Österreich). Милая страна! На стенах домов нарисованы мадонны в голубых плащах. Темп жизни определяется масштабами страны, в которой нет ничего от грандиозности соседней Италии. Милая, нежная красота созвучна ритмам вальсов, молодому вину, напевам скрипок. То же самое можно сказать и о языке. Австрийцы говорят очень певуче, используя множество сокращений. В их устах речь становится мелодией.

Знатки утверждают, что австрийцы похожи на французов. У тех и других много шарма. "Живи и дай жить другим", – принцип, роднящий обе нации. Австрийцы дали миру много выдающихся художников, писателей и особенно музыкантов.

АВТОГРАФ (Autogramme). Никогда не предлагай его сам. Лучше приберечь для многочисленных родственников и знакомых. Чаще всего просьбы дать автограф раздаются в ресторанах и как раз в тот момент, когда вы затолкали кусочек в рот и вознамерились его проглотить. Просьба обставляется одними и теми же словами: "Не хотелось бы Вас беспокоить, но..." Обычно подсовывают меню, кошельки, денежные купюры, галстуки и прочие вещи, на которых ручка не желает писать. К тому же она не всегда находится в наличии, ибо охотники за автографами свято верят, что жертва ходит с ручкой, зажатой в кулак. Обычно искомый предмет находится у официанта. Пока делается надпись, ловец автографов всеми силами пыгается развеять подозрение, что автограф нужен ему самому, ибо боится показаться слишком инфантильным.

Если мне выпадает счастье встретить человека, который меня восхищает, я долго сомневаюсь, прежде чем предложить автограф. Но если вижу, что он не прочь получить его, тут же ставлю подпись.

АВТОМОБИЛЬ (Auto). Любимая игрушка взрослых мужчин.

АВТОРИТЕТ (Autorität). Необходим тем, кто занимает ведущее положение в городе, стране, государстве. Основа для авторитета – осведомленность не только в общих проблемах, но и глубокие профессиональные знания. Человек, который руководит коллективом, прежде

Марлен Дитрих. "Азбука моей жизни". Берлин, 1963.

Marlene Dietrich. "ABC meines Lebens". "Blanvalet Verlag", 1963.

чем принять решение, должен думать не только об успехах и достижениях, но и об отрицательных последствиях. Авторитетный человек должен иметь хорошее образование, специальные знания, быть терпимым, понимать и любить своих сотрудников. Тогда он будет уважаем и любим.

АКАЦИЯ (Akazia). Прекрасное цветущее растение. Как хочется наполнить его запахом флакон. К сожалению, до сих пор это не удалось никому!

AQUA (вода). Первое латинское слово, которое заучиваешь и запоминаешь на всю жизнь, потому что оно звучит так просто и понятно.

АККОРДЕОН (Akkordeon). Люблю его звуки. Они напоминают мне Францию.

АКРОБАТ (Akrobat). Легкокрылый человек, каким хочется быть каждому. Показывает, как крепко мы связаны с землей и как тяжелы.

АКЦЕНТ (Akzent). Считаю неуважительным говорить с акцентом на чужом языке. Такая речь подрывает авторитет говорящего. Конечно, бывают и исключения. Например, южные народы. Их неправильные ударения звучат очень мило, так что в конце концов смиряешься с их выговором. Соперниками южан могут быть русские. Неправильный выговор и грамматика используются ими с примечательным достоинством.

АЛИМЕНТЫ (Alimente). Когда проходит любовь, она поселяется в пустоте.

ALCOOL BLANC. Традиционный напиток французов. Делается из фруктов.

АЛЬТЕНБЕРГ, Петр (Altenberg, Peter). Его произведения дали мне мужество бороться за свои убеждения. Прежде чем прочитать их, я чувствовала себя заблудшей овцой. Вот только один пример его прозы: "Облеудя корзинку для бумаг, они разругались друг с другом. "Хорошо, что это случилось как раз накануне свадьбы", — сказал жених."

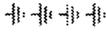
АНГЛИЙСКАЯ БОЛЕЗНЬ (Englische Kronkheit). Ее исчезновение — триумф витамина Д. Каждый Фома неверующий должен взять это себе на заметку.

АНГЛИЙСКИЙ (Englisch). Прекрасный и богатый язык. К сожалению, используется лишь маленькая толика его богатств. Жаль, что мы пользуемся ограниченным словарем, выражая мысли одними и теми же словами.

АНГЛИЙСКИЙ ПУДИНГ (Englischer Pudding). Манна моего детства, которую гувернантка готовила с большими церемониями.

АНДЕРСОН, Марион (Anderson, Marion). Это имя для меня больше символ, чем реальность. Лицо, голос, чистота, страсть, человеческая сущность. Она знает, что ее миссия — нести в мир гармонию и спокойную решимость, дать покой беспомощным людям. Лично мы не знакомы, но в этом нет никакой необходимости.

АНИС (Anis). Сладкое слово. Сразу вспоминается детский бисквит и пахучее дерево.

АНТЕННЫ (Antennen). Наполнители наших чувств и инстинктов.

APRES MOI LE DE LUGE. Это выражение приписывается Людовику XV. Переводится "После меня хоть потоп", а по сути дела означает "Все к черту!". Звучит слегка манерно.

АРГЕНТИНА (Argentinien). Люблю эту страну и особенно Буэнос Айрос, который напоминает Париж. Чудесная, исполненная энтузиазма публика, теплая и живая. К тому же зрители прекрасно обо всем информированы. Я с удовольствием беседовала с их театральными критиками. В Америке лишь немногие исполнители устаиваются подобной чести.

АРЛЕН, Гарольд (Arlen, Harold). Ни один такт из написанных им не прозвучал в другой мелодии. Богато одаренные в этом не нуждаются.

АРМИЯ (Armye). Некоторые заповеди для рекрутов и вольнонаемных.

Вы будете освобождены от всякой ответственности — что очень благоприятно.

Вам не нужно принимать решения — что очень благоприятно.

У вас появятся причины для брюзжания — и это благоприятно.

Вас будут кормить — что может стать новой причиной для брюзжания.

Вас лишат возможности цепляться за материнскую юбку — давно пора.

Вы получите униформу — самую прекрасную одежду из всего, что носят мужчины. Она уберезет вас от плохого вкуса и избавит от необходимости выбирать галстук. Все женщины будут ваши.

Вы привыкнете к дисциплине, духовной и физической, научитесь жить рядом с другими людьми.

Привыкнете к непривычному.

Проникнетесь корпоративным духом.

Откажетесь от драгоценного одиночества.

Научитесь жить по плану.

Привыкнете к ранней побудке.

Научитесь готовить и варить картофель.

Будете переносить неизбежное с достоинством.

АРОМАТ (Arroma). Самый лучший аромат имеет эльзасское вино "Гевюрцтраминер" (Gewurztraminer).

АРТИКУЛЯЦИЯ (Artikulation). Современные актеры часто заменяют ее так называемым "реалистическим произношением". Существует метод "поиска другого ботинка". Например, актер сидит на скамейке и объясняется девушке в любви. Однако на нее он не смотрит, вертит головой во все стороны, даже заглядывает под скамейку и говорит как бы между прочим, поскольку весь погружен в поиски ботинка.

Английские актеры напротив, умеют артикулировать речь и учатся этому с первых дней пребывания в театральной школе. Их не увлекает идея "быть естественным", совершенно поглотившая многих американских актеров. Если актер решил отказаться от артикуляции, значит зритель должен научиться читать по губам, чтобы помочь ушам. Но, слава богу, сторожевой пес фильма — звукооператор всегда на боевом посту!

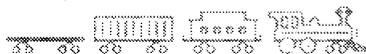
АРТИШОКИ (Artischocke). Незаменимое средство для печени. В некоторых странах салат из артишоков продают прямо в аптеках. Если есть их на обед и на ужин, то головная боль быстро исчезнет.

АСПИРИН (Aspirin). В Европе рассматривается как медикаментозное средство, а в Америке — как самое повседневное. Если у американского ребенка болит голова, он тотчас глотает

аспирин. В Европе головная боль у детей — редкость и потому рассматривается как опасный синдром. Не спору. Аспирин имеет целительную силу, но только матери не должны им злоупотреблять.

АССИЗЫ (Assisi). Деревня, полная чудес, особенно для тех, кто имел счастье впервые увидеть ее ночью.

АСТЕР, Фред (Aster, Fred). Элегантность, элегантность и еще раз элегантность!

АСТРОЛОГИЯ (Astrologie). Считается псевдонаукой. Однако глупо отрицать влияние на человека луны и других небесных тел. И если пока мы не можем определить его формы, это не дает нам повода для скептицизма.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА (Achilles ferse). У кого ее нет! Но важно знать свою Ахиллесову пяту и не позволять другим касаться ее.

БАБУШКА (Grossmutter). Если судить по прессе, то в этом мире я являюсь единственной бабушкой. Но должны же существовать и другие. Так что я их сердечно приветствую. Нас объединяют общие радости и заботы. Вот что я могу поведать из своего опыта общения с внуками.

1. Нужно ходить на цыпочках.
2. Внимательно оглядываться вокруг, чтобы не отдалить кому-нибудь пальчики.
3. В случае надобности всегда быть на месте.
4. Исчезать, когда в нас больше нет нужды.
5. Охранять тишину в доме.
6. Навострить оба уха в ожидании крика о помощи.
7. Быть всегда готовой к приходу внука.

БАБУШКА (Babuschka). Если у вас нет времени сходить к парикмахеру или помыть голову, наденьте платок и будете смотреться так же чинно и очаровательно, как она.

БАЗИЛИК (Basilikum). Благодаря этой специи аромат мяса может быть значительно усилен. Придерживающиеся бессолевой диеты должны использовать именно эту приправу. Смешав базилик с маслом, можно получить хорошую приправу для спагетти.

БАКЛАЖАННАЯ ИКРА (Caviar d'Aubergine). Запечь в печи, пока плоды не станут мягкими. Остудить, снять кожу, мелко порезать. Отдельно обжарить лук в масле, добавить к нему баклажаны. Жарить вместе, переворачивая деревянной ложкой. Добавить томатную пасту, продолжая жарить. Подается холодной в качестве закуски.

БАКАРАК, Барт (Bacharack, Burt). Мой Amitee Amoureuse.

БАЛЕНСЬЯГА (Balenciaga). Если я хочу знать, что готовит нам современная мода, то обращаюсь только к нему. Это великолепный художник, который не только рисует модели одежды, но и может создать копию своего творения из пары метров материала, задрапировав их на теле с помощью нескольких булавок. Я не знаю другого модельера, который бы так разбирался в технологии изготовления одежды и знал наверняка, что можно сделать из того

или иного материала. Чем больше знает мэтр, тем больше разбираются в деле его сотрудники. Вот почему первая примерка у Баленсяги равна третьей в других домах моды.

БАССЕЙН (Schwimm bassin). Необходимо возле всех открытых бассейнов поставить памятники доктору Джонасу Салку, чтобы напомнить отцам и матерям прыгающих в воде чад, что своим душевным покоем они обязаны этому человеку.

БАХ, Иоганн Себастьян (Bach, Johann Sebastian). Я очень любила его музыку. По восемь часов в день разучивала его сонаты и заработала воспаление безымянного пальца левой руки. Ее заковали в гипс, и она стала совсем безжизненной. Благодаря постоянным упражнениям я восстановила силу пальцев, но уже не могла выступать в концертах и была вынуждена забыть об игре на скрипке. С той поры я больше не люблю Баха.

БЕЖЕНЦЫ (Fluchtlinge). Они вызывают у меня глубочайшее сочувствие. Ведь это трагедия — насильственно или добровольно лишиться родины. Исключение составляют те, кто бежит от высоких налогов.

БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ (Lauwarm). Если это прилагательное относится к сфере чувств, то уж лучше ничего не чувствовать.

BELLE-MERE. Переводится как "прекрасная мать". Французы избрали это слово для обозначения свекрови или тещи. Хотелось бы, чтобы все нации переняли его, а комики и кабареисты отказались от своих безвкусных пародий на их счет. Для тещ и свекровей всего мира это стало бы приятным сюрпризом.

БЕЛЬМОНДО, Жан Поль (Belmondo J.P.). Новая кровь, новое лицо, новая витальность, новые флюиды, новая эротика, новая естественность. Олицетворение невротичных актеров нашего времени.

БЕРГМАН, Ингмар (Bergman, Ingmar). Его сотрудники обращаются с ним как с королем, а если кто-то чужой окажется среди них, то должен следовать их примеру. Его юмор равен его фантазии. Когда он готовил свой первый цветной фильм, то подверг всех своих сотрудников тесту на цвет.

БЕРЕЗЫ (Birken). Они трогают мое сердце.

БЕРЛИН (Berlin). Остров посреди Германии. Покоится на берлинском юморе. Острые, сухие шутки смешиваются с "юмором висельника" и самоиронией. Этот юмор по природе трагичен, поскольку не ощущается ни уважения, ни сочувствия говорящего к самому себе. Берлинский диалект принадлежит к самым красочным, образным и смелым языкам мира.

БЕСЦЕЛЬНЫЙ (Ziellos). Тот, на кого распространяется это понятие, может позволить себя закопать.

БИСМАРК (Bismark). Был первым, кто сказал, что в интересах победителя восстановить разрушенное.

БИСТРО (Bistro). Если вы действительно, голодны. Если не хотите затягивать трапезу. Если хотите чувствовать себя как дома, тогда идите в бистро.

БИФШТЕКС (Steak). Если американец задумал приготовить отличный ужин, не нужно быть ясновидцем, чтобы угадать, что будет подано на стол.

БИЦБУЦ (Bizbuz). Еврейское слово для обозначения мотовства. Оно мне полюбилось, потому что звучит весело и не так безнадежно, как "мотовство".

БЛАГОРОДСТВО (Adel). Ницше говорил: "Гордое осознание сверхординарной привилегии ответственности, ровно как и гордость господства этой силы над самим собой и своей судьбой, внедряются в глубины сознания человека".

Родители учили меня никогда не перекладывать ответственность на плечи других.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ (Wohltatigkeit). Роскошь, окружающая богатых, редко употребляется на благие цели. Напротив, люди, занимающиеся благотворительностью, как правило, не обладают необходимыми средствами.

Я говорю не о той благотворительности, за счет которой можно уменьшить налоги, а о той, которую не принято выставлять напоказ.

БЛИЗКИЙ (ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ) (Vertraut). Насколько мне известно, на другие языки это слово чаще всего переводится как "знакомый". Однако мы, немцы, знаем, что "близкий" и "знакомый" это разные понятия.

БЛИЗНЕЦЫ (Zwillinge). Мне нравится энергия, темперамент и активность женщин, родившихся под этим знаком. Я обратила внимание, что многие женщины, с которыми я дружна, являются близнецами.

БОГАТСТВО (Reichtum). Мне кажется, что большинство богатых людей немножко скучноваты. Однако не следует забывать, что богатство — опасная сила, особенно в руках богатых.

БОЛЕЛЬЩИКИ (Kiebitz). Темпераментные зрители, которые сопереживают вещам, не неся за них никакой ответственности. Я тоже охотно болею. Все зависит от того, где болеть.

БОРДЕЛЬ (Bordell). Страна без борделя, что дом без ванной комнаты.

БРОДВЕЙ (Broadway). Сотни, тысячи шаркающих ног. Сотни, тысячи голодных лиц. Однако этот голод не ограничивается наполнением желудка.

БРЭДДОК, Бесси (Braddok, Bessie). Врожденный такт и добро в немножко шероховатой оболочке.

БРЮКВА (Rüben). Пицца моего детства состояла исключительно только из брюквы и картофеля. Уверена, что брюква более картофеля ответственна за результаты.

БРЮКИ (Hose). Когда в Техасе хотят сделать комплимент мужчине, говорят, что "ему очень идут его брюки".

БЮСТГАЛЬТЕР (Bustenhalter). Чтобы мужчина повернулся и присвистнул в восхищении — такое в Америке встретишь нечасто. Это происходит, если он увидел что-то необычное, например, четко обозначившийся под платьем или пуловером бюст. Я нахожу это очень трогательным, ибо оно указывает, что все мужчины идеалисты по природе.

ВАННА (Bader). При чувстве усталости принимаю ее охотно. Однако не люблю делать этого, находясь дома в одиночестве. Ванна напоминает мне огромное спокойное море, и я чувствую себя совсем одинокой.

ВАСИЛЬКИ (Kornblume). Если смешать их с маргаритками и маком, получится прекрасный букет, приводящий в хорошее расположение духа.

ВВЕРХ (Aufwärts). Всегда смотри вверх!

ВДОВЫ (Witwe). В европейских странах есть прекрасный обычай. Вдовы носят оба обручальных кольца – свое и умершего мужа – на безымянном пальце.

ВЕГЕТАРИАНСТВО (Vegetarismus). Многие привержены ему.

ВЕЖЛИВОСТЬ (Hofflichkeit). Легко обучиться, легко использовать.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ (Grossbritannien). Я всегда испытывала чистую любовь к этой стране, ее людям, климату и небу. Меня не выводит из себя ни туман, ни электрический свет, при котором приходится сервировать завтрак. Я работала в Англии и чувствовала себя там, как дома. Мне нравится их юмор, традиционный уклад жизни, маленькие лавочки и пивные. Когда видишь английских детей, то хочется переселиться в Англию всей семьей.

ВЕНА (Wien). Жители других городов думают, что венцы с утра до вечера танцуют на улицах. К сожалению, это не так.

ВЕНЕРА (Venus). Я все жду, когда нас посетят жители других планет. Мне кажется, что они говорят: "Не зовите нас, подождите, когда мы вас позовем!".

ВЕРНЫЙ ГЛАЗ (Zollstock Augen). Очень практичен, особенно на кухне. Можно определить на глазок, сколько нужно брать соли, сахара, воды, масла и прочих продуктов.

WESTRN UNION. Когда вы звоните в эту компанию, чтобы передать текст, то обязательно попадаете не туда. И даже если удастся прозвониться, вам будут долго объяснять, в какой форме надлежит посылать телеграмму.

Набирая номер этой компании, я обращаю молитвы к богу Гермесу, посланнику богов. Ему следовало бы сохранить в нашем прогрессивном индустриальном обществе своих представителей. Они бы несли наши вести на другой конец земли с живой расторопностью, доброй волею, душевностью, сочувствием.

ВЕТЕР (Wind). Только стоя на ветру, осознаешь, что ты живешь. Вот что сказал Джордж Барроуз: "Есть день и ночь, солнце, луна и звезды. А еще есть ветер, развившийся на пустошах. Разве жизнь не прекрасна, брат? Это кому же хочется умереть?!"

Продолжение – в следующем номере.

СОДЕРЖАНИЕ

- Снимается кино
3 Р. Ибрагимбеков, Н. Михалков “Утомленные солнцем”
- Лауреаты “Оскара”
54 К. Хури “Тельма и Луиза”
- Сценарий короткометражного фильма
87 Н. Рязанцева “Никто не хотел уезжать”
- Анонс
94 В. Залотуха “Счастье – вот главное слово этих полутора съемочных месяцев”
- Ретро
98 Из материалов журнала “Пегас”
100. Н. Туркин “Новая задача литературы”
102. Н. Туркин “О”Пегасе”
105. Гранитов “Новые постановки”
107. Анна Мар “Смерч любовный”
- Письмо в редакцию
123 Б.Носик. Письмо в редакцию
- Проза кинодраматургов
127 В. Черных “Пиздрик”
- Мемуары
139 В. Фрид “58 1/2”
- К 70-летию Параджанова
166 В. Катанян “Сережк или Страсти по Параджанову”
- 179 100 самых популярных фильмов Америки.
- Из жизни звезд
183 Марлен Дитрих “Азбука моей жизни”

Главный редактор Н. Рюрикова

Редакционно-общественный совет: В. Азерников, Э. Акопов, И. Васильева, Г. Горин, А. Гребнев, А. Инин, Е. Клейнер, А. Криницына, А. Мамилов, А. Медведев, В. Мережко, Н. Рязанцева, М. Сергиенко (отв. секретарь), П. Финн, В. Фрид, А. Червинский, В. Черных

Выпускающий редактор Ю. Гирба.

Компьютерная верстка и графика А. Макаровой

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Сдано в набор 10.08.94. Подписано к печати 19.08.94. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 14,5. Усл. кр. отт. 14,5. Печать офсетная. Бумага типографская офсетная. Гарнитура «прагматика» Заказ № 3222.

Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., 12

Телефоны: 299-11-78, 299-47-74, 209-60-23

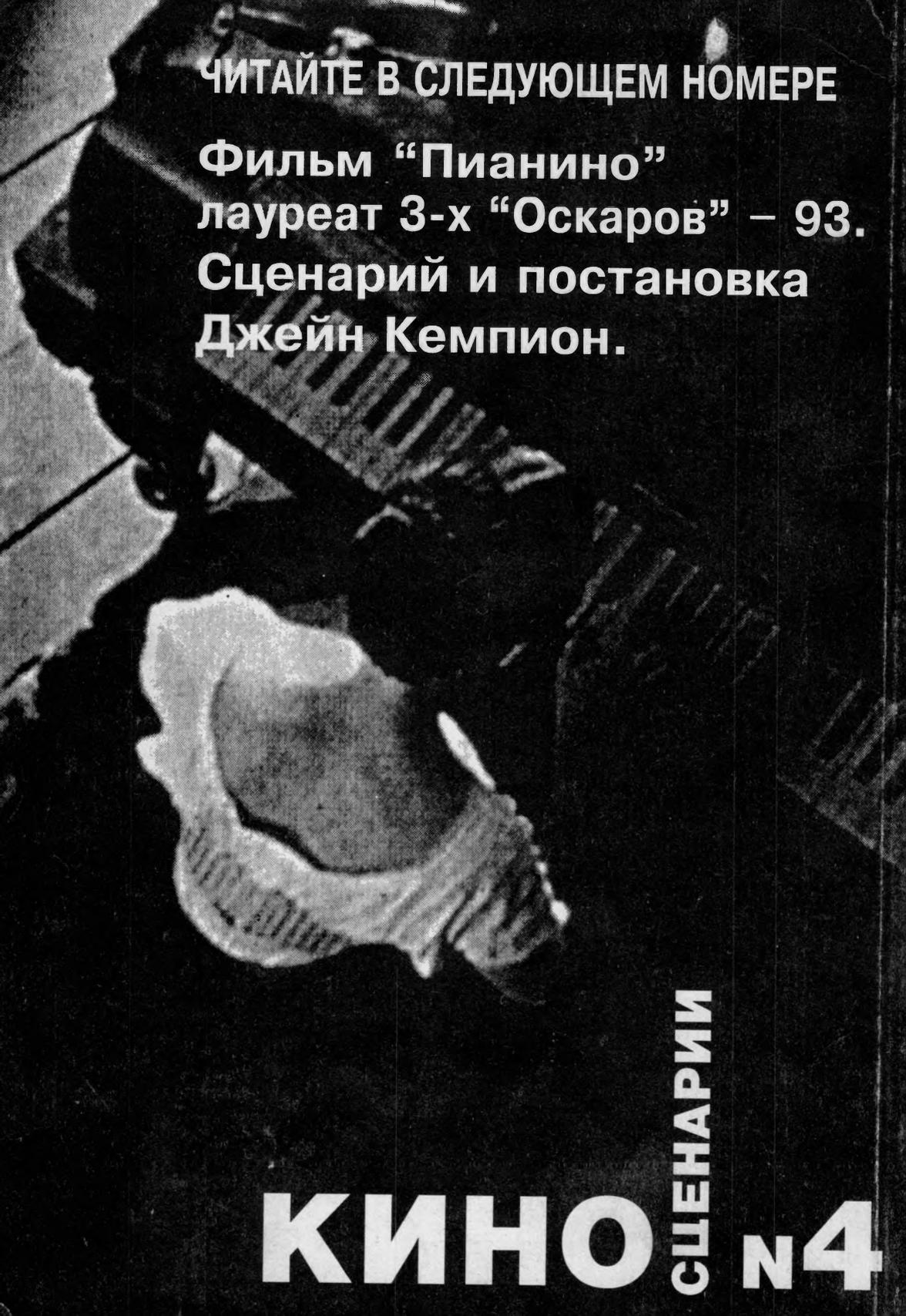
Чеховский полиграфкомбинат

142300, г. Чехов, Московской области.

THE BANK "IMPERIAL"

Редакция журнала
"Киносценарии"
благодарит Банк Империял
за помощь и поддержку в
организации и дальнейшей
работе нашей
художественной галереи
"Дом Нащокина"

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

**Фильм “Пианино”
лауреат 3-х “Оскаров” – 93.
Сценарий и постановка
Джейн Кемпион.**

КИНО **СЦЕНАРИИ** **№4**